Вятский государственный университет

В Е С Т Н И К ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1 (13)

Киров
2019

ББК 74.58я5
В 38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904
Заместители главного редактора
Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995
Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279
Ответственные секретари
О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553
И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:
Исторические науки и археология
А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);
Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);
А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);
Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);
А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);
А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);
Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);
А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);
Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
Филология
О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);
В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);
H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).
Культурология
А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);
Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);
Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);
А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);
В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);
Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)
Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская,36
Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)
Цена свободная

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2019

Vyatka State University

HERALD OF HUMANITARIAN EDUCATION

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1 (13)

Kirov
2019

LBC 74.58я5
В 38

Chief editor
V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904
Deputy editor
L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995
N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279
Executive Secretary
O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553
I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovar, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian History of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID:0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg), ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)
Founder of the journal «Vyatka State University»
Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

© Vyatka State University (VyatSU), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Юнгблюд В. Т., Смольняк И. В. К читателям 7

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Нисковская М. И. Политическая агитация в многотиражной газете «За интинский уголь» Интинского исправительно-трудового лагеря 10

Чернышева Н. В., Чернышев К. А. Плановые сельскохозяйственные переселения жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. 21

Кузнецов М. Ю. Иркутская местная бригада в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. 27

Зонов К. С. Особенности политической работы с призывниками в РККА в 1924–1925 гг. (на материалах Вятской губернии) 37

Клепиков В. В. Нормы и аномалии повседневной жизни уральской провинции 1980-х гг. в зеркале газетной критики (на материалах газеты «Северная звезда» Чердынского района Пермской области) 48

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Мищенко Н. С. Взаимоотношения Р. Рейгана и Ф. Миттерана: противоречия и консенсус (1981–1989 гг.) 56

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Белавин А. М., Вяткин В. В. Письма А. А. Спицына Ф. А. Теплоухову в государственном архиве Пермского края 64

Владимиров Н. В., Егоров А. В. Изучение культурного слоя XVII–XIX вв. г. Слободского в ходе археологических работ 2009–2017 гг. 79

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бухаров В. М., Байкова О. В., Обухова О. Н. Эволюция лингвокультурных маркеров немецкой языковой идентичности на полуострове Крым 89

Мосунова Л. А. Православная книга в аспекте ее влияния на русскую литературу 101

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Воробьева Т. А. Историки на фоне смены эпох: «железный век» как предмет историографии 110

Кайсин А. О. Смыслы вятского летописания 117

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Помелов В. Б. Школа Кировской области в предвоенные годы 120

CONTENTS

EDITIOR'S COLUMN

Yungblud V. T., Smolnyak I. V. To the readers.....7

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

Niskovskaya M. I. Political agitation in the newspaper "For Intinsk coal" of Intinsk correctional labor camp.....10

Chernysheva N. V., Chernyshev K. A. Planned agricultural resettlement of residents of the Kirov region in the second half of the 1930s-early 1940s. 21

Kuznecov M. Yu. Irkutsk local brigade during the Russian-Japanese war 1904–1905.....27

Zonov K. S. Features of political work with conscripts in the red army in 1924–1925 (on the materials of Vyatka province).....37

Klepikov V. V. Norms and anomalies of everyday life of the Ural province of the 1980s in the mirror of newspaper criticism (on the materials of the newspaper "Severnaya Zvezda" ("The North Star") of the Cherdyn district of the Perm region) 48

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

Mishchenko N. S. The relationship Between R. Reagan and F. Mitterrand: contradictions and consensus (1981–1989) 56

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Belavin A. M., Vyatkin V. V. Letters of A. A. Spitsyn to F. A. Teploukhov in the state archive of Perm Krai 64

Vladimirov N. V., Egorov A. V. The study of the cultural layer of the XVII-XIX centuries during the archaeological work in 2009–2017 79

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bukharov V. M., Baykova O. V., Obukhova O. N. Evolution of linguistic and cultural markers of German language identity on the Crimean Peninsula 89

Mosunova L. A. The Orthodox book in the aspect of its influence on Russian literature 101

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Vorobyova T. A. Historians against the background of changing eras: "iron age" as a subject of historiography 110

Kaishin A. O. Meanings of the Vyatka chronicle 117

FROM THE HISTORY OF EDUCATION

Pomelov V. B. School of the Kirov region in the prewar years..... 120

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 947 DOI 10.25730/VSU.2070.19.001

К читателям

В. Т. Юнгблюд[1], И. В. Смольняк[2]
[1]доктор исторических наук, профессор, президент ВятГУ, главный редактор журнала «Вестник гуманитарного образования», Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com
[2]кандидат исторических наук, ответственный секретарь журнала «Вестник гуманитарного образования», Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9293-6639. E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

Аннотация. Вступительная статья содержит краткий обзор материалов, включенных в первый номер журнала «Вестник гуманитарного образования».

Ключевые слова: статья, редакция, номер, Вестник гуманитарного образования.

Первый номер журнала в 2019 г. открывает раздел, посвященный проблемам отечественной истории. Старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН М. И. Нисковская исследует историю повседневной жизни заключенных одного из исправительно-трудовых лагерей, расположенных на территории Коми АССР, используя в качестве главного источника местную прессу. Автор не только воссоздает информационный фон эпохи, но и иллюстрирует конкретные реалии различных граней организации быта обитателей одного из островов необъятного архипелага. Статья «Политическая агитация в многотиражной газете “За Интинский уголь” Интинского исправительно-трудового лагеря» будет интересна не только историкам ГУЛАГа, но и культурологам.

Следующая статья посвящена плановым сельскохозяйственным переселениям жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. Авторы статьи доцент кафедры истории и политических наук ВятГУ Н. В. Чернышева и доцент кафедры государственного и муниципального управления ВятГУ К. А. Чернышев анализируют организационно-управленческие мероприятия по сельскохозяйственным переселениям, выделяют этапы переселения и показывают, каким образом в процессе выполнения этих программ эволюционировали права переселенцев. Статья «Плановые сельскохозяйственные переселения жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг.» будет актуальна не только для специалистов в области исторической демографии, но и для всех читателей, интересующихся проблемами локальной истории.

Аспирант кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета М. Ю. Кузнецов обращается к событиям Русско-японской войны. Предметом его исследования является история Иркутской местной бригады. На основе изучения архивных источников анализируется организация местных войск Восточной Сибири и их состояние в 1904–1905 гг. Представленный материал раскрывает специфику службы и различные ситуации, с которыми пришлось сталкиваться офицерам и нижним чинам бригады, дислоцированной в Восточной Сибири. Публикуемая работа молодого историка расширяет представления о влиянии одного из крупнейших военных конфликтов, в котором приняла участие Россия в начале XX века, на состояние местных сообществ и создаваемых в них военных формирований.

Тему комплектования воинских частей и работу с личным составом продолжает аспирант кафедры истории и политических наук ВятГУ К. С. Зонов, который в статье «Особенности политической работы с призывниками в РККА в 1924–1925 гг. (на материалах Вятской губернии)» рассматривает становление, организацию и реализацию политической работы с

© Юнгблюд В. Т., Смольняк И. В., 2019

призывниками в период первых призывов в РККА мирного времени 1924 и 1925 гг. на фоне проведения военной реформы. Статья будет актуальна для читателей, интересующихся историей вооруженных сил.

Завершает рубрику статья историка из Пермского государственного института культуры В. В. Клепикова «Нормы и аномалии повседневной жизни уральской провинции 1980-х гг. в зеркале газетной критики (на материалах газеты "Северная звезда" Чердынского района Пермской области)». Автор на основании материалов периодической печати реконструирует особенности газетной критики, отображающей повседневность уральской провинции первой половины 1980-х гг.

Рубрика «Проблемы всеобщей истории» представлена статьей аспиранта факультета истории, политических наук и культурологии ВятГУ Н. С. Мищенко «Взаимоотношения Р. Рейгана и Ф. Миттерана: противоречия и консенсус (1981–1989 гг.)». В статье рассматриваются взаимоотношения президента США и президента Франции, исследуются обстоятельства, которые, несмотря на многочисленные разногласия между данными государственными деятелями, позволили Франции и США существенно сблизить свои позиции на завершающем этапе холодной войны. Значительное внимание в статье уделено личным взаимоотношениям двух лидеров. Статья будет актуальна не только для историков-американистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей холодной войны и международными отношениями.

Рубрику «Проблемы археологии» открывает статья профессора кафедры отечественной истории и археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета А. М. Белавина и к. ист. н. В. В. Вяткина. Авторы публикуют письма известного российского археолога А. А. Спицына пермскому археологу и коллекционеру Ф. А. Теплоухову – главному управляющему имением графов Строгановых в селе Ильинском. Перед читателем предстают известные ученые и талантливые деятели русской культуры. Знакомство с содержанием этих писем существенно расширяет представления об интеллектуальном фоне эпохи, многое говорит о личных характеристиках их авторов и исповедуемых ими культурных ценностях.

Продолжает рубрику статья сотрудников Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области Н. В. Владимирова и А. В. Егорова «Изучение культурного слоя XVII–XIX вв. г. Слободского в ходе археологических работ 2009–2017 гг.». Авторы описывают результаты проведенных изысканий и обосновывают вывод о том, что полученная ими информация существенно дополняет сведения письменных источников и открывает дополнительные возможности для дальнейшего изучения г. Слободского.

Рубрика «Филология» открывается совместной статьей вятских и крымских ученых, объединивших свои усилия для изучения эволюции лингвокультурных маркеров немецкой языковой идентичности на полуострове Крым. Ученые-лингвисты ВятГУ О. В. Байкова и О. Н. Обухова совместно руководителем Департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национального исследовательского университета Высшей школы экономики В. М. Бухаровым впервые описали языковое сообщество немцев Крыма, которое подвергается языковой ассимиляции в результате усиления давления глобальных языков, обслуживающих надрегиональную коммуникацию. Целью работы является анализ немецкой языковой идентичности с точки зрения исследования лингвокультурных маркеров, а именно истории этноса, вопросы вероисповедания, культуры и сферы использования родного языка. Статья может быть интересна исследователям в области социолингвистики, немецкой островной диалектологии.

Также в разделе представлена статья профессора кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций ВятГУ Л. А. Мосуновой «Православная книга в аспекте ее влияния на русскую литературу», посвященная феномену взаимообогащения текстов православных книг и произведений русской классики. Цель статьи – показать взаимосвязь книжного духовного наследия России, включая старообрядческое, с русской классической литературой. Автор приходит к выводу о том, что русская классическая литература глубоко «запечатлела в слове и образе духовный опыт русского человека», изначально воплощенный в православной книге, а православная книга и сегодня способна заполнить духовный вакуум на фоне массового падения интереса к чтению.

На своих страницах мы продолжаем знакомить с рецензиями на монографии и статьи, которые, по нашему мнению, могут вызвать интерес читателей. В разделе «Рецензии и научная жизнь» представлен развернутый отзыв на монографию известного историка А. В. Гордона «Историки "железного века"», подготовленный Т. А. Воробьевой. Отмечается, что основная идея книги – показать, насколько сложен, а подчас трагичен был путь ученых, искренне веривших в

идеалы Русской революции, в ее справедливость, но живших и творивших в условиях «жесткого» идеологического режима, так называемой «культуры партийности». Без учета этой коллизии трудно понять специфику советского общества, успехи и победы «железного века».

Заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией ВятГУ А. О. Кайсин обращает внимание читателя на монографию А. Л. Мусихина «Вятка: символы и смыслы», вышедшую в 2019 г. Подчеркивается важность первого в отечественной историографии комплексного исследования на данную тему. В первый том включены статьи, посвященные различным темам средневековой вятской истории. Второй том – это монографическое изучение вятского летописания с подробным анализом и публикацией самих летописных текстов. Это первый на сегодняшний день хронологический обзор летописных источников о Вятском крае и летописных источников, непосредственно созданных на Вятке.

С первого номера этого года журнал открывает рубрику «Из истории образования», в которой будут размещаться материалы, касающиеся становления и развития историко-педагогической науки в нашей стране и за рубежом. На этот раз мы публикуем статью профессора ВятГУ В. Б. Помелова «Школа Кировской области в предвоенные годы». На основе архивных источников автор раскрыл основные тенденции развития школьного образования в Кировской области в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Подробно охарактеризована работа школьных коллективов по военно-оборонной и спортивной подготовке школьников. Освещена деятельность Кировского областного отдела народного образования и районных отделов народного образования по проведению аттестации учителей, выявлению недостатков в их профессиональной подготовке. В статье показан вклад школьных учителей и преподавателей Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в решение задачи подготовки учительских кадров накануне Великой Отечественной войны.

To the readers

V. T. Yungblud[1], I. V. Smolnyak[2]
[1]Doctor of Historical Sciences, professor, President of Vyatka State University, editor-in-chief of the journal "Herald of humanitarian education", Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com
[2]PhD of Historical Sciences, Executive Secretary of the journal "Herald of humanitarian education", Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9293-6639. E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

Abstract. The introductory article contains a brief overview of the materials included in the first issue of the journal "Herald of humanitarian education".

Keywords: article, editorial, issue, Herald of humanitarian education.

УДК 947(470.13):343.814/819 DOI 10.25730/VSU.2070.19.002

Политическая агитация в многотиражной газете «За Интинский уголь» Интинского исправительно-трудового лагеря

М. И. Нисковская
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.
Россия, г. Сыктывкар. E-mail: drowing-psyche@yandex.ru

Аннотация. Влияние периодических изданий на общество особенно актуально в период лагерей ГУЛАГа. В представленной статье рассматривается многотиражная газета «За Интинский уголь» Интинского исправительно-трудового лагеря. В статье изучены способы пропаганды в этой газете, мобилизации производственников на выполнение их хозяйственных и трудовых обязательств в лагере. В газете «За Интинский уголь» пропагандировалось участие в социалистическом соревновании. Газета печатала обращения, социалистические обязательства шахт, участников, строительных и монтажных цехов, выступала с передовыми статьями, призывающими к развертыванию соревнования. На своих страницах газета освещала положительный опыт постановки партийной работы в партийных организациях, политической работы в массах, организации идейного воспитания коммунистов и непартийных большевиков, как в партийных организациях осуществляют право контроля деятельности администрации, а также вскрывала недостатки в работе партийных организаций. В газете звучали призывы работать ритмично, улучшать качество добычи угля, внедрять передовой опыт новаторов. Критика трудящихся на предприятии продолжала публиковаться в газете «За Интинский уголь». Порицались не только производственные простои, но и аморальное поведение в быту. Наряду с этим газета развертывала критику недостатков хозяйственной деятельности шахт и предприятий, указывала на изъяны в работе по рационализации и изобретательству. Значительная работа была проделана газетой в период подготовки к выборам в Верховные Советы СССР, РСФСР и Коми АССР по пропаганде избирательного закона и Сталинской конституции, показу организации предвыборной политической работы среди населения, агитации за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Данная статья полезна широкому кругу исследователей, в особенности историкам, политологам и филологам.

Ключевые слова: ГУЛАГ, периодика, Коми АССР, пропаганда.

Интинский лагерь был выделен из Воркуто-Печорского 17 ноября 1941 года. Этот исправительно-трудовой лагерь «эксплуатировал Интинское угольное месторождение, строил Интинскую ЦЭС, производил работы бывшего Щугорского исправительно-трудового лагеря <…> : угледобычу, строительство шахты № 3 и узкоколейную железную дорогу на пристань реки Печоры, занимался подсобными сельскохозяйственными работами» [21, с. 140]. При этом история города Инты и интинского угольного месторождения начинается с 1924 г. «Летом этого года геолог Е. Д. Сошкина (ученица профессора А. А. Чернова) с небольшой изыскательной партией обследовала реки Большая Инта, Кожим и Косью с целью поиска каменного угля… В 1936 г. здесь сложился постоянный поселок геологов и рабочих-заключенных, а в 1937 г. появляется небольшой лагпункт Усинского отделения Ухпечлага… С лета 1938 рудник с лагпунктом перешел в состав Воркутинского лагеря…» [23, с. 64; 24].

Многотиражной газетой, через которую руководство Интинского лагеря передавало информацию производственникам, была «За Интинский уголь». Постановление об издании этой газеты вышло 31 января 1943 года, в нем было сказано, что в связи с возросшими «задачами Интинского лагеря по строительству шахт и угледобычи, значительным ростом числа рабочих

© Нисковская М. И., 2019

и служащих и перспективой его увеличения в 1943 году, учитывая территориальную разбросанность производственных подразделений лагеря, в целях лучшей мобилизации масс на выполнение государственного военно-хозяйственного плана строительства и улучшения политической агитации и партийной пропаганды политотдел постановляет просить Коми Обком ВКП(б) и Политотдел ГУЛАГа НКВД СССР ходатайствовать перед ЦК ВКП(б) о разрешении издания газеты многотиражки при Политотделе Интинстроя НКВД СССР» [25, л. 5]. Документ был подписан начальником Политотдела Интинстроя НКВД СССР Барановым. Не все номера газеты «За Интинский уголь» сохранились. В Национальном архиве Республики Коми содержатся номера газет с июня по декабрь 1951 года, подшивка за 1952 год, с января по июль 1953 года. Информацию о номерах газеты «За Интинский уголь» за другие годы можно получить только по отчетам работы Политического отдела Интауголь МВД СССР, Минерального лагеря МВД СССР.

В 1945 году газета «За Интинский уголь» вышла 56 раз. Основное внимание газеты было направлено на мобилизацию коллектива строителей на выполнение стоящих хозяйственно-политических задач, на оказание помощи партийным организациям в постановке партийно-политической работы, на устранение имеющихся недостатков в хозяйственной деятельности подразделений и в работе первичных организаций. Поэтому заметки, помещенные в газете, были посвящены вопросам увеличения добычи угля, новому шахтному строительству, трудовой и производственной дисциплине, социалистическому соревнованию, повышению квалификации рабочих и воспитанию мастеров угля, подготовке к зимнему периоду, механизации, сельскому хозяйству, графику работ, вопросам режима экономики. «Рядом статей, как например, “Повседневно повышать идейно-политический уровень”, “Улучшить дело марксистско-ленинского воспитания кадров”, “Больше требовательности в партийной работе”, “Работе с молодыми коммунистами”, “Повседневно руководить комсомолом”, были подняты вопросы внутрипартийной работы» [26, л. 17 об.].

Значительное место в газете «За Интинский уголь» уделялось освещению хода социалистического соревнования, показу лучших предприятий, передовых людей, передовому опыту их работы. В этом разделе были опубликованы принятые коллективом социалистические обязательства, итоги выполнения социалистических обязательств победителей в соревновании – коллективов и отдельных людей. Несмотря на то что во многих лагерных газетах, как и в «За Интинский уголь», особое место уделялось производственной проблематике, современные исследовали отмечают, что в исправительно-трудовых лагерях отсутствовали объекты и фронты работ для заключенных. По словам А. Г. Миронова, в лагерях «политическая составляющая преобладала над экономической обоснованностью… Также определялся лимит наполнения каждого режимного лагеря, например, в помещениях Интинлага МВД должны были быть сосредоточены 25 000 заключенных особого лагеря № 1…» [22, с. 48].

С момента объявления указов Президиума Верховного Совета СССР о проведении выборов в Верховный Совет СССР в газете «За Интинский уголь» было отведено немалое место освещению хода предвыборной кампании, задачам партийных организаций, работе отдельных парторганизаций и агитаторов, печатались статьи: «“В помощь агитатором и изобретателям”, “Об избирательной системе Советского государства”, освещая ход соревнований в честь выборов» [26, л. 18].

Несмотря на последствия послевоенного развития Коми АССР и промышленности в советском государстве в целом, «культурное строительство в Коми АССР, как и всей страны, развивалось интенсивно, целеустремленно. С новой силой проявились преимущества социалистической системы, величие подвига всего советского народа и его созидательной творческой деятельности» [20, с. 8]. В начале 1946 года Политический отдел ГУЛАГа разрешил увеличить периодичность газеты «За Интинский уголь» до двух раз в неделю. За 1946 год вышло 108 номеров. Увеличение периодичности позволило с одной стороны расширить тематику газеты, а с другой – привлечь более широкий круг читательского актива, предоставить возможность рабочим, инженерам и служащим чаще выступать на страницах газеты. «В течение 1946 года в редакцию поступило 712 писем трудящихся нашего строительства (сюда, конечно, не входят корреспонденции информационного характера, получаемые редакцией от своих корреспондентов с шахт и подразделений), из которых 623 опубликовано в газете. В числе опубликованных корреспонденций свыше 100 являются выступлениями руководящих и инженерно-технических работников подразделений, отделов управления» [27, л. 18].

Принятие первой Сессией Верховного Совета СССР Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы выдвинуло перед газетой

большую задачу по пропаганде как общих задач пятилетки, так и развития интинской шахты. Публикуя на страницах газеты материалы первой Сессии Верховного Совета СССР, пропагандистские статьи и подборки по отдельным разделам пятилетнего плана из центральной печати, редакция газеты «За Интинский уголь» доносила до трудящихся задачи, намеченные указанной пятилеткой. «Рассказывая о конкретных перспективах развития Интинского угольного района, нами (редакцией – М. Н.) были подготовлены две специальные полосы – "Инта в новой сталинской пятилетке". Эта работа нами продолжается. Сейчас, например, в газете публикуется серия статей под шапкой "Во втором году новой сталинской пятилетки", где руководители предприятий рассказывают о том, над чем они работают и будут работать в 1947 году» [27, л. 18 об.].

В газете «За Интинский уголь» пропагандировалось участие в социалистическом соревновании. Газета печатала обращения, социалистические обязательства шахт, участников, строительных и монтажных цехов, выступала с передовыми статьями, призывающими к развертыванию соревнования. «Например: "Под знаменем новой сталинской пятилетки угольщики Инты развертывают соревнование за досрочное выполнение полугодового плана", "Дадим больше угля Родине, достойно встретим 25-летие Коми АССР", "Достойно встретим XXIX годовщину Великого Октября" и др.» [27, л. 18 об.]. Освещая ход социалистического соревнования, газета организовала выступления его участников, делая специальные подборки. «В числе их можно указать на такие, как "Неустанно повышать производительность труда, добиваться новых успехов в соревновании", "Слово передовиков не расходится с делом", "Как мы добились победы", "Работать так, как работают передовики", "Лучше организовывать дело, строго соблюдать график" и т. д. Кроме того, под рубрикой "Люди нашего строительства", "Дело и люди наших предприятий", "Обмен опытом" напечатано 26 корреспонденций о передовиках соревнования. 12 инженерно-технических работников и рабочих поделились на страницах газеты методами своей работы» [27, л. 19].

Систематически публиковались в газете «За Интинский уголь» материалы по партийно-комсомольской жизни. «В вышедших 108 номерах газеты в отделе "Партийная и комсомольская жизнь" было опубликовано 35 материалов по организационно-партийным вопросам, марксистско-ленинскому воспитанию коммунистов, комсомольцев и непартийной интеллигенции, агитационно-массовой работы, показу деятельности коммунистов на производстве, т. е. примерно приходится одна статья на три газеты. В числе опубликованных корреспонденций 14 являются выступлениями секретарей первичных партийных организаций. Кроме того, вопросам организационно-партийной и агитационно-массовой работы посвящен ряд передовых статей, напечатаны отчеты всех прошедших на строительстве собраний партийного актива» [27, л. 19].

Помимо описания значения пятилетнего плана, социалистического соревнования, партийной и комсомольской жизни, на страницах газеты «За Интинский уголь» поднимались вопросы рационализации горных и строительных работ, режима экономии, сохранения социалистической собственности.

Значительная работа была проделана газетой в период подготовки к выборам в Верховные Советы СССР, РСФСР и Коми АССР по пропаганде избирательного закона и Сталинской конституции, показу организации предвыборной политической работы среди населения, агитации за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, мобилизации трудящихся на выполнение принятых обязательств в честь выборов и освещению хода предвыборного социалистического соревнования.

«С конца октября редакция организовала выпуск сменной полосы для личного состава военизированной охраны. Периодичность сменной страницы – три раза в месяц. За два месяца 1946 года вышло в свет 6 таких полос. Они посвящены боевой и политической подготовке охраны, организации несения конвойно-караульной службы» [27, л. 19 об.].

Газета «За Интинский уголь» в 1947 году выходила два раза в неделю, тиражом 1500 экземпляров. Было выпущено 210 номеров. Газета выходила по средам и субботам. Срывов в выходе газеты не было. «В течение 1947 года в редакцию поступило 776 писем трудящихся нашего строительства, из которых 640 опубликовано в газете. Из числа помещенных в газете корреспонденций 260 написано руководителями подразделений, предприятий, отделов управления и инженерно-техническими работниками, 178 – начальниками участков, смен, бригадирами и рабочими, 163 – партийными и профсоюзными работниками» [28, л. 16 об.].

В 1947 году произошли важные политические события – выборы в Верховные Советы союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся. «Освещая ход из-

бирательной кампании на всех ее этапах, многотиражка опубликовала Указы Президиумов Верховных Советов РСФСР и Коми АССР об объявлении выборов, Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР, Коми АССР и местные Советы депутатов трудящихся» [28, л. 16 об.]. Пропагандируя избирательный закон советского государства и принципы Сталинской конституции, разъясняя трудящимся достигнутые в области хозяйственного и культурного строительства успехи, в газете «За Интинский уголь» за период предвыборных кампаний напечатано «4 конституции, даны подборки "Российская Федерация", "Под знаменем Сталинской Конституции растет и процветает Коми республика" и ряд других, которыми пользовались агитаторы в проведении агитационной работы. Подготовке к выборам газета посвятила 13 передовых» [28, л. 7]. Освещая ход подготовки к выборам на строительстве, газета дала за время предвыборной кампании 16 специальных подборок, в которых выступали агитаторы, председатели участковых избирательных комиссий, руководители агитколлективов, секретари партийных организаций, заведующие агитационными пунктами. Они рассказывали о постановке агитационно-массовой работы среди трудящихся, о подготовке избирательных участков к выборам. Значительное внимание многотиражная газета «За Интинский уголь» уделяла агитации за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Она публиковала материалы собраний, митингов, посвященных выдвижению кандидатов в депутаты, встрече кандидатов с избирателями, биографии кандидатов, помещала статьи и очерки, призывающие голосовать за выдвинутых кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Отметим, что одно из центральных мест в газете «За Интинский уголь» занимала пропаганда пятилетнего плана, которая тесно увязывалась с выполнением стоящих перед строительством во втором году пятилетки задач. Для этого в газете печатались статьи, разъясняющие горнякам и строителям значение социалистического соревнования, освещались результаты работ предприятий, коллективов и отдельных людей по выполнению принятых обязательств, а также распространялся опыт передовых людей строительства.

Публиковались заметки передовых предприятий Ленинграда о развертывании социалистического соревнования в честь 30-летия Великого Октября, газета призывала трудящихся строительства также включиться в соревнование за достойную встречу 30-й годовщины Октября. «Многотиражка из номера в номер освещала ход соревнования, выступала с передовыми статьями, организовывала выступления участников соревнования, давала подборки о ходе соревнования. В числе их можно указать на такие, как "Шире размах социалистического соревнования", "Конкретными делами подкрепить обязательства", "Дал слово – сдержи, взял обязательство – выполни – таков закон соревнования", "Умножим успехи социалистического соревнования" и т. д.» [28, л. 17–17 об.].

В 210 номерах газеты «За Интинский уголь», вышедших в 1947 году, вопросам соревнования, хозяйственной деятельности шахт и цехов, механизации производственных процессов, рационализации и изобретательству, себестоимости продукции, повышению производительности труда посвящено 84 подборки и 56 передовых статей. Печатались статьи о лучших трудящихся лагеря, ряд работников выступали в газете с целью обмена опытом своей работы.

На своих страницах газета освещала положительный опыт постановки партийной работы в партийных организациях, политической работы в массах, организации идейного воспитания коммунистов и непартийных большевиков, как в партийных организациях осуществляют право контроля деятельности администрации, а также вскрывала недостатки в работе партийных организаций.

В течение 1947 года в «За Интинский уголь» было опубликовано 10 передовых статей, посвященных организационно-партийной и агитационно-пропагандистской работе. Были изданы материалы проходивших на строительстве партийных активов и конференций. За 1947 год в разделе «"Партийная жизнь" нашей газеты напечатано 29 статей по организационно-партийной работе, 9 – по агитационно-пропагандистской работе. С указанными статьями выступило 3 руководителя агитколлективов, 2 агитатора, 18 статей написано секретарями первичных партийных организаций и 15 – работниками политотдела» [28, л. 18].

В 1948 году газета «За Интинский уголь» вышла 105 раз. Основная цель, которую ставило перед собой это периодическое издание, заключалась в том, чтобы стать активным борцом за осуществление задач, стоящих перед комбинатом в третьем году новой пятилетки. Пропагандируя хозяйственные планы предприятий и социалистические обязательства коллективов на 1948 год, газета публиковала материалы и о том, как они реализуются. Конкретными примерами из жизни цехов, из работы отдельных людей она мобилизовала усилия ра-

бочих и служащих на выполнение принятых обязательств. В этих целях в газете публиковались передовые статьи, тематические подборки, печатались выступления инженерно-технических работников предприятий, начальников участков, смен, бригад, отдельных стахановцев. Например, «в номере от 4 февраля 1948 года в подборке “Неустанно повышать производительность труда” выступил начальник участка тов. Порохня и рассказал о том, как его участок добился победы. В другой корреспонденции этой подборки указывалось на причины низкой производительности отбойных молотков. Подборки “Люди стахановского календаря”, “Слова, подтвержденные делами”, “Больше угля, выше его качество”, “Механизмы на полный ход”, “Обязательство – это твой боевой план” показывали положительные дела людей и предприятий, вскрывали недочеты» [29, л. 7].

Руководящие и инженерно-технические работники шахт, выступая в газете, делились опытом работы своих предприятий, рассказывали, как их коллективы ведут борьбу за угледобычу, за улучшение качественных показателей, за производственное использование механизмов. «В течение прошлого года на страницах газеты было опубликовано 263 статьи этой группы руководителей. Статьи “Путь к достижению цели” начальника шахты тов. Гутмана, “Шахтостроители” – инженера тов. Брискина, “Не останавливаться на достигнутом” – главного инженера шахты № 1 тов. Цибина, “Путь шахтеров” – главного инженера шахты № 2 тов. Федотова показывали трудовые будни горняков и то, как эти коллективы добивались поставленной перед собой цели» [29, л. 7].

Важнейшим делом газеты «За Интинский уголь» являлась демонстрация работы первичных партийных организаций, того, как они занимаются марксистско-ленинской учебой, политической агитацией в массах, социалистическим соревнованием, как осуществляют контроль над хозяйственной деятельностью администрации. «По этим вопросам в разделе “Партийная жизнь” было опубликовано 38 статей» [29, л. 7]. С ними выступили секретари партийных организаций, работники политического отдела.

Пропагандируя положительный опыт, газета указывала на недостатки в деятельности подразделений лагеря. «Статьями “Шахта дает убыток”, “Забытый участок работы”, “За средними показателями”, “Проходка отстает” и др. она вскрывала причины отставания на угледобыче, показывала плохое использование механизмов, низкое качество угля и т. д.» [29, л. 7].

Газета «За Интинский уголь» «за 1950 год и семь месяцев вышла 168 раз. На своих страницах газета освещала ход социалистического соревнования за досрочное выполнение плана послевоенной Сталинской пятилетки и производственную деятельность предприятий Комбината, показывала постановку партийно-политической работы в парторганизациях, мобилизовала горняков и строителей на выполнение поставленных перед Комбинатом задач, вела борьбу с имеющими недостатками в работе Комбината и лагеря» [31, л. 71].

Освещая ход социалистического соревнования и производственную деятельность шахт, многотиражная газета систематически печатала статьи и подборки, сосредотачивая главное внимание на таких важнейших для комбината вопросах, как производительность труда, механизация процессов угледобычи, улучшение качества продукции, снижение себестоимости, проведение режима экономии. Распространяя методы работы передовиков, газета печатала статьи по обмену опытом.

Наряду с этим газета развертывала критику недостатков хозяйственной деятельности шахт и предприятий, указывала на изъяны в работе по рационализации и изобретательству, обогащению угля, использованию механизации и организации труда в горнопроходческих бригадах и т. д. «Большинство критических выступлений газеты обсуждалось среди инженерно-технических работников шахт, на производственных совещаниях, и по ним принимались меры» [30, л. 13 об.].

Во всей своей работе многотиражное периодическое издание опиралось на авторский актив, стремилось привлечь к выступлению в газете руководителей предприятий и отделов управления, инженерно-технический состав и стахановцев производства. «В 103 номерах многотиражки, вышедших в 1950 году, свыше 100 статей по вопросам соревнования и производства написаны именно этой категорией авторов. Среди них начальник шахт тт. Федотов, Царев…, руководители отделов управления тт. Полежаев, Шалаев, инженеры тт. … Бласеевич, Ивашкин, мастер угля Зотов, фрезеровщик Попов, машинист углепогрузочной машины Бозадчи, забойщик Буга…» [30, л. 13 об.].

В отделе партийной жизни было опубликовано «72 статьи. С ними выступили секретари первичных партийных организаций, пропагандисты, агитаторы, работники политотдела. Наибо-

лее удачны и содержательны… являются: статья секретаря партийной организации тов. Харитонова "Контроль за выполнением социалистических обязательств", статья секретаря партийной организации тов. Собянина, рассказывающая о повышении роли партийных собраний и активности коммунистов, рассказ пропагандиста тов. Рысенко и ряд других» [30, л. 14].

В период проведения и подготовки выборов в Верховный Совет СССР и в местные Советы депутатов трудящихся газета «За Интинский уголь» освещала вопросы предвыборной кампании, выступала сама в роли агитатора и пропагандиста. «Ведя разъяснение избирательного закона, достижений советского народа в борьбе за послевоенную сталинскую пятилетку она опубликовала консультации и статьи, а также показывала рост нашего комбината. К числу таких материалов можно отнести полосы и подборки под названием: "Убедительные примеры нашего роста", "Величайшие стройки сталинской эпохи", "Две системы – два образа жизни", "Инта меняет свой облик"» [30, л. 14].

Многотиражной газеты «За интинский уголь» в 1951 году выпущено 103 номера. Стоимость газеты составляла 10 копеек. Ее лозунгом было «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». На газете стоял гриф «За пределы предприятия распространению не подлежит». Ответственным редактором был Н. Белобородов. Исполняющим обязанности ответственного редактора были И. Серебряков, Н. Шарапов. На своих страницах газета освещала ход социалистического соревнования за досрочное выполнение плана и производственную деятельность комбината, показывала постановку партийно-политической работы в парторганизациях, мобилизовала горняков и строителей на выполнение поставленных перед комбинатом задач, «вела борьбу с имеющими в работе комбината и лагеря недостатками» [32, л. 27].

Призыв к социалистическому соревнованию был частым явлением на страницах газеты «За Интинский уголь», например, он был приурочен ко дню Шахтера. Режим экономии также стал одной из определяющих тем в газете «За Интинский уголь» в указанном году. «Борьбу за экономию необходимо вести на всех стадиях производства – от момента добычи, заготовки, первичной обработки сырья и до момента отделки готовой продукции. Следует шире применять повторное использование материалов» [1, с. 1].

В газете подвергались критике различные аспекты производства, добычи угля, указывались конкретные люди, которые плохо выполняли свою работу. «Предприятие, где председателем местного комитета тов. Левашов, оснащено передовой техникой. На выемке, погрузке и транспортировке угля используются врубовые машины, угольный комбайн "Донбасс", углепогрузчики, электровозы, скребковые транспортеры и другое оборудование. Однако плохая организация труда в лавах и забоях привела к низкому коэффициенту использования механизмов» [2, с. 1]. Или другой пример критики работы шахты. «На шахте, где председателем местного комитета тов. Волков, низки темпы продвигания горных выработок. Это объясняется тем, что горнотехнический персонал предприятия неэнергично борется с недостатками, не развертывает широкого фронта работ» [3, с. 1].

Не только редакция газеты «За Интинский уголь» критиковала работу сотрудников лагеря, но и сами трудящиеся писали претензии на выполнение работ друг друга. «Большую работу по проектированию промышленных, жилых и коммунальных объектов комбината ведет отдел, где начальником тов. Хоменко… Однако строители имеют к проектировщикам много претензий. Основная из них – это то, что некоторая часть рабочих чертежей, и в особенности счеты на производство, выдается с опозданием, чем задерживается сооружение строительных объектов» [5, с. 1].

Наравне с критикой недостатков в работе производственников в газете «За Интинский уголь» публиковались заметки о положительном опыте работы шахтеров, об их достоинствах. «Крепильщики тт. Гуч, Попелковский, Куляк решили выполнять ежесменно по полторы нормы. Раньше они крепили один забой за углепогрузочной машиной. Теперь крепильщики перешли на работу в двух забоях. Увеличился фронт работ, уменьшились непроизводственные затраты времени. Это позволило поднять производительность труда – передовые производственники выполняют теперь по две нормы ежесменно» [4, с. 1].

В газете публиковались материалы касательно внутренней и внешней политики советского государства. Например, о том, что западные государства не хотят сотрудничать с Советским Союзом. «Проводя изо дня в день все эти агрессивные мероприятия, западные державы были бы не прочь поставить дымовую завесу и использовать для этого вопрос о созыве Совета министров иностранных дел четырех держав… Отказываясь обсудить в Совете министров иностранных дел четырех держав вопрос о военных базах США и Атлантическом пакте, за-

ключение которого послужило главной причиной ухудшения отношений между СССР и тремя западными державами, правящие круги США, Великобритании и Франции демонстрируют всему миру свое стремление не к ослаблению, а к сохранению и усилению в своих целях напряженного положения в Европе» [3, с. 2].

В 1952 году выпущено 98 номеров газеты Парткома комбината «За Интинский уголь». На протяжении всего года она выходила регулярно, два раза в неделю. В Национальном архиве Республики Коми сохранилась подшивка с 15-го номера за 1952 год. Газета стоила 15 копеек. Ответственным редактором был И. Корольков.

Многотиражная газета всегда уделяла внимание освещению жизни предприятий комбината, социалистического соревнования шахтеров, в большинстве номеров напечатаны целеустремленные полосы и подборки, раскрывающие ход соревнования, полезные и содержательные статьи новаторов производства, начальников участков, инженеров шахт, рабочих. В интинской многотиражной газете говорилось о необходимости передачи и обмена опытом. «Необходимо усилить на предприятиях комбината научно-техническую пропаганду, передачу опыта производства. С этой целью надо чаще практиковать проведение совещаний, конференций по обмену опытом работы, по внедрению рационализаторских предложений и изобретений, способствующих техническому и общему росту молодых кадров. Следует обратить внимание на привлечение молодых специалистов к решению технических задач предприятия…» [12, с. 1]. Газета всегда поддерживала инициативу горняков, все новое, передовое. Акцентирование внимания на социалистическом соревновании было одним из многократно повторяющихся вопросов на страницах «За Интинский уголь».

Часто газета печатала статьи, рассказывающие о передовом опыте труда. На страницах регулярно выступали стахановцы, начальники участков, смен, бригад, инженеры, механизаторы. Все материалы публиковались под рубриками: «Передовой опыт – в массы!», «Трибуна передового опыта». «Новые трудовые подарки преподнесли первомайскому празднику посадчики тт. Аппазов, Мокин, Колегаев. Они каждую смену перевыполняют производственное задание на 50-70 процентов, а свои индивидуальные месячные нормы они выполнили раньше всех» [9, с. 1].

Регулярно в газете популяризовались рационализаторы и изобретатели комбината, подвергались критике руководители, тормозящие внедрение рационализаторских предложений в производство. «Тогда на помощь пришли наши рационализаторы. Они предложили применять торцовые подшашки, заранее заготовленные на поверхности из отходов круглого леса диаметром 25-30 сантиметров. Торцовые подшашки обладают наибольшим сопротивлением давлению подрубленного угля, и осадка его настолько незначительна, что кровля не нарушается» [10, с. 1].

Кроме этого, в 1952 году напечатано в газете 14 фельетонов, в которых «остро критиковались отдельные предприятия, отделы, недостатки и слабости некоторых руководителей» [33, л. 33].

«В 1952 году в газете “За интинский уголь” напечатано под рубриками “Партийная жизнь” и “Комсомольская жизнь” 136 статей и корреспонденций. Авторы их – работники Политотдела, секретари партийных и комсомольских организаций, пропагандисты, слушатели кружков, коммунисты-производственники. Газета систематически печатала статьи, подборки и целеустремленные полосы, посвященные вопросу учебы коммунистов. Выступающие пропагандисты делились опытом организации занятий» [33, л. 33]. В газете раскрывались разные аспекты партийной деятельности. Например, то, что на партийных собраниях коммунисты на основе большевистской критики и самокритики глубоко вскрывают недостатки в работе, намечают мероприятия по обсуждаемым вопросам. В газете «За Интинский уголь» публиковались материалы, которые должны были помочь агитаторам в их работе. «В беседах агитатора очень важно использовать местные факты. Советская действительность дает для этого богатейший материал. Взять, к примеру, наш поселок. Только за последние годы здесь выросли новые благоустроенные жилые дома, школа-десятилетка, больница, баня, детский сад. Значительно выросли доходы рабочих и служащих, неуклонно повышается их благосостояние» [7, с. 1].

В связи с решениями XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза многотиражная газета повысила уровень критики и самокритики и особенно критики снизу, постоянно вела борьбу за повышение производительности труда, за полное использование внутренних резервов производства. Газета «За Интинский уголь» призывала горняков повышать

качество угля. «Предприятия комбината имеют все возможности для дальнейшего снижения зольности отгружаемого топлива. Учитывая, что снижение стандарта зольности – задача не меньшая, чем выполнение плана угледобычи, горняки, инженеры и техники наших шахт совместно с работниками отделов управления комбината могут и обязаны обеспечить соблюдение государственных стандартов» [6, с. 1].

Организация быта производственников также стала важной темой для разбора в многотиражной интинской газете. «Особая чуткость и внимание со стороны хозяйственников, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций должны быть проявлены к устройству быта молодых рабочих. Недавно комиссия провела обследование общежитий, выявила ряд недостатков. В общежитиях предприятий, где председателями профкомов тт. Калашников и Никишин, не налажено водоснабжение, неуютно, не проводится культурно-массовая работа» [11, с. 1].

В газете «За Интинский уголь» важное значение уделялось развитию художественной самодеятельности. Критиковалось недостаточное вовлечение в эту деятельность участников трудового процесса. «В кружки художественной самодеятельности еще недостаточно вовлекаются рабочие и служащие, инженеры, врачи и наша молодежь. Повинны в этом прежде всего руководители общественных организаций. Среди жителей поселка есть певцы, плясуны, музыканты, чтецы, любители сценического искусства, но они остаются без внимания» [8, с. 2].

Подшивка номеров газет за 1953 год сохранилась в Национальном архиве Республики Коми с января по июль. В газете было отмечено, что редакция расположена в управлении Интинского угольного комбината, в комнате № 46. За ответственного редактора был Н. И. Шарапов. Первый номер в 1953 году вышел 1 января, в нем трудящихся поздравляли с Новым годом. «В Новом году советским людям предстоит совершить новые дела. Решения XIX съезда партии, мудрая речь вождя товарища Сталина и его гениальный труд “Экономические проблемы социализма в СССР” вооружили нас конкретной программой борьбы за победу коммунизма. Нынешний год должен стать годом нового развертывания социалистического соревнования, широкого распространения новых его форм» [13, с. 1]. Так уже в новогоднем поздравлении была определена дальнейшая линия политико-партийной пропаганды в 1953 году.

В этом же году на страницах газеты «За Интинский уголь» читателей готовили к предстоящим выборам в местные Советы депутатов трудящихся (22 февраля), был опубликован список кандидатов в депутаты (№ 11). «Для проведения агитационно-массовой работы среди строителей и работников подсобных предприятий выделено 11 агитаторов» [14, с. 1].

Агитация также нашла свое отражение на страницах многотиражной газеты «За Интинский уголь». В этом периодическом издании говорилось о работе агитационных пунктов. «С 29 декабря 1952 года в агитпункте регулярно читаются лекции и доклады, установлено дежурство агитаторов. Здесь организуются столы справок, консультации по юридическим вопросам и вопросам здравоохранения, просвещения, а также работников сберкассы. Для этой работы привлекаются опытные юристы, врачи, учителя» [15, с. 1]. В качестве задачи для агитационно-массовой работы среди избирателей определялась необходимость мобилизовать коллективы агитаторов. «Необходимо один раз в неделю созывать агитколлектив на семинар, где не только инструктировать агитаторов, но и заслушивать информации о проделанной ими работе, организовывать обмен опытом» [15, с. 1].

В газете продолжили звучать призывы работать ритмично, улучшать качество добычи угля, внедрять передовой опыт новаторов. «На передовых шахтах страны и нашего комбината широко внедряются прогрессивные методы организации труда: комплексные бригады, работа по личным планам повышения производительности труда, скоростная проходка и т. п. Задача хозяйственных руководителей, партийных организаций состоит в том, чтобы всячески способствовать внедрению на производстве нового, прогрессивного, обобщать и распространять опыт новаторов, настойчиво добиваясь выполнения и перевыполнения плана» [16, с. 1].

Редакция газеты «За Интинский уголь» отмечала, какие меры проводятся для повышения производительности труда на предприятии: «Бригады переведены на хозяйственный расчет, каждой из них спущены планы, заданы хозрасчетные книжки. Это мероприятие повысило заинтересованность в результатах работы, явилось стимулом дальнейшего повышения производительности труда» [17, с. 1].

Критика трудящихся на предприятии продолжала публиковаться в газете «За Интинский уголь». Порицались не только производственные простои, но и аморальное поведение в быту. «В прошлом году в отдел управления, которым руководит тов. Хоменко, был прислан

инженер Гурштейн. С первых же дней работы Гурштейн показал, на что он способен. Сначала его видели в пивной, потом он нашел убежище в придорожном кювете. Его редкий день можно видеть на работе трезвым, а с 3 февраля он вообще не являлся в отдел» [18, с. 2].

В газете была опубликована информация о болезни и смерти И. В. Сталина (№ 20), о его похоронах (№ 21).

Главная задача советских газет была обозначена в газете «За Интинский уголь». «Долг наших газет и стенной печати – широко освещать социалистическое соревнование по претворению в жизнь директив XIX съезда партии, воспитывать трудящихся в духе сознательного, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству. Повседневно повышая свой идейно-политический и культурный уровень, укрепляя живую связь с трудящимися, увеличивая число своих рабочих и сельских корреспондентов, наша печать сумеет усилить свою воспитательную и организационную роль в подъеме политической, хозяйственной и культурной жизни страны» [19, с. 1].

Таким образом, газета «За Интинский уголь», выходившая в Интинском исправительно-трудовом лагере с января 1943 года, решала хозяйственные и общественно-политические задачи. В ней звучали призывы к качественной работе, к выполнению и перевыполнению плана. В этой многотиражной газете публиковались заметки о выборах, о важности политической агитации, о значении коммунистической партии.

Список литературы

1. За Интинский уголь. 1951. № 47.
2. За Интинский уголь. 1951. № 48.
3. За Интинский уголь. 1951. № 49.
4. За Интинский уголь. 1951. № 51.
5. За Интинский уголь. 1951. № 60.
6. За Интинский уголь. 1952. № 15.
7. За Интинский уголь. 1952. № 23.
8. За Интинский уголь. 1952. № 24.
9. За Интинский уголь. 1952. № 35–36.
10. За Интинский уголь. 1952. № 38.
11. За Интинский уголь. 1952. № 49.
12. За Интинский уголь. 1952. № 55.
13. За Интинский уголь. 1953. № 1.
14. За Интинский уголь. 1953. № 3.
15. За Интинский уголь. 1953. № 5.
16. За Интинский уголь. 1953. № 6.
17. За Интинский уголь. 1953. № 14.
18. За Интинский уголь. 1953. № 19.
19. За Интинский уголь. 1953. № 37.
20. Культурное строительство в Коми АССР 1938–1960 гг. : сборник документов. Сыктывкар, 1984. 293 с.
21. *Максимова Л. А.* Репрессированное население и развитие промышленности // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Сыктывкар, 2004. С. 136–147.
22. *Миронов А. Г.* Особые лагеря МВД СССР: трудовое использование контингента (по материалам ГАРФА) // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 48–51.
23. *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997. 190 с.
24. *Морозов Н. А.* История интинских лагпунктов. 1934–1954 гг. // Политические репрессии и сопротивление несвободе. Сыктывкар, 2009. С. 180–199.
25. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 21.
26. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 75.
27. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 97.
28. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 118.
29. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 147.
30. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 173.
31. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 208.
32. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 240.
33. Национальный архив Республики Коми (Архивохранилище № 2). Ф. П.-2174. Оп. 1. Ед. хр. 262.

Political agitation in the newspaper "For Intinsk coal" of Intinsk correctional labor camp

M. I. Niskovskaya
PhD of Historical Sciences, senior researcher of the Institute of language, literature and history of Komi Scientific Center of the Ural branch of RAS.
Russia, Syktyvkar. E-mail: drowing-psyche@yandex.ru

Abstract. The influence of periodicals on society is particularly relevant during the Gulag camps. In the presented article the newspaper "For Intinsk coal" of Intinsk correctional labor camp is considered. The article examines the ways of propaganda in this newspaper, mobilization of production workers to fulfill their economic and labor obligations in the camp. The newspaper "For Intinsk coal" promoted participation in the socialist competition. The newspaper printed appeals, socialist commitments of mines, participants, construction and Assembly shops, made leading articles calling for the deployment of the competition. On its pages, the newspaper covered the positive experience of organizing party work in party organizations, political work in the masses, the organization of ideological education of Communists and non-party Bolsheviks, as in the party organizations exercise the right to control the activities of the administration, as well as revealed shortcomings in the work of party organizations. The newspaper called to work rhythmically, to improve the quality of coal mining, to introduce the best practices of innovators. Criticism of workers at the enterprise continued to be published in the newspaper "For Intinsk coal". Not only production downtime, but also immoral behavior in everyday life were condemned. Along with this, the newspaper launched a criticism of the shortcomings of the economic activities of mines and enterprises, pointed to flaws in the work of rationalization and invention. Considerable work was done by the newspaper in preparation for the elections to the Supreme Soviet of the USSR, RSFSR and Komi ASSR to promote the electoral law and the Stalinist Constitution, showing the organization of pre-election political work among the population, campaigning for PhDs of the Communist bloc and non-party. This article is useful for a wide range of researchers, especially historians, political scientists and philologists.

Keywords: GULAG, periodicals, Komi ASSR, propaganda.

References

1. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1951. No. 47.
2. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1951. No. 48.
3. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1951. No. 49.
4. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1951. No. 51.
5. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1951. No. 60.
6. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1952. No. 15.
7. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1952. No. 23.
8. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1952. No. 24.
9. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1952. No. 35–36.
10. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1952. No. 38.
11. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1952. No. 49.
12. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1952. No. 55.
13. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1953. No. 1.
14. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1953. No. 3.
15. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1953. No. 5.
16. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1953. No. 6.
17. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1953. No. 14.
18. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1953. No. 19.
19. *Za Intinskij ugol'* – For Intinsky coal. 1953. No. 37.
20. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Komi ASSR 1938–1960 gg. : sbornik dokumentov* – Cultural construction in the Komi Republic in 1938–1960 years : collection of documents. Syktyvkar. 1984. 293 p.
21. *Maksimova L. A. Repressirovannoe naselenie i razvitie promyshlennosti* [Repressed population and development of industry] // *Vklad repressirovannyh v osvoenie Evropejskogo Severa Rossii i Priural'ya* – Contribution of the repressed to the development of the European North of Russia and the Urals. Syktyvkar. 2004. Pp. 136–147.
22. *Mironov A. G. Osobye lagerya MVD SSSR: trudovoe ispol'zovanie kontingenta (po materialam GARFA)* [Special camps of the Ministry of internal Affairs of the USSR: labor use of contingent (based on State Archieve of Russian Federation materials) // *Istoriya i perspektivy razvitiya severnyh regionov Rossii: rol' GULAGa, memorial'naya deyatel'nost'* – History and prospects of development of Northern regions of Russia: the role of the GULAG, memorial activity. Syktyvkar. 2011. Part 1. Pp. 48–51.
23. *Morozov N. A. GULAG v Komi krae* [GULAG in the Komi region]. 1929–1956. Syktyvkar. 1997. 190 p.

24. *Morozov N. A. Istoriya intinskih lagpunktov. 1934–1954 gg.* [History of the Intinsk camps. 1934–1954.] // Political repression and resistance to non-freedom. Syktyvkar. 2009. Pp. 180–199.
25. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 21.
26. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 75.
27. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 97.
28. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 118.
29. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 147.
30. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 173.
31. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 208.
32. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 240.
33. National archive of the Republic of Komi (Archive No. 2). F. P.-2174. Inv. 1. St. unit 262.

УДК 947(470.342)"1930-1940" DOI 10.25730/VSU.2070.19.003

Плановые сельскохозяйственные переселения жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг.*

Н. В. Чернышева[1], К. А. Чернышев[2]
[1]кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-1492-5368. E-mail: natiche84@mail.ru
[2]кандидат географических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-3543-4776. E-mail: kochern@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена плановым сельскохозяйственным переселениям жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. Авторы рассматривают сельскохозяйственное переселение как вид организованных миграций.

Цель исследования – охарактеризовать плановые сельскохозяйственные переселения жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. Предмет – сельскохозяйственные переселения жителей Кировской области. Авторы анализируют организационно-управленческие основы сельскохозяйственного переселения, раскрывают этапы переселения и права переселенцев. Исследователи выявили, что в силу определенных причин переселение жителей региона в 1936–1938 гг. не осуществлялось. В 1940 г. был принят план переселения на 1940–1942 гг., предусматривающий постепенное наращивание масштабов переселения с общим количеством переселенцев в 4500 хозяйств (около 25 тыс. чел.). В 1940 г. в Карело-Финскую ССР, на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток удалось переселить 2,5 тыс. хозяйств с контингентом 12–15 тыс. чел. В дальнейшем начавшаяся война не позволила реализовать намеченные планы.

Ключевые слова: миграции населения, сельскохозяйственное переселение, Кировская область.

В период существования Российской империи, а затем и в Советском государстве Кировская область (до ее образования преимущественно Вятская губерния) являлась регионом, отдающим население для осуществления сельскохозяйственного переселения. Причин тому несколько: малоземелье, голод, стремление людей к лучшей жизни и пр. В первое десятилетие Советской власти происходит становление советской переселенческой политики: создаются организационно-управленческие основы, разграничиваются понятия «переселение» и «расселение», переселение рассматривается как один из способов решения аграрного вопроса.

Сельскохозяйственное переселение можно определить как одну из форм трудовых миграций, проводимую органами государственной власти, предусматривающую переселение людей (колхозов) из малоземельных районов в многоземельные районы СССР с целью закрепления вновь приобретенных территорий или/и их хозяйственного освоения.

Начиная с 1925 г. сельскохозяйственные переселения становятся плановыми [18, л. 68–85]. Самовольные переселения государство ограничивает. В 1920–1930-е гг. переселенческие процессы имели несколько направлений. Во-первых, переселение, инициированное и контролируемое государством и проводимое в рамках плана, во-вторых, «самовольное» переселение, в-третьих, спецпереселение (выселение кулаков, различных неблагонадежных, «чуждых» элементов и т. п.). В рамках данного исследования речь идет о первом направлений переселений.

В связи с проводимыми в стране репрессиями изменились задачи переселенческой политики, а само ее осуществление в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР «О реорганизации руководства переселенческим делом» от 10 июля 1936 г. возлагалось на НКВД СССР. Переселенческий отдел при НКВД СССР в основном занимался вербовкой и перевозкой населения [8].

В конце 1936 г. в результате административно-территориальных преобразований была образована Кировская область. Административно-территориальные изменения и переход

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19-010-00319 и № 19-09-00251.
© Чернышева Н. В., Чернышев К. А., 2019

дела переселения в «руки» органов НКВД СССР на время приостановили переселенческое дело. Летом 1938 г. было создано Бюро по сельскохозяйственному переселению НКЗ СССР [10, л. 1]. На Бюро по сельскохозяйственному переселению возлагался весь спектр организационно-плановых работ.

В 1938 г. сельскохозяйственное переселение жителей Кировской области (межрегиональное и внутриобластное) не осуществлялось. Несмотря на отсутствие кампании планового переселения, в газетах публиковалась информация о переселенческом движении в СССР, главным образом носившая агитационно-пропагандистский характер. Например, в апреле 1938 г. на Дальний Восток на постоянное место жительства переселялась из Куйбышевской области семья известных танкистов братьев Михеевых [17, с. 1].

В мае 1939 г. были ликвидированы Бюро и Переселенческий отдел при НКВД СССР. На их основе в сентябре 1939 г. создавалась всесоюзная организация – Переселенческое управление при СНК СССР [6]. Организация и комплектование штатов планировалось завершить к 1 октября 1939 г. В составе Переселенческого управления создавалось 6 территориальных отделов [5]. Начальником управления был назначен Евгений Михайлович Чекменев.

Главной задачей управления являлось сельскохозяйственное переселение колхозов, колхозников и единоличников:

– из малоземельных республик, краев и областей Союза в многоземельные;

– переселение с земель, отчуждаемых для строительства промышленных предприятий, железнодорожных магистралей, гидротехнических и других сооружений;

– внутриобластное переселение из малоземельных районов в многоземельные и хозяйственное устройство кочевых и полукочевых хозяйств, переходящих на оседлость;

– переселение на вновь освоенные орошенные земли.

Переселенческое управление при СНК СССР для реализации поставленной задачи занималось разработкой и утверждением планов сельскохозяйственного переселения и оседания; строительства, снабжения и других мероприятий, связанных с переселением; устанавливало районы и колхозы, имеющие избыточные трудовые ресурсы, и определяло контингенты переселенцев для переселения из малоземельных республик, краев и областей Союза в многоземельные районы; определяло районы и колхозы, имеющие свободные, пригодные для сельскохозяйственного использования земли; организовывало переезд переселенцев, обслуживание их в пути следования, приемку и хозяйственное устройство в местах вселения и пр.

Одновременно с постановлением о реорганизации была утверждена «Временная инструкция о порядке привлечения, отбора и направления сельскохозяйственных переселенцев из малоземельных районов в многоземельные районы Союза ССР и о приеме переселенцев в местах вселения», формы переселенческого билета и анкеты-заявления [2]. Несмотря на временный характер документа «Инструкция» утратила силу на основании постановления Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г.

В регионах создавались Переселенческие отделы, «Типовое положение» о деятельности которых было разработано в сентябре 1939 г. [9]. Переселенческие отделы выполняли следующие задачи:

1) сельскохозяйственное переселение колхозов, колхозников и единоличников из малоземельных районов в многоземельные;

2) прием и хозяйственное устройство переселенцев;

3) переселение колхозов, колхозников и единоличников с земли, отчуждаемой для строительства предприятий магистралей и пр.;

4) внутриобластное переселение и хозяйственное устройство переселяемых;

5) хозяйственное устройство кочевых и полукочевых хозяйств, переходящих на оседлость;

6) переселение на вновь освоенные земли.

Для их выполнения отделы разрабатывали планы переселения и оседания и хозяйственного устройства; определяли районы и колхозы, имеющие избыточные трудовые ресурсы; занимались подготовкой и отводом земельных фондов в неосвоенных для сельхозпроизводства районах; организацией переезда, обслуживания, приема и хозяйственного устройства переселенцев в местах вселения и пр.

Переселенческие отделы проводили свою работу через райисполкомы. Совместно разрабатывали порайонные планы переселения, устанавливали сроки отправки (приема) переселенцев. Также осуществляли переселение колхозников и единоличников, увольняемых в долгосрочный отпуск из рядов РККА, РКВМФ и войск НКВД СССР красноармейцев, краснофлотцев, начальствующего и командного состава (на основании личных заявлений).

На райисполкомы возлагались обязанности по организации привлечения, отбора, оформления переселенцев, перевозки их до станции отправления, а также приема переселенцев и их хозяйственного устройства в колхозах. Переселяющимся по плану предусматривались льготы в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. № 115/2043 «О льготах по сельскохозяйственному переселению» [7].

Переселенческое управление разработало «Вопросник-памятку Председателю колхоза», в которой содержались вопросы относительно подготовки к приему переселенцев, их размещению и адаптации [13, л. 23]. А также «Вопросник-памятку колхознику-переселенцу для письма Переселенческому управлению при СНК СССР», содержащее алгоритм обращения с описанием наиболее важных вопросов переселения (обеспечение жильем, скотом, получение обменной квитанции и пр.) [13, л. 24].

В целом процесс переселения включал три основных этапа. На первом этапе осуществлялось привлечение, отбор и оформление переселенцев. На представителей Переселенческих отделов СНК республик или край- (обл-) исполкомов была возложена работа по выполнению планового переселения. Райисполкомы проводили массовую агитационную работу. Для переселения колхозники и единоличники заполняли анкету-заявление (установленного образца), по которой работники Переселенческих отделов делали заключение о возможности переезда. Далее оформлялся переселенческий билет и осуществлялось содействие в решении имущественных вопросов на местах и подавались сведения о финансовых затратах на переезд.

Второй этап – непосредственно перевозка переселенцев. Подготовкой эшелонов занимались работники Переселенческих отделов СНК республик, край- (обл-) исполкомов исходя из установленных «Временной инструкцией» норм перевозки людей, скота и имущества. Вагон для перевозки людей вмещал 25 чел., для перевозки КРС – 7 голов, мелкого рогатого скота – 25 голов. Разрешалось перевозить до 8 тонн имущества в одном вагоне. Эшелон с переселенцами также должен был иметь вагон-изолятор и вагон-амбулаторию. В пути предполагалось не только продовольственное и бытовое, но и медицинское и ветеринарное обслуживание. Кроме того, представители Переселенческих отделов обязаны были организовать прием людей, имущества и скота к эшелону, уведомить принимающую сторону об их отправке. Представители райисполкомов осуществляли доставку переселенцев, скота и имущества на станцию за 1 день до отправки.

Третий этап – прием и устройство переселенцев. Переселенческие отделы на местах занимались: подготовкой временных помещений на станции прибытия; медико-санитарным и культурно-массовым обслуживанием; перевозкой переселенцев, скота и имущества в колхозы вселения за счет транспорта колхозов; предоставлением льгот, проверкой готовности жилых домов и надворных построек для переселенцев.

Переселение в 1940 г. осуществлялось за счет вербовки колхозников из 17 900 колхозов СССР, 43 областей центральных районов РСФСР, Украины и Белоруссии [4, с. 234]. В результате на переселение в 1940 г. была отобрана в основном передовая и наиболее активная часть колхозного крестьянства: 841 председатель, 416 членов правления колхозов, 2222 бригадира, 8962 плотника и столяра, 3451 кузнец и слесарь и т. д. [4, с. 235–236].

Распределялись переселенцы приблизительно в 10 тыс. колхозов, 503 района, 31 области и края СССР. Распыленность в их размещении объяснялась тем, что в 1940 г. большинство районов вселения стремилось использовать имеющиеся в колхозах незанятые дома. Исключение составляла Карело-Финская ССР, где для работы переселенцев создавались новые колхозы. 83,1% переселенцев осели в восточных районах, 14% – в Карело-Финской ССР и только 2,9% в других областях и республиках СССР [4, с. 236]. В этом году для переселенцев по всему Союзу было построено 21 833 новых дома, капитально отремонтировано 57 177, закуплено для новоселов 13 497 домов. 13,2% семей переселенцев к концу 1940 г. все же не были обеспечены домами и временно проживали на квартирах.

В 1939–1940 гг. планировалось включать жителей Кировской области в кампанию сельскохозяйственного переселения. В 1939 г. переселения из Кировской области не предусматривалось [11, л. 7]. Однако в рамках внеплановых решений о переселении из Кировской области в 1939 г. в Приморский край переселено 4 семьи (21 чел.) [12, л. 22].

За 1940–1942 гг. планировалось переселить из 19 районов Кировской области в разные районы СССР 4 500 хозяйств [15, л. 3]. План предусматривал постепенное нарастание масштабов переселения: 1940 г. – 1000 хозяйств; 1941 г. – 1700 хозяйств; 1942 г. – 1800 хозяйств. Большинство потенциальных переселенцев желали переселиться в Приморский и Алтайский края, Челябинскую область.

В 1940 г. проводилось внутриобластное переселение 32 хозяйств (п. Плетеневский, п. Надеевский Омутнинского района) с целью организации снабжения сельскохозяйственными продуктами жителей г. Омутнинска, а также межобластное переселение 1000 хозяйств колхозников [15, л. 1].

Для внутриобластного переселения предусматривалось строительство двух новых поселков за счет колхозников, получив средства с реализации домов и построек на старом месте жительства. На строительство колхозных построек, хозяйственное обзаведение и на дворовое оснащение необходим был кредитный заем не менее 101 600 руб. [15, л. 7].

Внутриобластное переселение по плану осуществлялось на землях вокруг г. Омутнинска в объеме 120 хозяйств: 1940 г. – 32 хозяйства; 1941 г. – 40 хозяйств, 1942 г. – 48 хозяйств [14, л. 2]. Расходы на одну переселяемую семью должны были составить 104 руб. из расчета: 15 руб. – разъезды и командировочные по вербовке; 50–90 руб. – перевозка от колхоза до железнодорожной станции; 7 руб. – культурно-бытовое обслуживание на станции и в пути и расходы по отправке эшелонов. По внутриобластному переселению запланированы траты 50 руб. на семью [14, л. 4].

Для хозяйственного обзаведения внутренних переселенцев требовалось 120 рубленых домов, 9600 куб. м круглого леса, 6000 куб. м пиленого леса, 6000 кг гвоздей, 1800 кв. м стекла, 11 520 штук шурупов, 144 000 штук кирпича. Планировалось также построить 2 конюшни, 2 скотных двора, 2 овчарни, 2 зернохранилища и 2 свинарника [14, л. 8, 13].

В объяснительной записке к плану сельскохозяйственного переселения в 1940 г. отмечалось, что вывоз 1000 хозяйств в другие регионы страны не отразится на экономике колхозов и промышленности области. При составлении порайонного плана переселения учитывались: возможность сселения хуторских хозяйств и поселков меньше 5 домов; недостаток земли для усадебных участков колхозников; малоземелье колхозов.

В отчетах Переселенческого управления отмечается, что в 1940 г. из Кировской области переселено 2,5 тыс. хозяйств с общим количеством трудоспособного населения 5 тыс., т. е. в 1,5 раза больше запланированного. Дети и пожилые не включались в отчеты, а это еще минимум 5 тыс. чел. (такой контингент можно определить исходя из требований к переселенческой семье). Необходимо также отметить, что объем переселений из региона был в 2-3 раза меньше осуществляемого из Поволжья, Центральных районов РСФСР [16, л. 32]. Исследователь Н. И. Платунов в труде «Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.)», также основываясь на сведениях фонда РГАЭ (ранее – ЦГАНХ СССР) «Учреждения по руководству переселением в СССР», дает иные сведения. В частности, указывает, что из Кировской области были отобраны переселенцы из 360 колхозов, отправлено 1517 хозяйств с общей численностью 7536 чел. Средняя численность переселенческой семьи составила 5,0 чел. [4, с. 235]. Эти данные так же превышают показатели плана переселения. Однако сведения Переселенческого управления, на наш взгляд, являются более точными. Так как планы переселения корректировались и уточнялись, а сам процесс переселения был длительным и на момент составления отчета отдельные переселенцы еще не завершили переезд. Предположительно 1 тыс. хозяйств была отправлена сверх плана в Карело-Финскую ССР.

При выборе регионов выхода учитывалась нагрузка хозяйств земляными угодьями. В 1940 г. и 1941 г. она в среднем по РСФСР составляла 5,3 га и 5,4 га на хозяйство. В 1941 г. по Кировской области – 5,5 га и 6,5 га на хозяйство соответственно [16, л. 44]. К сожалению, точных сведений о местах выхода переселенцев в 1940 г. выявить не удалось. Достоверно можно утверждать, что переселяли жителей Кировской области на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, а также в Карело-Финскую ССР.

В плановом порядке в 1940 г. в Карело-Финскую ССР шел отбор переселенцев в 26 районов республики. Заселялись 7 уездов в 380 колхозов [4, с. 239]. Газета «Кировская правда» освещала на своих страницах начавшуюся кампанию по сельхозпереселению жителей Кировской области в Карело-Финскую ССР. В июне 1940 г. вышла статья, содержавшая информацию о возможностях переселенцев и подготовительной работе. Сообщалось, что «из Кировской области переселенцы направляются в уезд Яски. Местность этого уезда не пострадала от военных действий. Дома и надворные постройки целы… имеется электрическое освещение… Для личного ознакомления с уездом Яски 26 июня выехали ходоки – представители колхозников пяти районов: из Молотовска – тов. Бажин, из Шаранги – тов. Быков, из Кая – тов. Ченилов, из Верховина – тов. Крюков, из Просницы – тов. Микрюков. Все они возвратятся в Киров 5 июля.

Завтра с этой же целью отправляется вторая группа ходоков, состоящая из 18 чел. Сюда вошли представители девяти районов: Арбажского, Халтуринского, Оричевского, Котельничского, Свечинского, Шабалинского, Слободского, Белохолуницкого и Зуевского.

Первая партия переселенцев выедет из Кировской области 12 июля» [1, с. 4].

Подробно о переселении колхозников в Карело-Финскую ССР описано в статье, подготовленной Н. Скурихиной – медицинским фельдшером, сопровождавшей кировских переселенцев: «16 июля со станции Киров вышел первый поезд с переселенцами-колхозниками Кировской области в КФССР. Поезд был хорошо оборудован, с ним следовал вагон-лавка, в котором были все необходимые продукты питания, санитарный вагон. На протяжении всего пути переселенцы бесплатно получали горячие обеды.

К месту назначения прибыли благополучно. В уездном городке Яски кировцам устроили дружную встречу представители фабрик, председатель временного управления уезда тов. Жарков и секретарь райкома партии тов. Богданов. Встреча растрогала колхозников. Все они разместились в заранее подготовленных домах.

Колхозники просили передать горячий привет» [3, с. 4].

В 1941 г. намечалось продолжить переселение в восточные районы страны. Был утвержден план переселения на 1941 г., значительно превышающий масштабы 1940 г. Особенностью переселенческой кампании 1941 г. должно было стать массовое строительство новых домов для переселенцев.

Таким образом, организационно-управленческие преобразования во второй половине 1930-х гг. мало способствовали развитию переселенческого дела. Лишь с конца 1939 г. Переселенческое управление при СНК СССР и подведомственные ему отделы возвращаются к основам планового переселения. Кировская область традиционно являлась поставщиком для нуждающихся в трудовых ресурсах регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Кировский областной исполком разработал план межобластного и внутриобластного сельскохозяйственного переселения в III пятилетке, предусматривающий постепенное увеличение масштабов переселения в восточные районы страны. Начавшаяся война не позволила реализовать имевшиеся планы переселения на 1941–1942 гг.

Список литературы

1. В Карело-Финскую ССР // Кировская правда. 1940. 28 июня. № 140.

2. Временная инструкция о порядке привлечения, отбора и направления сельскохозяйственных переселенцев из малоземельных районов в многоземельные районы Союза ССР и о приеме переселенцев в местах вселения от 14 сентября 1939 г. № 1447. URL: http://istmat.info/node/23550.

3. Кировские колхозники в Карело-Финской ССР // Кировская правда. 1940. 3 авг. № 178.

4. *Платунов Н. И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. 283 с.

5. Положение о Переселенческом управлении при СНК СССР от 14 сентября 1939 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=33768&dst=100001/#0.

6. Постановление СНК СССР «Об организационных вопросах Переселенческого управления при СНК Союза ССР» от 14 сентября 1939 г. № 1447. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=33768.

7. Постановление ЦИК и СНК СССР «О льготах по сельскохозяйственному переселению» от 17 ноября 1937 г. URL: http://istmat.info/node/23548.

8. Постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации руководства переселенческим делом» от 10 июля 1936 г. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=31707;fld=134;dst=100014;rnd=0.9356577307917178

9. Приказ Переселенческого Управления при СНК СССР «Об утверждении “Типового положения о Переселенческих отделах при Облисполкомах РСФСР”» от 20 сентября 1939 г. / РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 247. Л. 2–5.

10. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф-5675. Оп. 1. Д. 208.

11. РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 240.

12. РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 262.

13. РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 297.

14. РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 310.

15. РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 345.

16. РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 354.

17. Семья Михеевых приехала на Дальний Восток // Кировская правда. 1938. 9 апр. № 82 (987).

18. Центральный государственный архив Кировской области. Ф. Р-1062. Оп. 1. Д. 2462. Л. 68–85.

Planned agricultural resettlement of residents of the Kirov region in the second half of the 1930s-early 1940s.

N. V. Chernysheva[1], K. A. Chernyshev[2]
[1] PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-1492-5368. E-mail: natiche84@mail.ru
[2] PhD of Geographical Sciences, associate professor of the Department of state and municipal administration, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-3543-4776. E-mail: kochern@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the planned agricultural resettlement of residents of the Kirov region in the second half of the 1930s-early 1940s. The authors consider agricultural resettlement as a type of organized migration.

The purpose of the study is to characterize the planned agricultural resettlement of residents of the Kirov region in the second half of the 1930s-early 1940s. The subject is agricultural resettlement of residents of the Kirov region. The authors analyze the organizational and managerial basis of agricultural resettlement, reveal the stages of resettlement and the rights of immigrants. The researchers found that due to certain reasons, the resettlement of residents of the region in 1936–1938 was not carried out. In 1940 the resettlement plan for 1940–1942 was adopted, providing for a gradual increase in the scale of resettlement with a total number of immigrants in 4500 households (about 25 thousand people). In 1940, in the Karelo-Finnish SSR, the Urals, Siberia and the Far East managed to relocate 2.5 thousand farms with a contingent of 12–15 thousand people. In the future, the war did not allow to implement the plans.

Keywords: population migrations, agricultural resettlement, Kirov region.

References

1. *V Karelo-Finskuyu SSR* – To Karelo-Finnish SSR // *Kirovskaya pravda* – Kirov Truth. 1940, June 28. No. 140.
2. *Vremennaya instrukciya o poryadke privlecheniya, otbora i napravleniya sel'skohozyajstvennyh pereselencev iz malozemel'nyh rajonov v mnogozemel'nye rajony Soyuza SSR i o prieme pereselencev v mestah vseleniya ot 14 sentyabrya 1939 g. № 1447* – Temporary instruction on the procedure for attracting, selecting and sending agricultural migrants from low-land areas to multi-land areas of the USSR and on the reception of migrants in places of settlement of September 14, 1939 No. 1447. Available at: http://istmat.info/node/23550.
3. *Kirovskie kolhozniki v Karelo-Finskoj SSR* – Kirov collective farmers in the Karelian-Finnish SSR // *Kirovskaya pravda* – Kirov Truth. 1940, 3 Aug. No. 178.
4. *Platunov N. I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917–iyun' 1941 gg.)* [Resettlement policy of the Soviet state and its implementation in the USSR (1917–June 1941)]. Tomsk. Tomsk University. 1976. 283 p.
5. Regulations on Resettlement management at the Council of people's Commissars of the USSR of September 14, 1939. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=33768&dst=100001/#0 (in Russ.)
6. Resolution of the Council of people's Commissars of the USSR "On organizational issues of Resettlement management under the Council of people's Commissars of the USSR" dated September 14, 1939. No. 1447. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=33768 (in Russ.)
7. Resolution of the CEC and Council of people's Commissars of the USSR "On benefits for agricultural resettlement" of November 17, 1937. Available at: http://istmat.info/node/23548 (in Russ.)
8. The resolution of the CEC and Council of people's Commissars of the USSR "On reorganization of management of resettlement business" of July 10, 1936. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=31707;fld=134;dst=100014;rnd=0.9356577307917178 (in Russ.)
9. The order of Resettlement Management at Council of people's Commissars of the USSR "On the statement of "Standard regulations on Resettlement departments at regional Executive Committees of RSFSR" of September 20, 1939 / Russian State Archieve of Economics. F-5675. Inv. 1. File 247. Sh. 2–5 (in Russ.)
10. Russian state archive of Economics. F-5675. Inv. 1. File 208.
11. Russian state archive of Economics. F-5675. Inv. 1. File 240.
12. Russian state archive of Economics. F-5675. Inv. 1. File 262.
13. Russian state archive of Economics. F-5675. Inv. 1. File 297.
14. Russian state archive of Economics. F-5675. Inv. 1. File 310.
15. Russian state archive of Economics. F-5675. Inv. 1. File 345.
16. Russian state archive of Economics. F-5675. Inv. 1. File 354.
17. *Sem'ya Miheevyh priekhala na Dal'nij Vostok* – The Mikheev family came to the Far East // *Kirovskaya pravda* – Kirov Truth. 1938, 9 Apr. No. 82 (987).
18. Central state archive of Kirov region. F. R-1062. Inv. 1. File 2462. Sh. 68–85.

УДК 947"1904-1905" DOI 10.25730/VSU.2070.19.004

Иркутская местная бригада в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

М. Ю. Кузнецов
аспирант кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет.
Россия, г. Иркутск. E-mail: Arina_2001@mail.ru

Аннотация. Опыт проведения мобилизации в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. оказал большое влияние на проведение аналогичных мероприятий во время Первой мировой войны и во время Великой Отечественной войны. Основная нагрузка по призыву мобилизационных ресурсов в Восточной Сибири была возложена на структурные подразделения Иркутской местной бригады – управления уездных воинских начальников. В данной работе рассматриваются основные задачи Иркутской местной бригады во время войны, отражены проблемные вопросы, с которыми сталкивались местные войска.

Статья посвящена Иркутской местной бригаде в сложный период не только для армии, но и для России. На основании архивных источников и научных работ анализируется организация местных войск Восточной Сибири и их состояние в период 1904–1905 гг. Рассматривается состав подразделений подчиненных местной бригаде и система управления ими. Особое внимание обращено на управления уездных воинских начальников в вопросах призыва и мобилизации.

Представленный материал раскрывает специфику службы и различные ситуации, с которыми пришлось сталкиваться офицерам и нижним чинам бригады, затрагиваются вопросы формирования резервных и запасных батальонов, дислоцированных в Восточной Сибири.

Ключевые слова: Иркутская местная бригада, уездный воинский начальник, местная команда, казачий дивизион, отделение конского запаса, Русско-японская война 1904–1905 гг.

Иркутская (до 1895 г. 27-я) местная бригада была образована в 1889 году в ходе реформы местного (военного) управления в Сибири. Со временем она структурно преобразовалась. Данная бригада имела свои особенности, расположена в крупнейших регионах Российской империи (Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область). В северных районах подразделения бригады находились вдали друг от друга до 1000 верст. Команды представляли из себя отдельные гарнизоны, достойно выполняющие свои обязанности. Первый опыт мобилизации управления уездных воинских начальников получили в 1900 году во время конфликта с Китаем. По итогам Китайского похода 1900–1901 г. военное руководство Российской империи, сделав определенные выводы, начало активно реформировать армейские части, дислоцированные на Дальнем Востоке и в Сибири. Не последнюю роль в этом сыграло донесение военного министра генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина с результатами инспекции 1899 г. войск Сибирского военного округа.

В ходе реформирования местные команды Восточной Сибири были переведены на новые штаты, произошли изменения в структуре конвойных команд (часть была сокращена, образованы новые подразделения). Резервные пехотные батальоны (кадровые) были выведены из подчинения управления Иркутской местной бригады и сведены в резервную бригаду.

Закончено перевооружение местных войск, они в полном составе получили 3-линейные винтовки обр. 1891 г. системы Мосина. Военное руководство особое внимание обратило на мобилизационное планирование уездных воинских начальников. Командующим войсками Сибирским военным округом было предписано начальникам бригад проверить и доложить состояние мобилизационной работы. Руководством Иркутской местной бригады были проведены проверки наличия, полноты отработки и порядок хранения документов мобилизационного планирования не только в управлениях уездных воинских начальников, но и в иных военных учреждениях [26, л. 1–3].

В 1904 году на территории Сибири дислоцировалось три местные бригады: Омская, Иркутская и Забайкальская. Две из них входили в состав Сибирского военного округа, а третья – в состав Приамурского.

© Кузнецов М. Ю., 2019

Омская и Иркутская бригады были созданы в 1889 году, а Забайкальская была сформирована из частей и учреждений местных войск, дислоцированных в Забайкальской области на начальном этапе войны с Японией.

Руководство в бригадах было возложено на управления данных бригады.

Основные задачи местных бригад Русской императорской армии во время войны состояли в следующем:

– своевременное проведение управлениями уездных воинских начальников мобилизационных мероприятий в уездах (округах) и губерниях (областях), направленных на выполнение мобилизационных расписаний (планов) по обеспечению регулярной армии мобилизационными ресурсами;

– организация и обеспечение внутренней, караульной и конвойной службы на подконтрольных территориях (в населенных пунктах, железнодорожных (речных) вокзалах, на транспортных путях);

– оказание помощи гражданским властям на местах.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Иркутской местной бригадой руководили:

– начальник бригады – генерал-майор Александр Павлович Ягодкин;

– дежурный штаб-офицер управления – генерального штаба подполковник И. И. Попов (1 июня 1904 г. назначен начальником штаба 73-й пехотной дивизии);

– старшие адъютанты управления: подполковник Д. Д. Кашкаров и капитан И. В. Петров.

При выполнении мобилизационных мероприятий начальник местной бригады выполнял функцию контролирующую, в отдельных случаях организующую. Основная нагрузка для выполнение поставленных задач возлагалась на уездного воинского начальника. Он отвечал за учетно-мобилизационные вопросы своего уезда (округа). Уездный воинский начальник до начала мобилизации составлял мобилизационный план, который включал в себя мобилизационную записку, дневник и необходимые приложения. В мобилизационном плане отражалась вся деятельность управления, начиная с момента объявления мобилизации до передачи в подразделения призванных на службу офицеров, нижних чинов и чиновников. Отдельный вопрос – конский запас, кроме этого, учету подлежала упряжь и повозки.

На 1 января 1904 г. в состав Иркутской местной бригады входили:

1. Управление местной бригады:
– мобилизационная часть;
– строевая часть;
– хозяйственная часть;
– судная часть;
– интендантская часть (по денежному довольствию);
– казачья часть.
2. Управление Иркутского уездного воинского начальника:
– местные команды: Александровская, Балаганская;
– конвойные команды: Иркутская, Тельминская;
– Иркутская дисциплинарная рота.
3. Управление Киренского уездного воинского начальника:
– Киренская местная команда.
4. Управление Нижнеудинского уездного воинского начальника:
– местные команды: Нижнеудинская, Канская;
– конвойные команды: Нижнеудинская, Канская;
– местные лазареты: Нижнеудинский, Канский.
5. Управление Красноярского уездного воинского начальника:
– Енисейская местная команда;
– конвойные команды: Красноярская, Енисейская;
– Красноярский местный лазарет.
6. Управление Ачинского уездного воинского начальника:
– местные команды: Ачинская, Минусинская;
– Ачинская конвойная команда.
7. Якутская местная команда с местным лазаретом.

Таблица № 1

Штатная численность местных команд Иркутской местной бригады [15]

Местная команда	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Фельдфебели и унтер-офицеры	Нижние чины
Ачинская	–	2	7	122
Енисейская	–	1	7	76
Канская	–	2	10	123
Минусинская	–	2	9	165
Нижнеудинская	–	2	11	169
Киренская	–	2	8	183
Балаганская	–	1	7	74
Александровская	1	2	10	236
Якутская	–	2	10	116
Итого:	1	16	79	1185

Кроме данных подразделений, в подчинении начальника бригады находились Красноярская, Иркутская конные казачьи сотни и Иркутская подготовительная школа Сибирского кадетского корпуса [1, с. 16].

В Якутской области обязанности по учету запасных нижних чинов лежали на начальнике Якутской местной команды [30].

В Иркутской и Енисейской губерниях, как и всюду, местами сбора новобранцев были уездные по воинской повинности присутствия. Уездные воинские начальники или офицеры управления уездного воинского начальника принимали непосредственное участие в работе уездного по воинской повинности присутствия в качестве председателя или члена комиссии. После сбора команды партия новобранцев распределялась и под охраной караула направлялись в войска.

Рис. 1. Рядовые местных войск Восточной Сибири в 1904 г.

В начале XX века внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке обострилась до предела. В воздухе запахло войной. Не успели на Дальнем Востоке и Сибири завершить намеченные реформы, как началась Русско-японская война.

В ночь на 27 января 1904 г. японский флот внезапно атаковал русскую Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, а днем у порта Чемульпо – крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Началась Русско-японская война.

Практически сразу были подписаны приказы по Сибирскому военному округу:

– о переводе на военное положение войск и учреждений, призыве на действительную военную службу нижних чинов запаса армии и флота, мобилизации офицеров запаса для укомплектования войск округа;

– приобретении «потребного для пополнения войск» числа лошадей.

29 и 30 января 1904 г. в населенных пунктах Восточной Сибири были расклеены объявления уездных по воинской повинности присутствий, на основании чего запасные нижние чины обязывались явиться на сборные пункты для получения призывных карт [9, с. 33].

Иркутская городская дума ассигновала на мобилизационные расходы 20 тыс. рублей. 2 февраля по инициативе учителей городских народных школ в соборе был отслужен молебен о даровании русским войскам победы [18, с. 32].

Города становятся основными местами сбора мобилизованных. Списки подлежащих мобилизации составлялись сначала в волостях. Там же формировались первые команды. Затем команды мобилизованных отправлялись в уездные центры, как правило, гужевым или речным транспортом. Процесс сбора и отправки в воинские части ратников существенно ускорился после ввода Транссибирской магистрали. Для призыва в части и подразделения военным ведомством по округам разрабатывался особый мобилизационный документ – «Программа сведения о призыве Государственного ополчения Сибирского военного округа в

1904 году». Программа предписывала, что срок и организации призыва «*не должен превышать 4 1/2 суток*», но реальность была иной, сбор и следование по грунтовым дорогам ратников от волостей к указанным уездным городам занимал от 1 дня до 14 суток [3, л. 23].

Все лица, находившиеся в запасе, возраст которых не превышал 35 лет, должны были являться по месту жительства в уездное по воинской повинности присутствие, имея при себе документы, удостоверяющие их «состояние» в армии. Офицеры и врачи должны были явиться в управление уездного воинского начальника.

В целом первые дни призывные пункты обеспечили хорошую явку, но если проанализировать отдельные уезды, то не все так было гладко.

Результаты призыва ратников 1 разряда в армию в первой половине февраля 1904 года по Киренскому и Верхоленскому уездах Иркутской губернии представлены в таблице № 2 [2, л. 32].

В ходе призывной компании выявлен большой процент получивших отсрочку по здоровью (забракованных) и лиц, не явившихся на призыв в Киренском и Верхоленском уездах Иркутской губернии. Было передано воинским начальникам и начальникам команд менее 54% в Киренском и менее 36% призывного контингента в Верхоленском уезде. По результатам такой работы губернскими властями было возбуждено разбирательство, получивших отсрочку повторно подвергли медицинскому осмотру.

Таблица № 2

Ратники 1-го разряда, проходившие службу в армии	**Киренский уезд**					**Верхоленский уезд**			
	подлежат призыву	явившиеся по призыву, но не состоящие на учете	забракованные, получившие отсрочку по здоровью	не явились по призыву	передано в войска	подлежат призыву	забракованные, получившие отсрочку по здоровью	не явились по призыву	передано в войска
1883–1886 гг.	135	12	49	43	55	123	20	67	36
1902 г.	45	22	8	6	53	44	5	15	24
1903 г.	15	11	–	6	20	–	–		
Итого:	195	45	57	55	128	167	25	82	60

Административное воздействие со стороны губернского по воинскому присутствию и начальника Иркутской местной бригады оказало на должностных лиц Киренского уезда нужное воздействие, примером может служить то, что уже 28 февраля 1904 г. в Иркутск на формирование 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка прибыла команда запасных нижних чинов № 1 в количестве 147 человек, а 5 марта 1904 г. – команда № 2 в количестве 59 человек [8, с. 5].

В соответствии с мобилизационным расписанием в Иркутской и Енисейской губерниях в 1904 году были развернуты:

5-й Иркутский резервный батальон – 23 февраля;
6-й Енисейский резервный батальон – 24 февраля;
7-й Красноярский резервный батальон – 21 февраля [32];
5-й Иркутский запасной батальон – 18 апреля;
6-й Енисейский запасной батальон – 28 апреля [33];
7-й Красноярский запасной батальон – 26 февраля [32].

Запасные батальоны округа готовили пополнения для пехотных полков IV Сибирского армейского корпуса. Каждый из них включал 140 воинских чинов действительной службы и 1000 призванных из запаса [29, с. 37].

О количестве нижних воинских чинов, прошедших обучение за 6 месяцев в трех запасных батальонах, расположенных в районе бригады (г. Иркутск, г. Красноярск), свидетельствуют отчеты о мобилизации начальника Иркутской местной бригады, данные приведены в таблице № 3 [21, л. 144–148].

Таблица № 3

Месяцы 1904 года	Прибытие нижних чинов для обучения	Отправка обученного контингента в войска
Май	–	1680
Август	5546	7284
Октябрь	10 542	8494
Ноябрь	11 640	14 472

Можно отметить, что обеспечение маршевых пополнений положенными видами довольствия представляло большие трудности. В мирное время было заготовлено имущество для обеспечения определенного количества военнослужащих. Имущества для обеспечения дополнительного контингента не предусматривалось. Кроме этого, не в полном объеме была осуществлена закладка требуемых неприкосновенных запасов. К примеру, в начале 1904 года на складах управлений Иркутского и Ачинского уездных воинских начальников находилось менее 90% от нормы положенного имущества неприкосновенных запасов. Впоследствии недостающее имущество пришлось закупать [21, л. 149].

Пополнение материальной части производилось при помощи неприкосновенных запасов. Воинские части, имевшие кадры, содержали эти запасы при себе, в своем распоряжении и на своей ответственности; для воинских частей, вновь формируемых, эти запасы содержались или при воинских частях, или на особых складах, в пунктах формирования. Уездный воинский начальник хранил при своем управлении неприкосновенные запасы обмундирования, снаряжения и вооружения, имеющие назначением обеспечивать формирование запасных батальонов и общего конского запаса, а также заботился о целости и сбережении неприкосновенных запасов, хранящихся при подведомственных ему местных воинских частях на случай пополнения этих воинских частей до состава военного времени. С началом мобилизации нижние чины, входившие в состав управлений уездных воинских начальников и предназначенные для охраны хранящегося имущества запасных батальонов (по 1 унтер-офицеру и 9 нижних чинов на каждый батальон), обеспечивали их формирование, а затем исключались из штатов управления уездного воинского начальника и входили в штат формируемых батальонов. Пополнение материальных запасов осуществлялось как в плановом порядке, так и внепланово, путем реквизиций (покупки).

С 1 июня 1904 г. в Сибири начался призыв ополчения. В приказе по военному ведомству от 29 мая было отражено, что исключение составляли жители северных районов Енисейской губернии и Якутской области. Призванные шли на доукомплектование запасных батальонов и формирования ополченческих дружин [7, л. 145–147].

На основании доклада Иркутского уездного воинского начальника, направленного на имя начальника Иркутской местной бригады, видно, что с апреля по июль 1904 г. на восток на доукомплектование частей Иркутским и Балаганским уездами было направлено более 2000 нижних чинов [20, л. 147, 148, 150].

В целях повышения эффективности обучения в запасных батальонах, расположенных в районе Иркутской местной бригады, приказом командующего войсками Сибирского военного округа от 15 июня 1904 г. № 212 начальнику Иркутской местной бригады была поставлена задача направить наиболее подготовленных нижних чинов из местных и конвойных команд [28]. Это решение частично улучшило ситуацию с подготовкой ратников.

Согласно Высочайше утвержденному 9 апреля 1904 г. положению Военного совета, на время войны с Японией Иркутская и Красноярская казачьи сотни переформировываются в трехсотенные дивизионы. Частными сборными пунктами для призываемых со льгот казаков определены города Иркутск, Красноярск, Минусинск и селение Тунка [13]. Местами формирования дивизионов назначены города Иркутск и Красноярск.

10 августа 1904 г., согласно приказу начальника Иркутской местной бригады от 5 августа 1904 г., 3-я сотня выступила на охрану железной дороги от ст. Иннокентьевская до ст. Култук. Гарнизонную службу в Иркутске несла 1-я сотня, а 2-я сотня находилась в распоряжении командира Иркутского казачьего дивизиона [25, л. 1, 7–9].

1-я сотня Красноярского дивизиона 21 июля сменила в г. Томске сотню сибирских казаков, отбывающих на фронт. В города Бийск и Минусинск было отправлено на охранную службу по одной полусотне из состава 3-й сотни. Гарнизонную службу в Красноярске несла 2-я сотня [22, л. 42; 25, л. 10–11].

Казачьи дивизионы были укомплектованы по штатному расписанию и насчитывали в своих рядах по 11 офицеров и 481 казаков (439 строевых и 42 нестроевых) каждый [23, л. 4–5; 24, л. 111–115].

Казачьи дивизионы в войне участия не принимали, а выполняли полицейские и охранные функции в тылу [17, с. 180].

На основании приказов командующего войсками Сибирского военного округа для несения гарнизонной и караульной службы вдоль Транссибирской магистрали 5-й Иркутский, 6-й Енисейский и 7-й Красноярский резервные батальоны были переданы в подчинение начальнику Иркутской местной бригады. 5-й Иркутский резервный батальон передислоцирован в г. Зима Иркутской губернии, 6-й Енисейский резервный батальон переведен в г. Нижнеудинск.

Основное время личный состав резервных батальонов занимался охраной Сибирской железной дороги, кроме этого привлекался к конвоированию арестантов. Времени на боевую подготовку практически не было, кроме этого в ходе проверок должностными лицами управления Иркутской местной бригады были выявлены упущения в организации караульной службы. Частые наряды в караулы и конвои изнуряли солдат. Объяснив данные обстоятельства, управление Иркутской местной бригады совместно с командованием Сибирского военного округа обратилось в Главный штаб об освобождении резервных батальонов Иркутской и Омской местных бригад от обязанностей конвоирования и возложение данных обязанностей в полном объеме на конвойные команды. Данное ходатайство было направленно в Главное тюремное управление на согласование. 12 ноября 1904 г. начальник Главного тюремного управления А. М. Стремаухов сообщил в Главный штаб: «…*Главное тюремное управление имеет честь уведомить Главный штаб, что по закону на обязанности конвойной стражи лежит сопровождение арестантов в Сибири лишь по главному ссыльному пути; на резервные же батальоны возложено конвоирование арестантов по боковым трактам, вследствие чего для освобождения этих батальонов от сказанной выше обязанности потребовалось бы учреждение в соответствующих пунктах конвойных команд и новый на сей предмет расход казны*» [19, л. 33 об.].

Русско-японская война требовала постоянного пополнения как личного состава, так и лошадей. Ближайшим источником пополнения конного состава для действующей армии была Сибирь. В связи с чем в Сибири были сформированы учреждения конского запаса. Задача данных учреждений предназначалась для пополнения убыли лошадей. По Положению о конском запасе в военное время от 10 июля 1887 г. одновременно с мобилизацией войск должен был учреждаться общий конский запас, из которого, по мере необходимости, выделялся конский запас для действующей армии. Общий конский запас состоял из отделений по 300-400 лошадей в каждом, именовавшемся по местам сбора лошадей.

Отделение общего конского запаса подчинялось уездному воинскому начальнику и начальнику местной бригады [14]. На формирование каждого отделения поступали поставляемые для этой цели по мобилизационным расписаниям лошади, назначаемые для их приема офицеры и запасные нижние чины или ратники ополчения 1-го разряда. При том что офицеры-приемщики вступали в командование отделением, оставаясь в списках своей части и считаясь в постоянной командировке, а нижние чины или рантики поступали в штат состава отделения.

Штат управления конского запаса действующей армии состоял из пяти офицеров и трех чиновников. В штат отделения конского запаса входил один офицер и 158 нижних чина [12].

С этой целью 7 апреля 1904 года последовало Высочайшее повеление на распространение временно военно-конской повинности на губернии Восточной и Западной Сибири. Военному ведомству и Министерству внутренних дел предписывалось «по взаимному соглашению» установить необходимые изменения действующих по этому предмету правил «применительно к местным условиям названых губерний», назначить саму поставку с указанием размера вознаграждения за принятых лошадей, а также разрешить все иные проблемы, связанные с введением военно-конской повинности в этих губерниях [11, с. 89].

Начиная с июля 1904 года, были сформированы и начали работать в районе Иркутской местной бригады отделения конского запаса:

– в Иркутской губернии: Черемховское, Иркутское, Нижнеудинское и Тулунское [34];

– в Енисейской губернии: Красноярское, Канское, Рыбинское, Ачинское и Минусинское.

Управление конского запаса Сибирского военного округа было расположено в г. Красноярске, возглавил его полковник Васильев.

Владельцы при поставке лошадей на сдаточный пункт получали расчет за каждую верховую лошадь от 135 до 150 рублей. Цена зависела как от породы лошади, так и от населенного пункта, где осуществлялся прием животных [9, с. 55].

В целях недопущения диверсий, саботажа и беспорядков с первых месяцев войны началась депортация с районов Манчжурии находящихся на военном положении в Европейскую

Россию китайцев, корейцев, японцев. Были случаи, отправляли целыми семьями. Среди них были не только японские воины, попавшие в плен русским войскам. Большей частью это были лица, «сочувствующие» новой японской администрации. Военнопленные передвигались этапами, под охраной конвойной стражи. Питание было организовано, как и для арестантов Российской империи [4, л. 42].

В Восточной Сибири при управлениях уездных воинских начальников возле железнодорожных станций и на этапах были сформированы продовольственные пункты [35, с. 354]. Продовольственные пункты были предназначены для снабжения горячей пищей, хлебом и фуражами во время передвижения новобранцев, запасных и ополченцев, отдельно пересылаемых нижних чинов, маршевых команд, а также партий арестантов.

Еще 6 апреля 1897 г. военное министерство запланировало разместить крупные продовольственные пункты на 500 человек каждый на станциях железной дороги. В Восточной Сибири пункты были утверждены в Красноярске, Канске, Нижнеудинске, Тырети и Иркутске [27, л. 49]. К началу войны 1904–1905 гг. в Иркутской губернии пункты находились в городах Иркутске, Нижнеудинске и на станциях Иннокентьевской и Зима.

На территории Енисейской губернии такие пункты находились в самом Красноярске, Канске и на станции Чернореченской [31].

С началом войны с Японией военные продовольственные пункты перешли в ведение ведомства военных сообщений. Организация работы продовольственных пунктов была возложена на военных комендантов железнодорожных станций, но на денежном довольствии они, как и ранее, состояли в управлениях уездных воинских начальников [6, л. 127].

Порядок среди военнослужащих на железнодорожных вокзалах поддерживался железнодорожными комендантами станций. Еще один главный фактор, от которого зависел порядок среди военнослужащих на вокзалах, – слаженная работа комендантов с уездными воинскими начальниками. Если взаимопонимание между данными чинами отсутствовало, то страдали в первую очередь солдаты. Маленькая иллюстрация неудовлетворительной работы офицеров.

Осенью 1904 года между Красноярским уездным воинским начальником подполковником М. И. Приходченко и комендантом железнодорожной станции Красноярск капитаном Н. А. Тарновым-Плесским нарастала конфликтная ситуация. В итоге конфликт разросся и «прогремел» на весь Сибирский военный округ. Первого защищал начальник Иркутской местной бригады генерал-майор А. П. Ягодкин, второго защищал заведующий передвижениями войск Сибирского района подполковник Карпов.

На станцию Красноярск практически ежедневно прибывали поезда, в составе которых следовали воинские команды с тяжело раненными нижними чинами, у многих были ампутированы конечности. В Красноярске у инвалидов была пересадка, следующий поезд уходил через сутки. Зал для пассажиров III класса на вокзале станции Красноярск такое количество людей вместить не мог. Для ночлега таких воинских команд имелись казармы пересыльного пункта Красноярского уездного воинского начальника, но они находились в трех верстах от вокзала. Для перевозки инвалидов воинский начальник был обязан высылать на вокзал подводы. Но это не делалось. Требования коменданта железнодорожной станции уездный воинский начальник игнорировал. В результате капитан Н. А. Тарнов-Плесский был вынужден для устранения данного нарушения обратиться с докладом к заведующему передвижениями войск Сибирского района. Но все осталось без изменений.

Конфликт разросся и дошел до штаба Сибирского военного округа, и решение по выходу из возникшей ситуации принимал лично командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин [5, л. 9].

В вышеописанном конфликте командующий войсками Сибирского военного округа счел действия коменданта железнодорожной станции законными. Начальнику Красноярского гарнизона было предписано «потребовать строгого порядка». Пока господа офицеры делили границы ответственности, права и обязанности, нижние чины – инвалиды, отдавшие свое здоровье «за Царя и отечество», – получали моральную травму, глядя на эту картину [10, с. 40–42].

Фактов массовой отправки офицеров и нижних чинов Иркутской местной бригады на фронт в Манчжурию автором не выявлено, имеется подтверждение об убытии двух полувзводов казаков казачьих дивизионов в количестве 30 человек для охраны штабов – 1-го армейского (иркутяне) и 4-го Сибирского (енисейцы) корпусов. За боевые заслуги четверо иркутских и трое енисейских казаков были награждены знаками отличия ордена св. Георгия 4-й степени.

По мнению автора, офицеров и нижних чинов не отправляли на фронт в связи с тем, что они имели особую специфику своей службы, которую нарабатывали годами, и нужны они были в уездах как специалисты своего дела. При отправке их на фронт была возможной угроза срыва выполнения мобилизационных планов.

Рис. 2. Капитан И. М. Перлик, 1904 г.

Но все же на фронт отправили отдельных личностей, которые заслуживают особого внимания. К таким можно отнести исполняющего должность Киренского уездного воинского начальника капитана Ивана Максимовича Перлик. После «успешной» мобилизации Киренского уезда Иркутской губернии в феврале 1904 года и выговора от начальника Иркутской местной бригады он был откомандирован в 20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, согласно чину получил под командование роту. 3 октября 1904 г. со своей ротой атаковал вместе с другими подразделениями 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка находившуюся к югу от Путиловской сопки сильно укрепленную неприятельскую позицию и с боя овладел находившейся на позиции неприятельской батареей. За боевое отличие в данном бою 27 января 1907 г. был пожалован орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени [12, с. 50].

По итогам Портсмутского мирного договора, вступившего в силу 23 августа 1905 г., Россия начала постепенный вывод войск из Маньчжурии к местам постоянной дислокации. В ходе анализа документов можно увидеть, что более 60% офицеров подразделений Иркутской местной бригады в период 1906–1907 гг. были заменены, многие переведены в строевые части, часть была уволена по возрасту на пенсию. На смену им были назначены офицеры, имевшие боевой опыт, большая часть из них имела ранения и контузии.

В итоге можно сказать, что Иркутская местная бригада в составе своих подразделений с честью прошла тяжелый этап службы во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Управления уездных воинских начальников и подразделения местных и конвойных команд успешно выполнили поставленные им задачи в вопросах мобилизации, подготовки резервов, несения гарнизонной, караульной и конвойной службы.

Таким образом, местные войска за эти два года, выполнив свой долг, наработали бесценный опыт, который был проанализирован, обобщен и использован в дальнейшем во время двух мировых войн.

Список литературы

1. *Авилов Р. С.* Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 15–21.
2. Государственный архив Иркутской области. Ф. 457. Оп. 1. Д. 20.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. 457. Оп. 1. Д. 21.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 3. Д. 216.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. 791. Оп. 1. Д. 49.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 791. Оп. 1. Д. 134.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф. 832. Оп. 1. Д. 32.
8. Журнал военных действий 5-го пехотного Сибирского Иркутского полка за войну с Японией с 29.01.1904 по 31.12.1905. СПб., 1909. 267 с.
9. *Комарова Т. С.* На сопках Маньчжурии (Енисейская губерния в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.). Красноярск : ИП Азарова Н. Н., 2013. 220 с.
10. *Овчаров В. В.* Очерки по истории военных сообщений Приенисейской Сибири. Красноярск. Типография Гос. универсальной научной библиотеки, 2017. 338 с.
11. Отчет по Главному штабу за 1904 г. СПб., 1906.
12. Приказ по военному ведомству № 181 от 21 июля 1887 г.
13. Приказ по военному ведомству № 197 от 14 апреля 1904 г.
14. Приказ по военному ведомству № 226 от 30 августа 1881 г.
15. Приказ по военному ведомству № 360 от 21 сентября 1900 г.

16. Приказ по военному ведомству от 27 января 1907 г. // Разведчик № 853 (1907 г.).
17. *Романов Г. И., Новиков П. А.* Иркутское казачество (2-я половина XVII–начало XX вв.). Иркутск : Земля Иркутская, 2009. 356 с.
18. *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н. В. Куликаускене. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 560 с.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 8. Д. 449.
20. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 4.
21. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1459. Оп. 3. Д. 4.
22. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1468. Оп. 2. Д.197.
23. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 419.
24. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 494.
25. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 80.
26. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1503. Оп. 1. Д. 257.
27. Российский государственный исторический архив. Ф. 268. Оп. 3. Д. 426.
28. Русский инвалид. 1904. № 129. 15 июня.
29. Русско-японская война 1904–1905 гг. : в 9 т. Т. 7. СПб., 1910. Тыл действующей армии. Ч. 1. Организация и деятельность управлений действующей армии. 396 с.
30. Свод военных постановлений 1869 года. Книга третья. Местное военное управление. Изд. 2-е. СПб., 1890. 157с.
31. *Фабрика Ю. А*. «А для Сибири сугубо …» (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война 1904–1905 гг. и геополитические проблемы современной России : материалы обл. науч.-истор. конф. Новосибирск. 26 марта, 2004. С. 45–59.
32. Циркуляры Главного штаба № 131 от 26 апреля 1904 г.
33. Циркуляры Главного штаба № 180 от 11 июня 1904 г.
34. Циркуляры Главного штаба № 297 от 16 октября 1904 г.
35. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. Т 49.

Irkutsk local brigade during the Russian-Japanese war 1904–1905

M. Yu. Kuznecov
postgraduate student of the Department of history and philosophy,
Irkutsk National Research Technical University. Russia, Irkutsk. E-mail: Arina_2001@mail.ru

Abstract. The experience of mobilization in the Russian-Japanese war of 1904–1905 had a great influence on similar events during the First World War and during the Great Patriotic War. The main load at the call of the mobilization resources in East Siberia were assigned to the structural units of the Irkutsk local brigade – the office of the County military chiefs. This paper discusses the main tasks of the Irkutsk local brigade during the war, reflects the problematic issues faced by local troops.

The article is devoted to the Irkutsk local brigade in a difficult period not only for the army, but also for Russia. On the basis of archival sources and scientific works the organization of local troops of Eastern Siberia and their condition in the period 1904–1905 is analyzed. The composition of units subordinated to the local brigade and their management system are considered. Special attention is paid to the management of district military chiefs in matters of conscription and mobilization.

The presented material reveals the specifics of the service and the various situations faced by the officers and lower ranks of the brigade, the issues of formation of reserve and reserve battalions stationed in Eastern Siberia are touched upon.

Keywords: Irkutsk local brigade, district military chief, local team, Cossack division, horse reserve department, Russian-Japanese war of 1904–1905.

References

1. *Avilov R. S. Sibirskij voennyj okrug (1899–1906 gg.): stranicy istorii* [Siberian military district (1899–1906): pages of history] // Military-historical magazine. 2014. No. 7. Pp. 15–21.
2. State archive of Irkutsk region. F. 457. Inv. 1. File 20.
3. State archive of Irkutsk region. F. 457. Inv. 1. File 21.
4. State archive of Krasnoyarsk region. F. 595. Inv. 3. File 216.
5. State archive of Krasnoyarsk region. F. 791. Inv. 1. File 49.
6. State archive of Krasnoyarsk region. F. 791. Inv. 1. File 134.
7. State archive of Krasnoyarsk region. F. 832. Inv. 1. File 32.

8. *Zhurnal voennyh dejstvij 5-go pekhotnogo Sibirskogo Irkutskogo polka za vojnu s Yaponiej s 29.01.1904 po 31.12.1905* – Journal of military actions of the 5th infantry Siberian Irkutsk regiment for war with Japan from 29.01.1904 till 31.12.1905. SPb. 1909. 267 p.

9. *Komarova T. S. Na sopkah Man'chzhurii (Enisejskaya guberniya v gody Russko-yaponskoj vojny 1904–1905 gg.)* [On the hills of Manchuria (Yenisei province during the Russian-Japanese war of 1904–1905)]. Krasnoyarsk. IP Azarova N. N. 2013. 220 p.

10. *Ovcharov V. V. Ocherki po istorii voennyh soobshchenij Prienisejskoj Sibiri* [Essays on the history of military communications in Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk. Typography of the State universal scientific library. 2017. 338 p.

11. *Otchet po Glavnomu shtabu za 1904 g.* – Report on the General staff for 1904. SPb. 1906.

12. Order on Military Department No. 181 of July 21, 1887 (in Russ.)

13. Order on Military Department No. 197 of April 14, 1904 (in Russ.)

14. Order on Military Department No. 226 of August 30, 1881 (in Russ.)

15. Order on Military Department No. 360 of September 21, 1900 (in Russ.)

16. Order on Military Department of January 27, 1907 // *Razvedchik* – Scout. No. 853 (1907).

17. *Romanov G. I., Novikov P. A. Irkutskoe kazachestvo (2-ya polovina XVII–nachalo XX vv.)* [Irkutsk Cossacks (2nd half of XVII-beginning of XX centuries)]. Irkutsk. Irkutsk land. 2009. 356 p.

18. *Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1902–1924 gg.* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924] / comp., preface and notes N. V. Kulikauskene. Irkutsk. East Siberian book. 1994. 560 p.

19. Russian state military-historical archive. F. 400. Inv. 8. File 449.

20. Russian state military-historical archive. F. 1450. Inv. 3. File 4.

21. Russian state military-historical archive. F. 1459. Inv. 3. File 4.

22. Russian state military-historical archive. F. 1468. Inv. 2. File 197.

23. Russian state military-historical archive. F. 1468. Inv. 2. File 419.

24. Russian state military-historical archive. F. 1468. Inv. 2. File 494.

25. Russian state military-historical archive. F. 1503. Inv. 1. File 80.

26. Russian state military-historical archive. F. 1503. Inv. 1. File 257.

27. Russian state historical archive. F. 268. Inv. 3. File 426.

28. Russian disabled. 1904. No. 129. June 15.

29. *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. : v 9 t. T. 7* – Russian-Japanese war of 1904–1905 : in 9 vols. Vol. 7. SPb. 1910. Rear of the army. Part 1. Organization and activities of the departments of the army. 396 p.

30. *Svod voennyh postanovlenij 1869 goda. Kniga tret'ya. Mestnoe voennoe upravlenie* – Code of military regulations of 1869. The 3d Book. Local military administration. 2nd publ. SPb. 1890. 157 p.

31. *Fabrika Yu. A. "A dlya Sibiri sugubo ..." (o vklade sibiryakov v Russko-yaponskuyu vojnu)* ["And for Siberia purely..." (on the contribution of Siberians in the Russian-Japanese war)] // *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. i geopoliticheskie problemy sovremennoj Rossii : materialy obl. nauch.-istor. konf.* – The Russian-Japanese war of 1904–1905 and geopolitical problems of modern Russia : materials of region. scientific-histor. conf. Novosibirsk. March 26, 2004. Pp. 45–59.

32. *Cirkulyary Glavnogo shtaba № 131 ot 26 aprelya 1904 g.* – General staff circulars No. 131 of April 26, 1904.

33. *Cirkulyary Glavnogo shtaba № 180 ot 11 iyunya 1904 g.* – General staff circulars No. 180 of June 11, 1904.

34. *Cirkulyary Glavnogo shtaba № 297 ot 16 oktyabrya 1904 g.* – General staff circulars No. 297 of October 16, 1904.

35. *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* – Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. SPb. Typo-Lithography of I. A. Efron. 1898. Vol. 49.

УДК 947.8(470.342)"1924-1925" DOI 10.25730/VSU.2070.19.005

Особенности политической работы с призывниками в РККА в 1924–1925 гг. (на материалах Вятской губернии)

К. С. Зонов
аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: koooctya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается становление, организация и реализация политической работы с призывниками в период первых призывов в РККА мирного времени 1924 и 1925 гг. Именно в эти два года в СССР была проведена Военная реформа и оформилась система комплектования РККА в мирное время. На основе документов Центрального государственного архива Кировской области и периодической печати показывается процесс подготовки и проведения призывной компании в Вятской губернии и сопровождающей ее политической работы. В статье проводится анализ печатного издания «Вятская правда» и раскрываются основные сюжеты печатаемого материала, относящегося к Красной армии. Одним из главных направлений агитационной деятельности печатных и партийных органов становится формирование образа Красной армии как доступной и реальной возможности повышения образовательного уровня и социального статуса для молодого человека 1920-х гг. Соответственно, вместе с реформированием советской властью прилагались усилия также и для изменения облика армии в общественном сознании. В призыв и в целом в саму службу в Красной армии вкладывался новый смысл почетного, торжественного, культурного, просветительского характера. Активно распространялся образ «другой» армии, отличной от царских времен. А в центре этого образа особый акцент ставился на тематике учебы как основного и наиболее важного преимущества новой армии над армией старой. Такое представление об учебном характере прохождения военной службы, полагается, должно было способствовать формированию положительного отношения к службе в армии.

Ключевые слова: Красная армия, Вятская губерния, призыв в РККА, политическая работа.

К середине 1920-х гг. стабилизировавшаяся международная обстановка отодвигала опасность нового военного противостояния с первого плана. На повестку дня вставали вопросы реорганизации и дальнейшего развития Вооруженных сил Советского государства в мирное время. Слабые экономические возможности страны, а также сложившиеся социальные и военно-политические условия предопределяли необходимость реформирования Красной армии и поиска оптимальных путей военного строительства.

В комплексе задач, которые решались в процессе реорганизации, одними из важных были вопросы комплектования армии и политического воспитания военнослужащих. Решение этих вопросов обуславливалось совокупностью сложных и противоречивых факторов. Поэтому, в первую очередь, важно обратиться к контексту, определявшему условия развития РККА в первой половине 1920-х гг.

После окончания Гражданской войны для Красной армии остро встала проблема радикального сокращения Вооруженных сил. Учитывая хозяйственную разруху того периода, государство было не в состоянии содержать разросшуюся к 1920 г. до 5,5 млн человек Красную армию [20, с. 25].

Переход на мирное положение обозначал, что массовая армия более не была необходима стране. Наоборот, столь огромная масса солдат, состоящая преимущественно из крестьян, сильно измотанных и уставших от многолетних вооруженных конфликтов, уже могла угрожать большевистскому государству возрастанием социальной напряженности. Поэтому в период с 1921 по 1924 гг. в несколько этапов проходило масштабное сокращение РККА до минимально необходимой численности в 562 тыс. человек [17, с. 264].

Параллельно с демобилизацией предстояло решить проблемы структурной и организационной составляющей новой армии, которая должна была в полной мере обеспечивать обороноспособность страны, при этом опираясь на весьма ограниченные возможности разрушенной экономики. Следствием этого явилось появление смешанной системы комплектования армии, сочетавшей в себе элементы постоянной кадровой армии и территориально-милиционных формирований. Переход к ней был положен декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 г.

© Зонов К. С., 2019

Новые территориальные части состояли из небольшого числа постоянного командного состава и переменного состава, проходившего военную службу посредством кратковременных ежегодных сборов в течение 5 лет. Такой порядок комплектования отвечал необходимым требованиям военного обучения большой массы призываемого контингента при наименьших финансовых затратах.

В этих условиях вырабатывались и реализовывались концепции воспитания и обучения красноармейцев как одного из определяющих факторов развития Вооруженных сил в мирное время. Подготовка будущего воина РККА состояла не только из непосредственно военного обучения, но и из его политического воспитания. Для красноармейца политическое воспитание являлось неотъемлемой частью его жизни в армии. В этой связи примечательны слова М. В. Фрунзе, стоявшего у истоков оформления воспитательной работы в РККА. В своем выступлении по вопросу военно-политического воспитания в Красной армии он говорил: «Жизнь армии складывается из двух моментов: политического и военно-технического» [21, с. 175–176]. Поэтому, по его мнению, особо значимо при подготовке квалифицированной военной силы было формирование у бойцов политической сознательности.

Красная армия в 1920-е гг. позиционировалась не только как инструмент защиты Отечества и завоеваний Октябрьской революции от возможных угроз, но и как институт социализации. Через армию проходила значительная часть молодого и наиболее активного населения. Таким образом, РККА становилась очень удобным инструментом идеологического воздействия партии на массы населения. В замкнутой армейской среде молодые красноармейцы перевоспитывались в духе большевистской идеологии и классовых принципов, тем самым подготавливаясь к жизни в новом обществе и в соответствии с новыми политическими условиями в стране. На XII съезде РКП(б) И. В. Сталин подчеркивал: «Армия является школой, сборным пунктом рабочих и крестьян, и с этой точки зрения сила и влияние партии на армию имеют колоссальное значение. Армия – это сборный пункт, где приучаются к политической жизни» [19, с. 204].

Укомплектование Красной армии личным составом осуществлялось путем ежегодных очередных призывов. Поэтому для молодого юноши уже первым этапом его будущей армейской жизни являлся именно период призыва.

1924 и 1925 гг. для Советского государства примечательны как период проведения Военной реформы. Данным мероприятием руководство страны решало задачу организационного укрепления Вооруженных сил государства. Одним из шагов в реформировании было создание твердого и регламентированного порядка комплектования армии. Поэтому рассмотрение процесса проведения призывов этих двух лет реформы является важным для понимания исторического опыта становления политической работы с призывниками в РККА.

Призыв 1924 года в печати и документах того периода часто называют первым «нормальным» призывом или первым «призывом мирного времени» [14, с. 1; 17, с. 184]. Согласно обследованию Красной армии, проведенному к началу 1924 г. комиссией ЦК РКП(б), укомплектование РККА находилось в неорганизованном состоянии. Наиболее серьезной проблемой в этом плане комиссия отмечала явление текучести личного состава. Она срывала многие жизненно важные для армии процессы, такие как комплектование, снабжение и обучение войск. Очередные призывы 1922 и 1923 гг. как таковые не состоялись, а вместо этого шел постоянный процесс допризыва граждан 1901 г. рождения, не носивший какого-либо структурного и систематического характера. Одновременно с этим непрерывно шла затянувшаяся демобилизация по выслуге лет. Сложившиеся обстоятельства выступавший на пленуме ЦК РКП(б) в феврале 1924 г. по вопросу текучести С. И. Гусев охарактеризовал следующим образом: «Эта картина показывает, что наша армия за последние годы превратилась в проходной двор» [17, с. 76].

Исправить ситуацию и нормализовать процесс комплектования РККА должен был очередной призыв новобранцев 1902 г. рождения. Его проведение было намечено на весну и осень 1924 г., а его значимость ввиду проблемы текучести состава характеризовалась как «оздоровление армии» [17, с. 79]. Следовательно, данной процедуре уделялось повышенное внимание, т. к. предстояло провести первый призыв в регламентированной, структурированной и организованной форме.

Обязанности проведения призывов отводились местным органам военного управления. В ходе военной реформы происходила их реорганизация и переформирование. К 1924 г. высшим военно-административным органом в губерниях были губернские военкоматы. Ввиду

широкого внедрения территориально-милиционной системы местные органы в 1925 г. были переформированы в управления территориальных округов.

Высшими военно-административными органами в уездах являлись Уездные военкоматы. Они занимались первичной мобилизационной работой, вели учет военнообязанных и непосредственно проводили призыв граждан на военную службу.

Также в ходе реформы выстраивалась централизованная система руководства политработой в армии. На уровне губернии она находилась в ведении Губернского политического секретариата (Губпосекр) при Губернском военкомате, а затем при управлении территориального округа. Данный орган действовал в соответствии с директивами Политического управления военного округа [2, с. 68].

Вся непосредственно политическая подготовка приписного состава являлась обязанностью уездных военкоматов. Ее реализация проходила при активном участии Губкома РКП(б) и Укомов РКП(б), местных партийных и комсомольских ячеек и организаций, губернских и уездных печатных органов. В этой связи часто отмечалось, что партийные органы играют важную роль в организации и проведении призыва и политработы, но их деятельность не должна противоречить и подменять собой военный аппарат [16, с. 217].

Комплекс источников, который позволяет получить информацию о призывной компании в Вятской губернии, включает: директивные и отчетные документы Вятского губернского политического секретариата, информационные сводки ОГПУ, а также местная пресса.

Основываясь на их содержании, можно выделить три последовательных этапа в организации и проведении очередного призыва:

1. Работа до призыва – информационно-агитационная компания среди населения, компания предоставления льгот.
2. В момент призыва – работа на сборных пунктах.
3. После призыва – работа с призывниками в пути следования [24, л. 118].

До призыва. Наиболее масштабным и наполненным политической работой являлся первый этап. За несколько месяцев Губпосекром разворачивалась подготовительная деятельность, представлявшая собой активную агитационно-пропагандистскую компанию, которая велась в *печатной* и *устной* формах.

Приступая к реформированию, большевистское руководство серьезно озаботилось интегрированием Красной армии в новые условия радикально поменявшейся общественной жизни. Вместе с масштабными преобразованиями Вооруженных сил усилия были направлены и на коренное изменение облика РККА в общественном сознании. В этом отношении мощнейшим средством формирования и распространения нового образа армии стала печать.

Директивные указания руководящих органов предписывали уделить серьезное внимание военным компаниям в местных газетах. Так в директиве Политуправления МВО на январь и февраль 1924 г. подчеркивалось огромное значение «освещения жизни Красной армии в местных газетах», потому что «не везде отделы Красной армии стоят на должной высоте» [24, л. 137 об.]. В пример был поставлен опыт 18-й Ярославской дивизии, проведшей хорошую компанию в печати, что отразилось в успешном проведении территориальных сборов.

В Вятской губернии в части печатной агитации широко использовались местные губернские и уездные печатные органы. В донесении Вятского Губпосекра в Политуправление МВО указывалось, что «редакции местных газет идут навстречу, помещая статьи, заметки военных корреспондентов, которые бы могли систематически участвовать в губернской газете» [24, л. 144].

В 1924–1925 гг. в губернской печати оформился подход к освещению событий, связанных с Красной армией. Помимо заметок и статей агитационно-пропагандистского и разъяснительного характера в период призывной компании, стали публиковаться сюжеты, связанные с жизнью Красной армии. В донесении Политуправлению МВО говорилось: «По части освещения жизни, быта и учебы Красной армии после долгого перерыва в этом деле достигнута полная договоренность с редакцией “Вятской правды”» [27, л. 121 об.]. Итогом данной договоренности стало появление с осени 1925 г. в газете еженедельной страницы «Красной армии», посвященной вопросам ее жизни, быта и призыва.

Согласно отчетам Губпосекра в количественном отношении непосредственно к призыву весны 1924 г. было отпечатано и разослано на места 1200 экз. лозунгов и 5000 экз. воззваний. Эти же воззвания печатались в газете «Вятская правда» при тираже 10 000 экз. При этом

там же констатировалось, что такие цифры незначительны и виной тому отсутствие средств и путей их изыскания [24, л. 19]. Призывная кампания 1925 г. имела более широкий охват. К призыву была издана стенная газета «В Красную армию» в количестве 20 000 экз. Как указывают в одном из докладов, «номер стенки пошел в каждое село и деревню» [25, л. 84]. Также решено было отказаться от листовок, брошюр и т. п., так как «опыт прошлого года показал, что издания бывают обычно неудачными, разнохарактерными и не достигающими цели» [26, л. 4 об.].

Анализ периодических изданий, и, в первую очередь, главного печатного органа губернии «Вятской правды» позволяет выделить несколько тематических направлений печатаемого материала.

Первую и особо важную функцию печати можно отметить как информационную. Посредством периодики происходило ознакомление населения с очередным призывом. В качестве основного материала печатались статьи и заметки. Их содержание представляло разъяснение постановлений ЦИК и СНК СССР, связанных с призывом в РККА. Например, «о призыве на действительную военную службу граждан 1902 г. рождения» и «правила о льготах по семейному положению» [3, с. 3]. До населения в понятной форме доводилась информация о порядке проведения призыва, о предоставлении льгот призывникам и возможностях ими воспользоваться, о контроле призываемых и т. д.

Говоря о льготах, стоит отметить, что в 1920-е гг. при проведении призывов устанавливалась 4-разрядная система льгот по семейно-имущественному положению. Разряды льгот распределялись в зависимости от количества остававшихся в доме призывника нетрудоспособных членов семьи, содержимых трудом призываемого. В первую очередь происходило зачисление в армию категории безльготных, а затем при недостатке человек для выполнения наряда следовали льготники 4-го, 3-го, 2-го и 1-го разрядов [18, с. 402]. Таким образом, первым организационным этапом проведения призыва становилось определение для призывников разрядов льгот.

Отраженный на страницах газеты «Вятская правда» порядок проведения весеннего призыва 1924 г. выглядел следующим образом:

1. На подготовительном этапе Сельсоветы выявляли семейное положение призывников для установления их разрядов льгот, а затем составляли списки.
2. К 15 апреля окончательно определялись списки и льготы.
3. С 15 по 30 апреля списки вывешивались в известных местах для ознакомления.
4. 1-го мая ожидалась прибытие призывников на сборные пункты для проведения жеребьевки.
5. Врачебно-приемная комиссия [7, с. 2].

Еще одним важным моментом в проведении призыва была жеребьевка. Во время подготовительного этапа на волостных конференциях призывниками выбирались доверенные лица от волости, которые должны были следить за честностью организации жеребьевки. Затем по прибытии на призывные пункты все призывники тянули жребий, показывающий очередность принятия на службу в армию и прохождения медицинского освидетельствования.

В целом процедура призыва и система льгот были унаследованы Красной армией из дореволюционных времен. Такая схожесть могла сохранять среди населения прежние представления об армии и призыве, особенно в традиционной крестьянской среде. Поэтому следующей тематикой, которая активно поднималась в прессе, было разъяснение населению различий между призывом в Царской армии и в Красной.

В печати довольно часто появлялись статьи, посвященные сравнению предстоящего призыва и призывов дореволюционного времени. В первую очередь описывались их громадные отличия. Сравнения указывали на сознательное отношение к этому делу «нынешней молодежи, которая сама отправляется в город на проверочную комиссию», тогда как раньше «рекрута шли в город погоняемые нагайками» [14, с. 1]. Подчеркивалось, что в современных условиях призываемый идет защищать не интересы капиталиста и помещика, а интересы своего трудового государства, интересы рабочих и крестьян [4, с. 4]. Такая информация была наполнена агитационными лозунгами и направлена на создание необходимого представления о современной Красной армии.

О жизни в старой армии говорилось, что из мобилизованной деревенской молодежи муштрой и издевательствами выбивались всякие проблески мысли [14, с. 1]. На царской

службе новобранцев ожидали побои, грубое обращение и бессмысленная муштра для превращения их в «тупых нижних чинов» [9, с. 1]. Царская армия делала из солдата послушную машину в руках капиталистов, не давая осознавать своих классовых интересов [12, с. 7]. Солдат Царской армии сравнивался с «арестантом», а его жизнь после приема в армию с «тюремно-каторжным положением» [4, с. 4].

В противопоставление этому в совершенно ином облике преподносилась жизнь Красной армии, которая теперь «стала школой» [4, с. 4]. Отмечалось, что сейчас в центре внимания партии и комсомола – культурно-просветительская работа в красной казарме. А ее цель – выработать из каждого призванного деревенского парня политически грамотного гражданина. В торжественном воззвании призывникам 1902 г. рождения, напечатанном в «Вятской правде», говорилось: «Вы призываетесь в ряды славной РККА, где вас будут обучать грамоте, где вас ждет общее развитие и политическое воспитание, где вас ждут не только винтовка, но и школа, клуб, библиотека» [9, с. 1].

В дополнение к таким сравнительным материалам публиковались письма служивших красноармейцев, содержащие различные наказы и наставления к призывникам. Тематика таких писем также была направлена на подчеркивание образовательной составляющей армии. Так, в «Вятской правде» от 18 апреля 1924 г. был опубликован наказ с обращением к призывникам 1902 г. от демобилизуемых красноармейцев: «Ваша доля легче нашей, мы прошли все фронты, а вам можно в одной руке держать винтовку, в другой – книгу» [6, с. 2].

В ходе агитационной компании призыва 1925 г. в газете были напечатаны письма красноармейцев о том, что дала им РККА. Красноармеец Ратканов писал, что служба пополнила и расширила их знания по политическим и по другим вопросам. А красноармеец Кудреватых писал призывникам: «Красная армия есть школа, где сделают из вас не только воина, но и хорошего общественника». Он считает, что за время своего пребывания в армии они выросли культурно и по возвращении домой будут участвовать в строительстве новой деревни [13, с. 1].

Как видно из представленного, печатью активно распространялся образ «другой» армии, отличной от царских времен. А в центре этого образа особый акцент ставился на тематике учебы, как основного и наиболее важного преимущества новой армии над армией старой. Такое представление об учебном характере прохождения военной службы, полагается, должно было способствовать формированию положительного отношения к службе в армии.

Анализируя печать, можно сказать, что тема учебы занимала одно из основных направлений в публикуемых агитационно-пропагандистских материалах по призыву. Из чего следует, что служба в Красной армии преподносилась как наиболее доступная и реальная возможность повышения своего образовательного уровня и, соответственно, социального статуса.

Способствовать представлению о Красной армии как о «социальном лифте» были призваны также и размещаемые статьи и заметки, посвященные тематике демобилизации. Демобилизованным красноармейцам отводилась особая роль в новом обществе. О них говорилось как о проводниках советской политики в деревне, как о распространителях новых знаний, которые они приобрели в армии. Печать вновь принималась за сравнения, и противопоставляла «вышедшего из деревни темного, малокультурного молодняка» с «ныне прошедшим хорошую школу в армии и возвратившимся домой развитым, культурным, образованным человеком» [12, с. 7].

В одной из статей указывалось, что в задачах Красной армии и ее политорганов стоит выработать из каждого красноармейца не только стойкого и умелого бойца, но и хорошего культурника, хозяйственника и общественника на поприще строительства нашей страны [11, с. 7]. В печати прямо подчеркивалось, что демобилизованный красноармеец – это новый кадр общественных работников [13, с. 1]. К тому же демобилизованным красноармейцам активно предлагалось участвовать в перевыборах в сельсоветы и волисполкомы [6, с. 2]. Все это, как итог, было направлено на создание образа армейской службы, как возможности дальнейшего устройства лучшей жизни.

Еще одной темой, направленной на формирование положительного отношения к службе в армии, была тема льгот. Вместе с образовательными возможностями, которые могла дать армия юношам, им также обещались и определенные экономические преференции. На страницах газеты печаталась информация о льготах для красноармейских хозяйств и демобилизованных красноармейцев, о помощи семьям красноармейцев. Эти льготы относились к наиболее насущным для крестьянского хозяйства проблемам: земельным вопросам, получению машин, отпуску леса, с\х налогу и в целом возможным налоговым льготам [5, с. 2; 8, с. 2].

Для молодого крестьянина актуальность данной темы представлялась особенно важной. Оставить свою семью и свое хозяйство на довольно продолжительный срок было тяжело. Поэтому в печати периодически появлялись материалы, направленные на снижение остроты такого волнения. Так, в номере «Вятской правды» от 14 июня 1925 г. имеется статья Начальника Вятского Губернского политсекретариата С. Тухачевского о помощи семьям красноармейцев. Он докладывал, что в налоговую компанию 1924–1925 гг. красноармейским хозяйствам был предоставлен целый ряд льгот. В зависимости от экономической мощи красноармейского хозяйства размер этих льгот мог доходить до 50% [10, с. 3].

Как можно увидеть из всего вышеизложенного, печать несла официальную информацию, соответствующую духу времени. С ее помощью большевистская партия добивалась формирования «правильного» представления о современной службе в армии. Печать распространяла в массы образ Красной армии как места обучения, как социального института, который может дать толчок к успешной жизни.

Распространяемые агитацией и пропагандой представления об армии как средстве социальной мобильности находили отклик в мировоззрении молодежной среды 20-х годов.

Директивные и отчетные документы Вятского Губпосекра, а также информационные сводки ОГПУ по большей части характеризовали настроения населения относительно призыва как «удовлетворительное», «бодрое» и «сознательное» [23, л. 57; 25, л. 3]. Одно из донесений приводит слова призывников: «Мы едем в школу, будем учиться, как лучше жить» [27, л. 124]. Или, например, политсопровождающий т. Шулятьев в своем докладе писал, что за время следования в часть отметил сознательное настроение призывников: «Особенно нравится, что они будут находиться в культурном центре и могут пополнить свое образование. Уже во время пути можно было заметить, что очень многие желают учиться» [24, л. 119 об.].

Обращаясь к трудам историков и социологов, исследовавших жизнь красноармейцев 1920-х годов, можно увидеть, что образ армии как школы – это не только пропагандистский сюжет, но и действительное отображение молодежных настроений 20-х годов.

Рассматривая картину мира красноармейца 1920-х гг., историк А. Ю. Рожков на большом фактическом материале делает вывод: «Образ армии в картине мира призывника имел четко выраженный образовательный оттенок» [18, с. 390]. Основываясь на информации, которую призывник получал посредством агитации, он определенно понимал, что он мог получить от армии. Для преимущественно крестьянского населения страны армия была «как реальный шанс навсегда вырваться из деревни» [18, с. 388].

Социальный антрополог Ж. В. Кормина также отмечает, что идея армии как школы, армии как способа получить образование имела распространение, а «для фольклора того времени это едва ли не единственное оправдание службы» [15, с. 301]. Притом школа в данном образе понималась буквально как обучение, и в первую очередь обучение грамоте.

Вместе с тем возникает вопрос о распространенности влияния пропагандистских установок, используемых печатью. Необходимо учитывать, что преобладающую часть населения страны и, соответственно, призываемых составляло крестьянство. Определенная их часть по-прежнему оставалась малограмотной или вовсе неграмотной.

Характеристика призывников, которая дается в докладе Политуправлению МВО за октябрь–декабрь 1925 г., говорит о том, что «по имущественному положению призывники в подавляющем большинстве относятся к бедняцким слоям» [28, л. 2]. Относительно грамотности приводятся следующие цифры: «75% малограмотных, 15% неграмотных». При этом согласно переписи населения 1926 г. грамотное мужское население вятских деревень составляло 71,5%, а городов – 91,5%. Грамотность среди батраков и бедняков – 44,5%, а среди маломощных середняков – 40,3% [29, с. 142–143].

В таких условиях печать нельзя назвать основным источником распространения агитационной информации. Вместе с ней активно применялись и формы устной агитации, мероприятия которой проводились повсеместно и имели более широкий охват населения, вплоть до отдельных селений.

Рассматривая *устную* агитационно-пропагандистскую деятельность, стоит отметить следующее. Являясь частью целостной подготовительной компании, по своему сущностному содержанию устная агитация воспроизводила те же сюжеты, что отображались в печати. Зачастую одной из форм устной агитации по вопросам призыва становилось громкое зачитывание газет перед большой аудиторией.

Как свидетельствуют отчеты Губпосекра, основной и наиболее распространенной формой устной агитации являлись волостные и районные конференции, посвященные исключи-

тельно вопросам призыва [24, л. 19]. В совокупности главной их целью было ознакомление населения с очередным призывом и его значением.

Кроме них устраивались беседы, доклады, митинги и другие мероприятия. Согласно докладу Губпосекра о проведении призыва 1902 г., всего по губернии было проведено 239 конференций, бесед – 350, докладов – 611, общих собраний (сходок крестьян) – 1372 [24, л. 118].

Такой документ, как «Повестка дня волконференции призывников», позволяет увидеть, каким образом агитаторами проводились данные конференции [26, л. 1]. Первым пунктом являлся доклад, разъясняющий значение Красной армии как вооруженной силы и почетности службы в ее рядах, рассказывалось о международном положении. Ее необходимость обосновывалась «повседневным ростом вооруженных сил окружающих нас капиталистических государств». Данному докладу уделялся 1 час. Следующие два 40-минутных доклада разъясняли информацию о порядке призыва, о льготах и работе приемной комиссии, о сроках и организации явки. Завершалась конференция беседой в вопросно-ответной форме.

Формат живого общения с населением позволял агитаторам преподнести информацию в более эмоциональном и доступном для понимания виде. Очень хорошо отражает принцип подачи информации, к примеру, подобное выражение из «тезисов для агитаторов по призыву 1903 г.»: «Красная армия в данный момент необходима для охраны советских побережий от алчных аппетитов буржуазии» [26, л. 16 об.]. Этот и похожие тезисы имеют ярко выраженный классовый оттенок, свойственный большевистской пропаганде того времени.

Во время призыва. После проведения обширной агитационной и информационной компании на территории губернии наступал момент непосредственного прибытия призывников на сборные пункты.

Призывникам предстояло участвовать в проведении жеребьевки, которая определяла бы их порядок в очереди зачисления в армию и прохождения медицинского освидетельствования. Советская власть не упускала шанса воспользоваться таким скоплением молодых людей и принималась за организацию политработы с призывниками.

Этот сравнительно короткий отрезок времени пребывания призывников в пунктах сбора в организационном плане имел определяющее значение. Поэтому его старались максимально насытить и обставить различными мероприятиями в как можно более торжественной и культурной форме.

Распространенным видом политической работы непосредственно в период призыва становилось проведение культурных мероприятий и ведение просветительской деятельности. Сборпункты оборудовались необходимым инвентарем и украшались лозунгами [24, л. 144 об.]. Видами и методами политпросветработы были все те же торжественные заседания, митинги, доклады, беседы. Все сборные пункты имели при себе: красные уголки, снабженные газетами и литературой, читальни, плакаты. В частности, при вятском призывном пункте работал клуб, в котором организован читальный зал, а также выставка по сельскому хозяйству и народному образованию [26, л. 52].

Культурные мероприятия, сопровождающие пребывание призывника на пунктах сбора, представляли собой проведение спектаклей, концертов, киносеансов, спортвыступлений [24, л. 118 об.].

Помимо сборных пунктов, для проведения мероприятий была организована деятельность агитпунктов на ж/д станциях. В Вятской губернии агитпункты располагались на ст. Вятка I-я, Зуевка, Котельнич и Вятские поляны. В период призыва 1924 г. агитпункты в цифрах провели нижеследующие работы: «Митингов – 37, бесед – 43, лекций – 42». По агитпунктам было распространено «литературы разной – 15 000 экз., газет разных названий 3 500 экз., поставлено спектаклей – 17, киносеансов – 2, концертов – 25» [24, л. 118 об.].

Основной концепцией политработы в момент призыва можно назвать ее торжественный и культурно-просветительский характер. Новые культурно-массовые мероприятия преподносились как замена и противопоставления старым традициям проводов в армию. Поэтому примечательны рекомендации Губпосекра Уездвоенкоматам разработать строгий план политпросвет работ на сборном пункте таким образом, чтобы занять у призывников все время, «чтобы не было праздношатающихся и ничем не занятых толп призываемых» [26, л. 5].

Одной из наиболее актуальных тем призыва этого этапа вставала проблема рекрутчины. Таким названием в печати и документах того времени характеризовались негативные стороны существовавших традиций проводов в армию. Уходя корнями глубоко в прошлое, традиции так называемых «рекрутских гуляний» и в 1920-е гг. остро стояли на повестке дня. Это было явление, которое советские власти очень активно пытались искоренить.

Директивные документы по проведению призыва содержали частые указания по борьбе с проявлениями рекрутчины, которые обычно выражались в таких формах, как хулиганство, пьянство, драки, вечеринки, катания на лошадях, побоища и даже убийства [4, с. 4].

В печати, как уже было рассмотрено, велась активная пропаганда нового образа армии, и места старым традициям в этом образе не было. Поэтому печатью традиции рекрутчины активно порицались, и призвано было заменить «благословление попа, пьянство и хулиганство на торжественные проводы и встречи» [4, с. 4].

Данный вопрос прорабатывался в агитационных беседах с призывниками. Агитаторы уделяли этой теме серьезное внимание, указывая, что Красная армия – «революционная школа для молодого рабочего и крестьянина. Призывник идет на почетное место, поэтому никаких пьяных гулянок, хулиганства, драк и т. д. не должно быть. Вместо этого нужно сделать торжественные проводы и встречи» [26, л. 12]. Чтобы не допустить проявлений рекрутчины, предписывалось организовывать проводы групп призывников под непосредственным руководством местных партийных товарищей [22, л. 21]. К борьбе с такими явлениями привлекались призываемые коммунисты и комсомольцы [26, л. 4]. На день жеребьевки закрывались все магазины и заведения, торгующие спиртными напитками [26, л. 55].

Несмотря на все вышеизложенное, обычаи «гуляний» перед отправкой в армию продолжали сопровождать очередные призывы и в дальнейшем. Отчеты и донесения о ходе призыва периодически сообщали о некоторых эксцессах, что ставит под сомнение эффективность распространяемых агитационных лозунгов.

В замечаниях Губпосекра Укомам РКП(б) и Увоенкоматам относительно призыва 1924 г. упоминалось, что из-за неорганизованной явки на сборпункты и отсутствия сопровождающих товарищей «в весеннюю призывную компанию замечены были случаи дебоширства со стороны призываемых и драки, доходившие до убийств, как, например, в Халтуринском уезде один призывник убил другого» [22, л. 21]. Или, другим примером, можно привести произошедший случай на ст. Котельнич, о котором рассказывается в Информационной сводке Вятского губернского отдела ОГПУ с 8 по 16 мая 1924 г. Призывники, отпущенные после жеребьевки на несколько дней домой до отправки в армию и столкнувшиеся с транспортными трудностями, осадили и «анархическим путем» пытались захватить пришедший почтовый поезд [23, л. 49].

Случаи рекрутчины отмечались и в призыв 1925 г. Формами проявления по большей части являлось пьянство. Один из докладов Губпосекра рассказывает, что по Вятскому уезду «больше всего развито было пьянство, но не в массовом, а единичном явлении. Печальнее всего то, что в пьяном виде являлись и комсомольцы. Хуже всего себя вела молодежь города Вятки и ее окрестностей, но достаточно хорошо и прилично вела себя молодежь крестьянских районов» [26, л. 52]. В следующем докладе также утверждалось, что «рекрутские выходки есть, но не в массовом явлении. Многие призывники пьяными явились на призыв и в запасе с ними по 1-2 бутылки русской горькой» [27, л. 124].

Явления рекрутчины описываются и в таких документах ОГПУ, как ежемесячные обзоры политэкономического состояния СССР. В призыв 1924 г. по стране «имели место эксцессы, доходившие до захвата силой поездов, избиения милиционеров, а также взаимных драк с убийствами». В западных губерниях наблюдались случаи еврейских погромов [1]. О той же картине свидетельствует обзор за октябрь 1925 г. Призывники грабили винные лавки, избивали коммунистов и комсомольцев, случались проявления антисемитизма. Призыв сопровождался «массовым пьянством, хулиганством, дебоширством, драками, побоищами между группами деревенских и городских призывников и между призывниками и милицией» [1].

Таким образом, в момент проведения призыва власти сталкивались с трудностями, которые им виделись пережитками прошлого и «антисоветскими настроениями». Путь по решению проблемы представлялся через правильную организацию процесса призыва, т. е. с помощью агитации и политической работы. В призыв и в целом в саму службу в Красной армии вкладывался новый смысл почетного, торжественного, культурного, образовательного характера. Но, как мы видим по сведениям обзоров и сводок, в период первых очередных призывов мирного времени 1924–1925 гг. агитационные установки пока что ситуацию не меняли.

После призыва. В завершение призывной компании юношам, призванным в армию, предстояло отправить в части войск, где они будут проходить службу. Последним этапом политической работы с призывниками была организация их отправки в места прохождения службы и их сопровождение.

Власти продолжали придерживаться намеченного курса по агитационной и просветительской работе. Для этого Укомы РКП(б) и Увоенкоматы заранее назначали для ведения политической работы ответственных представителей, которые сопровождали призванных, отправляемых в части. Предписывалось «выделить из состава организации политсопровождающих из расчета один политсопровождающий на 50 призываемых» [22, л. 21 об.]. Требования к политсопровождающим предъявлялись серьезные, они должны были характеризоваться как «политически развитые» [24, л. 35]. Привлекались к политработе в пути следования и призванные коммунисты и комсомольцы. Они заранее готовились и знакомились с возлагаемыми на них обязанностями [26, л. 5].

Во время следования проводилась работа по ознакомлению новобранцев с местностью, куда они следуют, с родом войск той части, в которой будут нести службу, условиями и порядком службы в Красной армии (материальной стороной, отношением к товарищу, командиру, дисциплиной и т. д.). Особо обращалось внимание на предупреждение хулиганских выходок со стороны следующих новобранцев и ухода их из эшелона или партии, разрешая им в пути только групповые отлучки при обязательном сопровождении их партийцем, комсомольцем или красноармейцем. На этом этапе стадия призыва заканчивалась, и призванный юноша полноценно вступал в период своей армейской жизни.

Таким образом, в период 1924–1925 гг. проходило выстраивание системы проведения очередных призывов в РККА, неотъемлемой частью которых стала политическая работа с призывниками. В 1925 г. М. В. Фрунзе, находясь на должности председателя Реввоенсовета СССР и Нарковоенмора, называл проведение первых очередных призывов как «переход к нормальной системе комплектования», и как «мероприятие, заложившее фундамент для всей дальнейшей жизни и работы армии» [20, с. 162].

Рассмотренные материалы на примере Вятской губернии позволяют получить представление о том, каким образом для советской власти виделся процесс призыва и в каком виде должна была быть организована политическая работа. Подготовка к призыву представляла собой широкую агитационно-пропагандистскую компанию посредством печати и устной агитации. Сам момент призыва и отправки молодых людей в части войск приобретал торжественную форму и наполнялся мероприятиями культурного и просветительского характера. В совокупности основными принципами и направленностью всей проводимой политработы с призывниками можно назвать формирование образа «новой армии». А в основе этого образа находился тезис об армии – школе. Этот сюжет широко используется в агитационно-пропагандистских материалах того периода, касающихся Красной армии. С помощью агитации и политработы власти пытались решить задачу коренного изменения облика РККА в общественном сознании, а также избавиться от такого негативного явления, как рекрутчина.

Список литературы

1. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934) : исторические материалы. URL: http://istmat.info/node/22548 (дата обращения: 12.06.2019).

2. Всеармейские совещания политработников Красной армии. Резолюции. 1918–1940. М. : Наука, 1984. 335 с.

3. Вятская правда. 1924. 12 марта.

4. Вятская правда. 1924. 5 апр.

5. Вятская правда. 1924. 8 апр.

6. Вятская правда. 1924. 18 апр.

7. Вятская правда. 1924. 19 апр.

8. Вятская правда. 1924. 20 апр.

9. Вятская правда. 1924. 22 апр.

10. Вятская правда. 1925. 14 июня.

11. Вятская правда. 1925. 20 июня.

12. Вятская правда. 1925. 25 авг.

13. Вятская правда. 1925. 28 авг.

14. Коммунистическая молодежь (орган вятского губкома РКСМ). 1924. 4 апр.

15. *Кормина Ж. В.* Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 376 с.

16. Партийно-политическая работа в Красной армии : документы. 1921–1929 гг. М. : Воениздат, 1981. 576 с.

17. Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. : в 2 кн. Кн. 1 : 1923–1926 гг. М. ; Л. : Летний сад, 2006. 731 с.

18. *Рожков А. Ю*. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
19. *Сталин И. В.* Собрание сочинений : в 13 т. Т. 5. М., 1947.
20. *Фрунзе М. В.* Военная доктрина Красной армии. М. : Родина, 2018. 240 с.
21. *Фрунзе М. В*. Избранные произведения. М. : Воениздат, 1950. 584 с.
22. ЦГАКО Ф. П-1. Оп. 2. Д. 643.
23. ЦГАКО Ф. П-1. Оп. 2. Д. 644.
24. ЦГАКО Ф. П-1. Оп. 2. Д. 799.
25. ЦГАКО Ф. П-1. Оп. 3. Д. 222.
26. ЦГАКО Ф. П-1. Оп. 3. Д. 225.
27. ЦГАКО Ф. П-1. Оп. 3. Д. 51.
28. ЦГАКО Ф. П-1. Оп. 4. Д. 63.
29. *Чемоданов И. В.* Вятское крестьянство в период НЭПа (1921–1929 гг.). Киров : Изд-во ВятГУ, 2011. 200 с.

Features of political work with conscripts in the red army in 1924–1925 (on the materials of Vyatka province)

K. S. Zonov
postgraduate student of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: koooctya@yandex.ru

Abstract. The article deals with the formation, organization and implementation of political work with conscripts during the first recruitments in the red army peacetime 1924 and 1925. It was in these two years when in the USSR Military reform was carried out and the system of recruitment of the red army in peacetime formed. On the basis of documents of the Central State Archive of the Kirov region and the periodical press the process of preparation and carrying out the conscription campaign in the Vyatka province and the accompanying political work is shown. The article analyzes the printed edition "Vyatskaya Pravda" ("Vyatka Truth") and reveals the main subjects of the printed material relating to the red army. One of the main directions of the propaganda activities of the press and party bodies is the formation of the image of the red army as an affordable and real opportunity to improve the educational level and social status for young people of the 1920s. Accordingly, along with the reform of the Soviet government, efforts were also made to change the image of the army in the public consciousness. In the recruitment itself and in general in the very service in the red army a new sense of honorable, solemn, cultural, educational nature was invested. The image of "another" army, different from the tsarist times was actively spread. And in the center of this image a special emphasis was placed on the subject of study as the main and most important advantage of the new army over the old army. Such an idea of the educational nature of military service, it is believed, should have contributed to the formation of a positive attitude to service in the army.

Keywords: Red army, Vyatka province, recruitment to the red army, political work.

References

1. *"Sovershenno sekretno": Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934) : istoricheskie materialy* – "Top secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934) : historical materials. Available at: http://istmat.info/node/22548 (date accessed: 12.06.2019).
2. *Vsearmejskie soveshchaniya politrabotnikov Krasnoj armii. Rezolyucii. 1918–1940* – All-army meetings of political workers of the red army. Resolutions. 1918–1940. M. Nauka. 1984. 335 p.
3. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1924. March 12.
4. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1924. Apr. 5.
5. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1924. Apr. 8.
6. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1924. Apr. 18.
7. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1924. Apr. 19.
8. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1924. Apr. 20.
9. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1924. Apr. 22.
10. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1925. June 14.
11. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1925. June 20.
12. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1925. Aug. 25.
13. *Vyatskaya pravda* – Vyatka truth. 1925. Aug. 28.
14. *Kommunisticheskaya molodezh' (organ vyatskogo gubkoma RKSM)* – The Communist youth (on the Vyatka provincial committee of Revolutionary Communist Youth Union). 1924. Apr. 4.

15. *Kormina Zh. V. Provody v armiyu v poreformennoj Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza* [Seeing the army in post-reform Russia. Experience of ethnographic analysis]. M. New literary review. 2005. 376 p.
16. *Partijno-politicheskaya rabota v Krasnoj armii : dokumenty. 1921–1929 gg.* – Party-political work in the red army : documents. 1921–1929 gg. M. Military publishing. 1981. 576 p.
17. *Reforma v Krasnoj armii. Dokumenty i materialy. 1923–1928 gg. : v 2 kn. Kn. 1: 1923–1926 gg.* – Reform in the red army. Documents and materials. 1923–1928 : in 2 books. Book 1: 1923–1926 gg. M. ; L. Letniy sad. 2006. 731 p.
18. *Rozhkov A. Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznennyj mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov* [In the circle of peers: Life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s.] M. New literary review. 2014. 640 p.
19. *Stalin I. V. Sobranie sochinenij : v 13 t. T. 5* [Collected works : in 13 vols. Vol. 5]. M. 1947.
20. *Frunze M. V. Voennaya doktrina Krasnoj armii* [Military doctrine of the red army]. M. Rodina. 2018. 240 p.
21. *Frunze M. V. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Military Publishing. 1950. 584 p.
22. Central state archive of Kirov region F. P-1. Inv. 2. File 643.
23. Central state archive of Kirov region F. P-1. Inv. 2. File 644.
24. Central state archive of Kirov region F. P-1. Inv. 2. File 799.
25. Central state archive of Kirov region F. P-1. Inv. 3. File 222.
26. Central state archive of Kirov region F. P-1. Inv. 3. File 225.
27. Central state archive of Kirov region F. P-1. Inv. 3. File 51.
28. Central state archive of Kirov region F. P-1. Inv. 4. File 63.
29. *Chemodanov I. V. Vyatskoe krest'yanstvo v period NEPa (1921–1929 gg.).* [Vyatka peasantry during the NEP (1921–1929)]. Kirov. VyatSU. 2011. 200 p.

УДК 947.8(470.342)"1980" DOI 10.25730/VSU.2070.19.006

Нормы и аномалии повседневной жизни уральской провинции 1980-х гг. в зеркале газетной критики (на материалах газеты «Северная звезда» Чердынского района Пермской области)

В. В. Клепиков
аспирант, Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. E-mail: vladimirklepikov66@gmail.com

Аннотация. В статье на основании газетных материалов автор реконструирует особенности газетной критики, отображающей повседневность уральской провинции первой половины 1980-х годов на примере Чердынского района Пермской области. Источником является газета «Северная звезда», издававшаяся местным райкомом КПСС. Автор сравнивает газетные публикации 1981–1982 гг. и 1985–1986 гг. На основании анализа газетных материалов реконструируются сдвиги в газетном дискурсе, отображающем советскую повседневность. В фокусе исследования находятся девиантные практики, осуждаемые районной газетой. В соответствии с концепцией Э. Дюркгейма, в статье девиантные явления рассматриваются как маркеры нормального одобряемого поведения. Наиболее упоминаемыми маркерами являются пьянство и недисциплинированность, связанные между собой. Эти темы являются неизменными с 1981 года. Тональность прессы ужесточается после 1986 года, что связано с антиалкогольной кампанией. В публикациях 1982 года адресатом критики являются социальные институты. После 1985 года – оступившийся человек. Переход от критики социальных институтов к критике человека может свидетельствовать, прежде всего, о кризисе вышеуказанных институтов, отраженном в местной партийной прессе и постепенном переходе ответственности за нарушение общественных норм непосредственно на людей.

Ключевые слова: советская повседневность, Пермская область, Чердынский район, газетная критика, нормы, девиации, маркеры повседневности, кризис институтов.

«Многие из вас, уважаемые читатели, знают об увлекательных приключениях благородного рыцаря из Ламанчи Дон Кихота и его верного оруженосца Санчо Пансы и, вероятно, помнят, с какой самоотверженностью и решительностью сражался Рыцарь Печального образа с ветряными мельницами, которые он принял за великанов. Олег же 10 мая сего года под воздействием винных паров и в порыве слепой ярости «атаковал» на своем мотоцикле колесный трактор «Беларусь». Вероятно, у него на это были свои причины, но скромность не позволила Олегу Анатольевичу поделиться ими с работниками ГАИ, а заодно и с вами, читатели» [7, с. 3].

Этот фрагмент из заметки чердынской газеты «Северная звезда» – типичный пример позднесоветской провинциальной журналистики, а конкретнее – жанра фельетона. Он немного выделяется из ряда подобных только некоторой усложненностью и литературностью метафор (Дон Кихот, Санчо Панса). Данный текст (как и все ему подобные) позволяет заглянуть в сферу реальных практик, которые оказались неприемлемыми в рамках советского образа жизни, но вполне укорененными в повседневности обитателей уральской глубинки. На эту особенность критики обращал внимание, например, О. Л. Лейбович, утверждая, что в протоколах партийных собраний, фиксирующих факты девиантного поведения, могут (хоть и обрывочно) отражаться особенности повседневности [12, с. 265]. Исходя из этого, можно сформулировать следующий вопрос: какой ценностью обладают подобные тексты для исследования позднесоветской повседневности?

Целью данной статьи является реконструкция особенностей газетной критики уральской провинции первой половины 1980-х годов, отображающей особенности повседневной жизни. В качестве примера уральской провинции был взят Чердынский район Пермской области – аграрный регион на севере Прикамья. Основными источниками для раскрытия особенностей повседневности послужили критические публикации в газете «Северная звезда», которая в этот период была печатным органом Чердынского районного комитета КПСС и районного совета народных депутатов. Выбор этой газеты обусловлен фактором ее уникальности в вопросе раскрытия повседневной жизни района через призму газетной критики.

© Клепиков В. В., 2019

Данное печатное издание являлось единственной выпускаемой в тот период местной газетой. Соответственно, ее материалы являются основным и во многом единственным источником интересующих нас публикаций.

Своеобразное разделение практик на общественные, сформированные государством и неформальные, или повседневные можно увидеть в работе Н. Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии». Она отмечает, что в любом обществе могут одновременно присутствовать «нормативные суждения власти», за соблюдением которых следит государство, и «правила поведения, формально нигде не закрепленные» (нормы морали, обычаев, традиции), или повседневные практики, формирующиеся под влиянием быта [11, с. 7]. Использование же периодической печати для реконструкции практик повседневности – это не новаторский прием. К нему прибегают достаточно часто уже на протяжении долгого времени [23; 24].

К 1980 году газетная критика в СССР являлась институциолизированной и даже, пожалуй, ритуализированной формой официального дискурса [10]. Применяемый в последующем анализе подход к бичеванию «отдельных недостатков» исходит из того, что в критических публикациях при любых обстоятельствах присутствуют три конститутивных момента:

– Отсылка к некоторой нарушаемой норме – основа критики, обуславливающая саму позицию автора. Нарушаемая норма либо озвучивается явно, либо легко реконструируется из контекста критического выступления. С этой нормой идентифицирует себя субъект критики.

– Определенные практики, явления социальной реальности, которые маркируются как девиантные (или делинквентные). Их оценка производится с позиции вышеупомянутой нормы. Это предмет критики.

– Адресат критики. В перспективе последующего анализа именно этот пункт приобретет приоритетное значение. Критический нарратив всегда интенционален, направлен на конкретного индивидуального или коллективного субъекта. От последнего требуется вмешательство в ситуацию, восстановление попранной нормы и пресечение девиантных практик.

При анализе автор намерен сфокусироваться на последних двух аспектах критики. Дело в том, что советские нормы (правовые, моральные и нравственно-этические в целом) к исследуемому периоду были явно и отчетливо сформулированы, многократно опубликованы и транслировались посредством различных институтов (школа, армия, СМИ и прочие). В связи с этим имеет смысл обратить внимание на особенности провинциальной повседневности, которые подвергаются критике, и на тех, кому эта критика адресуется.

В рамках данной статьи будут сравниваться материалы двух временных отрезков: 1981–1982 гг. – последние годы правления Л. И. Брежнева и 1985–1986 гг. – время доперестроечных экспериментов М. С. Горбачева (обращение к опыту стахановского движения и антиалкогольная кампания). Нужно понимать, что после 1987 года газетная критика стала более «зубастой». Это было обусловлено в первую очередь политикой гласности, провозглашенной в январе 1987 года. Начиная с этого момента, возможности критики стремительно расширялись, затрагивались темы, ранее не звучавшие в публичном пространстве. Однако крайней хронологической точкой данного исследования стоит 1986 год – последний момент перед идеологическими трансформациями в СССР.

Следует кратко упомянуть об историческом контексте. Начало 1980-х годов, как и большую часть «брежневского» периода, в современной историографии принято называть «застоем». Возрастающая зависимость СССР от экспорта нефти, преобладание во властной элите престарелых партийных функционеров, развитие теневой экономики, потребительский дефицит являлись постоянными атрибутами этой эпохи[1].

Чердынский район в это время – самый крупный в Пермской области. Основные производства района – это сельское хозяйство и лесная промышленность. В этих сферах занята основная масса жителей. Административным и партийным центром является город Чердынь, население сосредоточено в окружающих поселках и деревнях, где также размещено производство. Плотность населения невелика. Также район является и одним из самых отдаленных от областного центра (около 300 километров). Положение усугублялось тем фактом, что мост через реку Вишеру, связывающий сегодня Чердынь с остальным Прикамьем, был построен лишь во второй половине 1990-х годов. До этого переправа осуществлялась через паром летом и по льду – зимой. Ближайший железнодорожный вокзал находился в городе Соликам-

[1] См., например, *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. Москва : АСТ, 2007. 715 с.; Погружение в трясину (Анатомия застоя) : сб. / сост. Т. А. Ноткина. Москва : Прогресс, 1991. 704 с.

ске[2], откуда уже жители Чердыни могли добраться до Перми. Помимо этого, осуществлялось передвижение через систему водного транспорта: из Рябинино[3] до Соликамска ходили теплоходы «Заря». Из Соликамска, помимо поезда, жители Чердыни могли добраться до Перми на более крупных теплоходах «Метеор» и «Ракета». Еще один способ мобильности того времени – перелеты на так называемых «кукурузниках» – самолетах Ан-2. Самолет взлетал с аэродрома в Чердыни и приземлялся в областном центре спустя 2,5-3 часа. Инфраструктура была развита слабо, район был обделен крупными градообразующими предприятиями. Таким образом, Чердынский район того времени предстает перед нами как далекая северная окраина, аграрная и таежная периферия индустриального Урала.

В 1981–1982 годах одним из главных объектов критики на страницах газеты становится пьянство и постольку-поскольку люди, злоупотребляющие алкоголем. Основной поток информации о пьянках и их последствиях в газете появляется на основе историй с производств. Но присутствуют примеры и употребления алкоголя в быту. Так, в одной заметке читателям демонстрируется муж и отец, который из-за пьянства «не помощник, и все [жене – В. В.] приходится делать самой. <…> Вот тут-то как раз и потребовалось бы внимание мужа, отца, а оно ушло на другую дорожку – на пьянство, дебоши и даже рукоприкладство» [19, с. 3].

Однако главный образ критики – это алкоголик на производстве. У него нет конкретного пола, возраста или должности. Вот объектом критики становятся пьющие женщины – доярки колхоза «Колос»: «К сожалению, дружбу с “зеленым змием” водят не только механизаторы, но и те, кто напрямую занят производством молока. <…> В данном случае речь идет о доярках колхоза «Колос» Г. Г. Кл-ко, С. Н. С-ной, М. В. Б-ой, которые после получки целую неделю не являлись на работу. <…> В результате этого группы коров, закрепленные за этими горе-доярками, перестали доиться. А сколько молока безвозвратно утеряно, сколько принесено убытка?» [9, с. 1]. На страницах газеты может быть задет и рядовой рабочий, и начальник бригады, и начальник производства – любой, чья любовь к алкоголю влияет на производственные показатели. Вот, например, автор напрямую связывает пьянство с падением производительности труда: «Что же тормозит работу? Это пьянство – основной бич на производстве рейда. <…> Производительность на лесозаготовительном конвейере снижается на 20-30 процентов» [22, с. 1].

Иногда критике подвергался даже не отдельный человек, а, по сути, целый коллектив. Так произошло в совхозе «Пянтежском», который навестили работники газеты. В самом начале дается представление о том, в чем будут обвиняться работники совхоза: «Мы и предположить не могли, отправляясь в совхоз “Пянтежский», что нас ожидает. Узнай, что накануне здесь выдавали аванс, мы бы догадались, по крайней мере, захватить противогазы» [1, с. 1]. Автор уже в самом начале намекает читателю не только на саму проблему, но и на и ее масштаб (пьют так много, что трудно дышать). В заметке нет открытых оценочных суждений, присутствует лишь описание того, что они увидели. Ситуация в совхозе описывается как крайне запущенная. Основная причина – пьянство. Один механизатор, например, «должен был вести культивацию поля. Но разве до работы, когда механизатор В. С-ов и электросварщик Ш-н – лучшие друзья по бутылке». Второй механизатор выпил слишком много, и «сморил беднягу сон», в то время как «неподалеку от фермы тонул в навозной куче [его – В. В.] трактор» [1, с. 1].

Люди в состоянии алкогольного опьянения часто становились героями сатирических фельетонов. Важно отметить, что в них пьяница не столько становился объектом порицания, сколько объектом высмеивания, иронизирования. Вышеописанного У-их О. А., который пьяный на мотоцикле столкнулся с трактором, автор сравнивает с Дон Кихотом, который сражался с ветряными мельницами (герой Сервантеса в советской культуре обладал положительными коннотациями). Заметку о другом работнике – трактористе С-не А. С., который в состоянии алкогольного опьянения сбил телеграфный столб и получил несколько штрафов, автор резюмирует следующими словами: «Исходя из вышеуказанной суммы штрафов, можно предположить, что похмелье у С-на было не только горьким, но и дорогим» [8, с. 3].

Стоит отметить несколько вещей. Прежде всего – размах описываемой практики – пьют повсеместно и помногу. Выпивают на молочной ферме и на сплавном рейде, в колхозе и сов-

[2] Соликамск – населенный пункт (город) – административный центр Соликамского района Пермского края (в 1980-х годах – области).
[3] Рябинино – населенный пункт (поселок) в семи километрах от Чердыни.

хозе, на работе и дома. Далее любопытно то, что предметом критики являются не столько люди, которые пьют, сколько само явление и его последствия. Судя по газетным материалам, употребление алкоголя не являлось девиантным поведением для жителей Чердынского района, скорее неписаной, неформальной, но авторитетной поведенческой нормой. Именно по этой причине газета обращается к социальным организациям, способным повлиять на поведенческие правила – к трудовому коллективу как основной социальной ячейке советского общества. Таким образом, адресатом критики является социальный институт, а не отдельный персонаж-нарушитель социальной нормы. Создается впечатление, что авторы публикаций хоть и порицают пьянство, но делают это весьма избирательно. Так, основной целью критики становится главным образом пресечение пьянства на работе. Ведь именно это занятие является пагубным для производства, именно оно способно подрывать работу хозяйств. Следовательно, смысл газетных публикаций заключается в том, чтобы люди перестали пить на работе, или чтобы их пьянство, по крайней мере, не влияло на трудовые показатели.

Вторая по частоте упоминания в критическом контексте проблема – это проблема трудовой дисциплины, точнее – недисциплинированности работников. Объектом критики становится рабочий, не соблюдающий по каким-либо причинам дисциплину. Некоторые просто игнорируют приказы, как, например, механизаторы колхоза «Новый путь»: «Одним утром <…> агроном хозяйства М. А. Башкирцева <…> стала давать разнарядку работ механизаторам. Однако время она потратила впустую: личное желание механизаторов оказалось выше требований одного из руководителей колхоза» [18, с. 1]. Также плохим работником может стать и руководитель, замалчивающий о нарушениях дисциплины. Такими работниками стали руководители Чердынского леспромхоза: «Тревожит и то обстоятельство, что администрация предприятия не всегда своевременно реагирует на факты нарушения трудовой дисциплины, некоторые прогульщики, таким образом, остаются безнаказанными» [15, с. 2].

Критика нарушителей дисциплины часто переплеталась с критикой пьянства. Употребление алкоголя (особенно на рабочем месте) авторами публикаций напрямую связывалось с проблемами производства, прогулами и, что немаловажно, нарушением служебной дисциплины. Нередки случаи описания пьянств начальства. Так, при описании производственных проблем совхоза «Исаковского» автор статьи упрекает начальство в недолжном контроле над положением дел в совхозе и тут же раскрывает причину халатности: «Вместо оказания практической помощи на местах директор совхоза П. И. Г-ев, главный инженер Л. А. Г-ов, другие начальники ограничиваются инспекционными поездками, пьянствуют в рабочее время» [14, с. 1]. Иногда же начальников обвиняют в совместном пьянстве с рабочими. Журналист В. Павлова, в своей заметке о вышеописанном случае с мужем-алкоголиком и страданиями его жены и детей, упоминает, что женщина обращалась с жалобами на своего мужа по месту работы, но никаких результатов не достигла. После чего автор размещает следующее обращение к начальству горе-мужа: «Поинтересуйтесь, товарищи руководители, у кого из вас эти жалобы залежались. И не застольем делитесь с человеком, который хорошо трудится на производстве, но безобразен в быту, а пригласите его “на ковер”» [19, с. 3]. Эта публикация – одно из немногих исключений, демонстрирующих критику бытового пьянства. Ведь мужчина, хоть и выпивает, но «хорошо трудится на производстве», почитаем начальством, которое делится с ним застольем. Возможно, если бы не страдания жены и детей, а также написанные жалобы, данный случай вообще бы не стал объектом журналисткой публикации.

Таким образом, главными критикуемыми элементами чердынской повседневности 1981–1982 годов являлись алкоголизм и нарушение трудовой дисциплины. Иногда эти элементы могут пересекаться: так неявка на производство или срыв сезонных работ объяснялись пьянкой, а иногда и попустительством начальства. Причина неповиновения механизаторов колхоза «Новый путь» указам агронома кроется не в самих механизаторах, а в «отсутствии элементарной требовательности со стороны членов правления, руководителей и специалистов колхоза» [18, с. 1]. Подобное можно увидеть и при описании проблемы колхоза «Красный октябрь». Описывая прогулы работников колхоза (телятниц) и влияние этих прогулов на состояние телят, автор заметки выставляет виновными руководство колхоза: «Об этих беспорядках знают и в правлении колхоза, и местный бригадир. Почему же они не наладят дело так, как нужно?» [2, с. 1]. Иначе говоря, недисциплинированный и пьющий субъект на практике и не является субъектом вовсе. Если цель критики – воздействие на причину девиантных поступков путем апелляции к субъективности, то носителем таковой оказывается не сам человек, а властная институция.

В 1985 году, после короткого перерыва, партийное руководство продолжило курс Ю. В. Андропова на укрепление дисциплины в советском обществе. В партийную риторику вошли новые обороты: ускорение, интенсификация производства, дисциплина, энтузиазм, стахановские традиции. Параллельно набирала силу антиалкогольная кампания. Именно она в первую очередь повлияла на дискурс о людях, злоупотребляющих спиртным.

Первое, на что можно обратить внимание, – это более жесткий дискурс в отношении пьющих людей. Их не высмеивают, их разоблачают. Употребление алкоголя в газетных публикациях постепенно становится девиацией: «Юноша, начинающий свой жизненный путь в обстановке одобрительного отношения к спиртному, видит в выпивке даже символ приобщения к “мужественности”. <…> Границы подлинных и мнимых ценностей в его сознании размыты…» [3, с. 3]. В попытке маргинализировать употребление алкоголя журналисты обращались за помощью к специалистам. Сотрудники милиции и врачи демонстрировали примеры пагубных последствий употребления алкоголя. Это могли быть бытовые ситуации, как случай Тадея Д-го, который «в пьяном угаре взялся за нож… ударил им в живот сына своей сожительницы…» [13, с. 3], или случаи хронического алкоголизма, когда даже лечение не помогает: «М-н Н. Н. на протяжении длительного времени злоупотребляет спиртными напитками. <…> Дважды начинал противоалкогольное лечение в Керчевском наркологическом отделении. Но оба раза был выписан за нарушение режима – употреблял спиртное во время лечения» [20, с. 3].

В 1986 году в газете в рамках борьбы с алкоголизмом появились еще одни отрицательные персонажи – «браговары». Алкоголь начинают выдавать по талонам, в связи с этим люди осваивают новые практики по его добыче. В том числе и противозаконные: «Речь идет о тех, кто изготавливает и хранит крепкий спиртной напиток домашней выработки – брагу» [5, с. 3]. Нельзя с уверенностью говорить, что до этого времени самогонщиков в районе не было вообще, но именно теперь они становятся в газете объектом порицания и наказания. Случаи привлечения к ответственности за самогоноварение начали публиковаться в печати: «В начале ноября у жителя деревни Марушево А. В. П-ва работниками милиции была обнаружена и изъята брага. Против него по статье 158 ч. 1 УК РСФСР[4] возбуждено уголовное дело» [17, с. 3].

Образ недисциплинированного работника также сохранился в середине 1980-х годов на страницах чердынской газеты. Так же как и в случае с пьянством, риторика газеты изменилась. Главное отличие – появление на их страницах некоего абстрактного «старого». Это «старое» может относиться к чему угодно – желанию «работать по старинке», старым «формам работы с людьми»: «Некоторые председатели колхозов, специалисты <…> работают по старинке, как десять-пятнадцать лет назад. Сегодня это недопустимо…» [4, с. 1]. «Старые схемы» мышления могут обнаруживаться как у рабочих, крестьян, так и у руководителей: «Низкая дисциплина труда самих руководителей производства, пьянство на виду у подчиненных <…> – все это, в конечном счете, сказалось и будет сказываться на результатах труда всего коллектива…» [26, с. 3] или теперь «… для прогульщиков и пьяниц легкой жизни в бригадах не стало. <…> Потому как нет оправдания тем, кто погряз в рутине старых форм работы с людьми, и тем, кто мешает измерять другим новые пути новых свершений» [25, с. 3].

Пьянство и недисциплинированность на работе были основными, если не сказать главными, аномалиями жизни чердынцев в интерпретации газетной критики. Но это не значит, что другие сюжеты отсутствовали. Чуть менее отчетливо в публикациях прослеживалась тема девиантного поведения несовершеннолетних. «Подвыпившие и развязные», «с петушиным видом забияки», а также «виновато улыбающиеся воришки» [6, с. 3] тоже становились персонажами чердынской газеты и поводом для дискуссии о молодом поколении. Помимо этого, предметами критики с разной периодичностью становилось обращение людей к религиозным культам[5], вещизм и стремление к личной наживе[6] и другие «аномалии» социалистической жизни.

---

[4] Статья 158 УК РСФСР «Изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки». Наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет с конфискацией имущества либо без таковой, или исправительными работами на срок до двух лет с конфискацией имущества либо без таковой, или штрафом от пяти до десяти минимальных месячных размеров оплаты труда.

[5] См., например: *Павлов В*. Что дороже? // Северная звезда. 1982. № 46 (6127). С. 3–4; *Щеткина Н*. Из ЗАГСа в церковь // Северная звезда. 1985. № 61 (6731). С. 3.

[6] См., например: *Макаров А.* О модных сапогах и дефиците вежливости // Северная звезда. 1982. № 148 (6229). С. 3; *Павлов В.* Черная тетрадь // Северная звезда. 1985. № 40 (6710). С. 3.

Отметим, что в середине 1980-х происходит явный дискурсивный сдвиг – изменяется адресат критики. Точнее, происходит совмещение адресата с критикуемым персонажем. Как было написано ранее, в начале 1980-х адресатом были властные институции: пьет механизатор, а критика обращена к правлению колхоза, дебоширит муж – а наводить порядок должен профком и т. д. Теперь критика обращена непосредственно к субъекту девиантных практик. Например, при описании незаконного выноса продукции с чердынского мясокомбината и критике «несунов» (еще одних персонажей газетной критики) автор обращается не к абстрактному начальству или коллективу, а непосредственно к человеку, совершившему правонарушение: «Но хочется все же еще раз спросить: у кого же вы воруете, Валентина Николаевна? <…> Неужели совесть у вас <…> потеряна совсем?» [16, с. 3]. Более того, в газету начали проникать случаи, когда автор упрекает человека в том, что он не указывает на конкретных виновных, как это произошло с докладчиком партсобрания Керчевского сплавного рейда В. М. Солунова. Несмотря на то что автор заметки отметил стремление докладчика достоверно отобразить картину быта работников рейда с «пьянством и прогулами», он также раскритиковал В. М. Солунова за отсутствие в докладе конкретных имен: «Жаль, что Виктор Матвеевич не назвал таких лиц поименно. Безусловно, руководители участка знали неблагонадежных мастеров, но тоже умалчивали о них. Такая позиция не принесет желательных результатов в воспитании масс. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось, что обман, полуправда нетерпимы ни в большом, ни в малом, особенно если это исходит от коммуниста» [21, с. 2]. Показательно использование оборота «исходит от…», явно указывающего на субъекта-коммуниста.

Итак, можно сделать следующие выводы. Газетный дискурс обоих хронологических отрезков (1981–82 гг. и 1985–86 гг.) четко выделяет два предмета критики: пьянство и недисциплинированность. Зачастую они пересекались и критикуемый персонаж срывал работы или прогуливал, поскольку был пьян. Это не значит, что лишь данные аномалии освещались в газете. Присутствовали и другие темы. Однако именно эти девиации являлись основными объектами критики, проходящими сквозь года из номера в номер. После 1985 года газетный дискурс стал более жестким. Однако состав повседневных практик, отображенных в публикациях и маркируемых как девиантные, остался прежним. Разрыв заметен только на уровне адресата критики. В начале 1980-х это институции: организации, начальство как институт. В середине 1980-х адресат критики постепенно индивидуализируется. Виновными становятся конкретные люди, и спрос идет именно с них. Социальные институты в глазах авторов газетных публикаций больше не должны, или не способны по какой-то причине активно вмешиваться в повседневную жизнь жителей района. Произошедшее смещение критической интенции, возможно, следует связать с признанием советского человека субъектом – моральным и правовым. Во всяком случае, анализ дискурсивных формаций той эпохи (даже на уровне глубокой провинции) на это недвусмысленно указывает.

Список литературы

1. *Афанасьев В.* Если бы мы знали… // Северная звезда. 1982. № 64 (6145). С. 1.
2. *Варзухин Н.* Кто исправит дело? // Северная звезда. 1981. № 123 (6048). С. 1.
3. *Голоцван В.* Начинающему – остановись! // Северная звезда. 1985. № 70 (6740). С. 3.
4. *Денисов В.* Будет дисциплина – будут результаты. // Северная звезда. 1985. № 126 (6796). С. 1.
5. *Зебзеев В.* Народным судом привлечены… // Северная звезда. 1986. № 48 (6874). С. 3.
6. *Каменская Н.* Найти правильную линию. // Северная звезда. 1981. № 51 (5976). С. 3.
7. *Кирьянов И., Макаров А.* Еще раз о нарушителях, или Еще кое-что из жизни лихих «наездников» // Северная звезда. 1982. № 82 (6163). С. 3.
8. *Кирьянов И.* Столбовая история // Северная звезда. 1982. № 115 (6196). С. 3.
9. Кто за это в ответе? // Северная звезда. 1982. № 154 (6235). С. 1.
10. *Кузнецов В. В.* Критика в газетах и критика газет (анализ публикаций периодической печати по вопросам аграрных преобразований в Западной Сибири в середине XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2011. № 4–2. С. 128–132.
11. *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
12. *Лейбович О. Л.* Работники карательного аппарата в Молотовской области: генезис приватной субъектности (1953–1956) // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 255–282.
13. *Лопаницын В.* Место на скамье подсудимых // Северная звезда. 1985. № 116 (6786). С. 3.

14. *Михайлов В*. Диагноз: бесконтрольность! // Северная звезда. 1982. № 59 (6140). С. 1.
15. *Михайлов В.* Почему не выполнен план // Северная звезда. 1982. № 104 (6185). С. 2.
16. *Недорезов В.* Где же ваша совесть? // Северная звезда. 1985. № 22 (6692). С. 3.
17. *Носов С.* Закон един для всех // Северная звезда. 1986. № 3 (6829). С. 3.
18. *Павлов В.* Кто в колхозе хозяин? // Северная звезда. 1981. № 97 (6022). С. 1.
19. *Павлова А.* Когда жизнь становится невыносимой // Северная звезда. 1981. № 52 (5977). С. 3.
20. *Палехова З*. Опасная трясина // Северная звезда. 1985. № 80 (6750). С. 3.
21. *Поддубицкий В.* От активной позиции каждого // Северная звезда. 1986. № 44 (6870). С. 2.
22. *Поддубицкий В*. Под угрозой срыва // Северная звезда. 1981. № 21 (5946). С. 1.
23. *Смирнов А. В*. Репрезентация структур повседневности в ленинградских газетах 1970-х гг. // Печать и Слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2016. С. 111–116.
24. *Шаламов В. А*. Особенности местной прессы Иркутской области в 30-е гг. XX в. как источника по истории повседневности (на примере газеты «Ленинский путь» Усольского района) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкальский государственный лингвистический университет, 2008. С. 477–480.
25. *Щеткина Н.* В новом году – старыми методами… // Северная звезда. 1986. № 18 (6844). С. 3.
26. *Щеткина Н*. Молчуны и их покровители // Северная звезда. 1985. № 93 (6763). С. 3.

Norms and anomalies of everyday life of the Ural province of the 1980s in the mirror of newspaper criticism (on the materials of the newspaper "Severnaya Zvezda" ("The North Star") of the Cherdyn district of the Perm region)

V. V. Klepikov
postgraduate student, Perm State Institute of Culture.
Russia, Perm. E-mail: vladimirklepikov66@gmail.com

Abstract. In the article based on the newspaper articles the author reconstructs peculiarities of newspaper critics, showing the daily life of the Ural province in the first half of 1980-ies, for example, the Cherdyn district, Perm region. The source is the newspaper *"Severnaya Zvezda"* ("North star"), published by the local district Committee of the CPSU. The author compares newspaper articles 1981–1982 and 1985–1986. Based on the analysis of newspaper articles he reconstructs changes in newspaper discourse, showing the Soviet daily. The study focuses on deviant practices condemned by the district newspaper. In accordance with the concept of E. Durkheim, the article considers deviant phenomena as markers of normal approved behavior. The most mentioned markers are related drunkenness and indiscipline. These themes have been unchanged since 1981. The tone of the press tightened after 1986, due to the anti-alcohol campaign. In the 1982 publications, social institutions are the target of criticism. After 1985 it was a stumbled man. The transition from criticism of social institutions to criticism of the person can testify, first of all, to the crisis of the above-mentioned institutions, reflected in the local party press and the gradual transition of responsibility for the violation of social norms directly to the people.

Keywords: Soviet everyday life, Perm region, Cherdyn district, newspaper criticism, norms, deviations, markers of everyday life, crisis of institutions.

References

1. *Afanas'ev V. Esli by my znali…* [If we had known...] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1982. No. 64 (6145). P. 1.
2. *Varzuhin N. Kto ispravit delo?* [Who will fix the matter?] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1981. No. 123 (6048). P. 1.
3. *Golocvan V. Nachinayushchemu – ostanovis'!* [To the beginner – stop!] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1985. No. 70 (6740). P. 3.
4. *Denisov V. Budet disciplina – budut rezul'taty* [There will be discipline –there will be results] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1985. No. 126 (6796). P. 1.
5. *Zebzeev V. Narodnym sudom privlecheny…* [Involved by the people's court…] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1986. No. 48 (6874). P. 3.
6. *Kamenskaya N. Najti pravil'nuyu liniyu* [To find the right line] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1981. No. 51 (5976). P. 3.
7. *Kir'yanov I., Makarov A. Eshche raz o narushitelyah, ili Eshche koe-chto iz zhizni lihih "naezdnikov"* [Once again about violators, or still something from life of dashing "riders"] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1982. No. 82 (6163). P. 3.

8. *Kir'yanov I. Stolbovaya istoriya* [Pillar history] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1982. No. 115 (6196). P. 3.

9. *Kto za eto v otvete?* – Who is responsible for this? // *Severnaya zvezda* – The North star. 1982. No. 154 (6235). P. 1.

10. *Kuznecov V. V. Kritika v gazetah i kritika gazet (analiz publikacij periodicheskoj pechati po voprosam agrarnyh preobrazovanij v Zapadnoj Sibiri v seredine XX v.)* [Criticism in newspapers and critic of newspapers (the analysis of publications in periodicals on issues of agrarian reforms in Western Siberia in the mid-twentieth century)] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* – News of Altai State University. Barnaul. Altai State University. 2011. No. 4-2. Pp. 128–132.

11. *Lebina N. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to grand style]. M. Novoye literaturnoe obozrenie. 2015. 488 p.

12. *Lejbovich O. L. Rabotniki karatel'nogo apparata v Molotovskoj oblasti: genezis privatnoj sub"ektnosti (1953–1956)* [Workers of the punitive apparatus in the Molotov region: genesis of private subjectivity (1953–1956)] // *Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub'ektivnost' (1953–1985)* – After Stalin: late Soviet subjectivity (1953–1985). SPb. European University. SPb. 2018. Pp. 255–282.

13. *Lopanicyn V. Mesto na skam'e podsudimyh* [Place in the dock] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1985. No. 116 (6786). P. 3.

14. *Mihajlov V. Diagnoz: beskontrol'nost'!* [Diagnosis: lack of control!] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1982. No. 59 (6140). P. 1.

15. *Mihajlov V. Pochemu ne vypolnen plan* [Why is the plan not executed] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1982. No. 104 (6185). P. 2.

16. *Nedorezov V. Gde zhe vasha sovest'?* [Where is your conscience?] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1985. No. 22 (6692). P. 3.

17. *Nosov S. Zakon edin dlya vsekh* [The law is one for all] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1986. No. 3 (6829). P. 3.

18. *Pavlov V. Kto v kolhoze hozyain?* [Who is the boss of the collective farm?] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1981. No. 97 (6022). P. 1.

19. *Pavlova A. Kogda zhizn' stanovitsya nevynosimoj* [When life becomes unbearable] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1981. No. 52 (5977). P. 3.

20. *Palekhova Z. Invasnaya tryasina* [Dangerous quagmire] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1985. No. 80 (6750). P. 3.

21. *Poddubickij V. Ot aktivnoj pozicii kazhdogo* [From the active position of each one] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1986. No. 44 (6870). P. 2.

22. *Poddubickij V. Pod ugrozoj sryva* [Under threat of failure] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1981. No. 21 (5946). P. 1.

23. *Smirnov A. V. Reprezentaciya struktur povsednevnosti v leningradskih gazetah 1970-h gg.* [Representation of structures of everyday life in Leningrad Newspapers of the 1970s] // *Pechat' i Slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya – 2015* – Print and word of St. Petersburg. St. Petersburg readings-2015. SPb. St. Petersburg State University of industrial technologies and design. 2016. Pp. 111–116.

24. *Shalamov V. A. Osobennosti mestnoj pressy Irkutskoj oblasti v 30-e gg. XX v. kak istochnika po istorii povsednevnosti (na primere gazety "Leninskij put'" Usol'skogo rajona)* [Features of the local press of the Irkutsk region in the 30s in the XX century as a source on the history of everyday life (on the example of the newspaper "Lenin way" of Usolsk district)] // *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* – Irkutsk historical and economic yearbook. Irkutsk. Baikal State Linguistic University. 2008. Pp. 477–480.

25. *Shchetkina N. V novom godu – starymi metodami…* [In the new year – old methods...] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1986. No. 18 (6844). P. 3.

26. *Shchetkina N. Molchuny i ih pokroviteli* [Undecideds and their patrons] // *Severnaya zvezda* – The North star. 1985. No. 93 (6763). P. 3.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930.9(44+73)"1981-1989" DOI 10.25730/VSU.2070.19.007

Взаимоотношения Р. Рейгана и Ф. Миттерана: противоречия и консенсус (1981–1989 гг.)

Н. С. Мищенко
аспирант факультета истории, политических наук и культурологии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: alenablumari@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения президента США Р. Рейгана (1981–1989 гг.) и президента Франции Ф. Миттерана (1981–1995 гг.), исследуются обстоятельства, которые, несмотря на многочисленные разногласия между данными государственными деятелями, позволили Франции и США существенно сблизить свои позиции на завершающем этапе холодной войны. Франция и США – ведущие западные страны, которые в настоящее время выступают единым фронтом по многим вопросам мировой политики. Опыт их взаимодействия в 80-е гг. XX в., когда правительства данных государств многократно занимали несовпадающие позиции при обсуждении важных проблем международной жизни, представляет большой интерес. Цель данного исследования – выявить характер взаимоотношений Рейгана и Миттерана и определить, каким образом их политические контакты отражались на международной ситуации. Предмет статьи – личные отношения лидеров двух держав, формировавшиеся в процессе их политической деятельности. Будучи главами ведущих государств Запада, они активно сотрудничали, их объединяли общие взгляды по многим вопросам, они имели схожие точки зрения на СССР. Однако их отношения не были свободны от противоречий, как правило, являвшихся следствием желания французской администрации сохранить свою самостоятельность в международных делах. При этом личные отношения Рейгана и Миттерана оставались теплыми на протяжении 1981–1989 гг., и это способствовало проведению ими согласованной политики в отношении СССР.

Ключевые слова: США, Франция, Ф. Миттеран, Р. Рейган, СССР.

Франция и США – ведущие западные страны, которые в настоящее время занимают согласованные позиции по ключевым проблемам международной жизни. Однако в течение второй половины XX в. были периоды, когда они выступали в качестве оппонентов, поскольку руководствовались разными концепциями миропорядка, имели разные подходы к обеспечению европейской безопасности и к решению региональных проблем. Цель данной статьи – в развитии рассмотреть взаимоотношения лидеров двух держав – президента США Рональда Рейгана (1981–1989 гг.) и президента Франции Франсуа Миттерана (1981–1994) – и определить, каким образом их политические контакты отражались на международной ситуации. Для этого были использованы исторический и деятельностный подходы.

Источниками для подготовки данной статьи послужили официальные документы, опубликованные во Франции и в США. Использованы работы политических деятелей – непосредственных участников исторических событий: президента Миттерана [16], советника Миттерана по внешнеполитическим вопросам Ю. Ведрина [24], Рейгана [22]; интервью обоих президентов и их выступления на пресс-конференциях [11], записи их телефонных разговоров [9].

Внешнеполитическая активность Франции и США в 1980-е гг., интенсивность их взаимодействия в разрезе всего комплекса межгосударственных связей недостаточно исследованы, эта тема продолжает оставаться актуальной и дискуссионной. Научное осмысление опыта отношений Франции и США на завершающей стадии холодной войны важно для понимания природы процессов, характерных для международных отношений 1980-х гг., а также для осмысления истоков ряда проблем, присущих современным международным отношениям.

© Мищенко Н. С., 2019

В отечественной и зарубежной историографии имеется солидный пласт научно-публицистической и научно-исследовательской литературы о взаимоотношениях Миттерана и Рейгана. Важное место среди работ российских историков занимают исследования, посвященные внешней политике Франции этого периода. В монографии В. П. Славенова «Очерки внешней политики Франции (1981–1986 гг.)» особое внимание уделено взаимодействию Рейгана и Миттерана. Он выделяет несколько проблемных зон в их отношениях – в первую очередь, финансово-экономическую политику США и подходы к «третьему миру» – и приходит к выводу, что по основным мировым проблемам Рейган и Миттеран пришли к консенсусу [5]. Тема взаимодействия двух лидеров затрагивалась С. Б. Воронцовой в книге «США–Франция: соперничество и партнерство» [2], в которой освещена история взаимодействия двух «центров империализма» и делается вывод, что главные разногласия между странами лежали в сфере экономической политики. Еще одной важной для понимания франко-американских отношений работой является монография А. А. Ковалева «Франция на перепутьях мировой политики» [3]. В ней сопоставляются позиции Рейгана и Миттерана в связи с обсуждением вопросов о «евростратегических ракетах» и «довооружении НАТО». Автор отмечает, что по этим пунктам политической повестки лидеры пришли к консенсусу.

Среди современных отечественных исследований выделяется монография Е. О. Обичкиной «Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012)» [4]. Отношениям Рейгана и Миттерана в ней посвящена отдельная глава «Франция – США». Освещены трения между двумя лидерами по поводу ряда важных проблем, в том числе санкциям в связи с Польским кризисом, переговорам о тарифах на сельскохозяйственную продукцию, отношениям Север – Юг и программе «звездных войн».

В зарубежной историографии можно выделить исследования французских историков Ф. Бозо [8], М. Вайсса [23], А. Гроссера [14], изучавших политику величия Миттерана, в которых было показано отношение Парижа к главным субъектам международных отношений периода конца холодной войны – США и СССР. В целом французская историография данной темы отличается преобладанием научно-публицистической литературы.

Из американских работ наиболее информативна коллективная монография «Рейган и мир: лидерство и национальная безопасность, 1981–1989 гг.» [10], опубликованная с предисловием Дж. Мэтлока. Отношениям Миттерана и Рейгана в этой работе посвящена отдельная глава, в которой выделены некоторые конфликтные зоны в отношениях между двумя лидерами. Автор приходит к мнению, что во взаимодействии Рейгана и Миттерана преобладал вектор сотрудничества. Главным объединяющим фактором названа политика в отношении СССР.

Развитие франко-американских отношений в 1980-х гг. тесно связано с главами этих государств, с их взглядами на внешнюю политику, а также с личными взаимоотношениями. Когда социалист Миттеран был избран президентом Франции в мае 1981 г., американская общественность была озабочена тем, как это может отразиться на внешней политике США. Идеологические разногласия между президентом-социалистом и президентом-республиканцем, ожидалось, приведут к серьезным трениям между администрациями этих стран. Однако, этого не произошло.

Отношения между Миттераном и Рейганом советник французского президента по внешнеполитическим вопросам Ю. Ведрин сводил к фразе «Друг, союзник, но не подчиненный» [24, p. 163]. Сам Миттеран заявлял, что у него были «родственные чувства к американскому народу» [11], стремился укрепить франко-американские отношения и говорил, что взаимодействия с США должны устанавливаться по триаде «дружба, солидарность, суверенитет» [24, p. 253].

Миттеран быстро установил личные отношения с президентом США и его вице-президентом Дж. Бушем. Уже 4 июня 1981 г. он направил К. Шессона, министра иностранных дел, в Вашингтон, чтобы заверить американцев в верности Франции Атлантическому Альянсу. За первые два года своего пребывания на посту Миттеран встречался с Рейганом шесть раз. К тому же в своих первых выступлениях он позитивно отзывался о Рейгане, утверждая, что тот воплощает стремление американцев «обрести свою гордость» и обещал «работать с ним рука об руку» [5, с. 12]. Между тем неоконсерватор Рейган был для Миттерана сложным партнером. Стиль американской дипломатии и личный стиль самого Рейгана в общении с другими западными лидерами во время саммитов Большой семерки и НАТО – диктат, высокомерие, постоянное давление, действовали на него раздражающе [4, с. 190]. Рейгану, в свою очередь, также было некомфортно с французским лидером. Особенно нервозность американского пре-

зидента проявлялась во время экономических саммитов. Для Миттерана был важен церемониал – кто старше, кто должен прибыть первым… [15]. Рейган был старше его, что с точки зрения протокольных условностей являлось основанием для демонстрации подчеркнуто-уважительного отношения. Американский президент во время встречи во дворце Акасака (Япония) в мае 1986 г. в этой связи отмечал: «Нам было приказано ехать медленно, потому что протокол требовал, чтобы я как старший член саммита прибыл последним. Последним же, как всегда, старался быть Миттеран» [22, p. 409].

Трудно было представить себе более непохожих людей. Рейган, в прошлом демократ, начал свою карьеру как успешный киноактер, проявивший свои антикоммунистические взгляды еще в 1940–50-е гг. в Гильдии киноактеров. Миттеран, напротив, был интеллектуалом и профессиональным политиком, чьи убеждения не всегда были ясными или последовательными. Он начал свою карьеру как католический националист и даже присоединился к крайне правым антидемократическим группам в конце 1930-х гг. Миттеран был министром во французских правительствах 1950-х гг., и он бросил вызов Шарлю де Голлю во время президентских выборов в середине 1960-х гг[1].

Когда эти два лидера прибыли на встречу «Большой семерки» в Оттаве (Канада, июль 1981 г.), ситуация была крайне неопределенной. Франция была заинтересована в том, чтобы США снизили учетные ставки банковского кредита и девальвировали доллар. Французский президент назвал жесткую финансово-кредитную политику США эгоистической и обвинил Рейгана в нанесении ущерба европейским экономикам. Президент США отправился в Оттаву, полный решимости защищать свою позицию: его главный аргумент состоял в том, что высокие процентные ставки необходимы для того, чтобы установить контроль над инфляцией.

Первое впечатление о Рейгане после этой встречи у Миттерана сложилось благоприятное. Президент Франции отозвался о своем американском визави вполне позитивно: «Он теплый, дружелюбный, приятный. Он человек доброй воли, который имеет простую идеологию. <...> Мы всегда можем спорить с ним. Он такой, какой он есть. Типичный американец…» [12]. У Рейгана также сложилось хорошее впечатление о французском президенте. Для этого имелись особые основания: Миттеран во время встречи сообщил американскому лидеру, что в течение нескольких месяцев французская контрразведка (кодовое название агента «Farewell») имеет исключительный источник информации в КГБ, и Миттеран предложил передать в Вашингтон все данные, собранные агентом, которые имеют отношение к безопасности Соединенных Штатов и их союзников по НАТО, и, в частности, список агентов КГБ в США, а также информацию о целях советского шпионажа. Рейган тепло поблагодарил Миттерана за этот жест. По возвращении из Оттавы он писал французскому президенту: «Дорогой Франсуа, я думаю, вы знаете, насколько большое значение я придавал нашей первой встрече на высшем уровне в Оттаве. Эта встреча задала тон нашему будущему сотрудничеству…» [13]. В результате между двумя деятелями зародились сердечные отношения.

Передача информации повысила авторитет Миттерана. Франко-американское сотрудничество в области разведки повлияло и на международную ситуацию, особенно на политику в отношении СССР. В 1983 г. 148 советских дипломатов были выдворены из многих стран мира, причем 88 человек – из Европы и США (включая 47, высланных из Франции) [6]. В значительной степени эти события были следствием франко-американских консультаций в области разведки и деятельности «Farewell».

На первой встрече в Оттаве разногласия между лидерами вызывала экономическая политика, но она была не единственным источником трений. В первый год пребывания на посту Миттеран настаивал на оказании помощи странам третьего мира. Это предложение было публичным выражением давней политики Франции по завоеванию благосклонности различных правительств, включая новые независимые африканские государства и левые режимы. Различия в подходах США и Франции к политике в отношении государств Центральной Америки носили принципиальный характер и являлись темой постоянных дискуссий. Французская администрация настоятельно призывала США содействовать установлению мира в гражданской войне в Сальвадоре между партизанами и военным режимом. Соединенные Штаты отказывались и поддержали правящую диктатуру. В Никарагуа США и Франция также оказались по разные стороны от линии фронта борьбы, причем французы симпатизировали

[1] В декабре 1965 г. Миттеран впервые участвовал в президентских выборах. Он проиграл во втором туре с 44,8% голосов избирателей.

левому Сандинистскому правительству, а американцы поддерживали контрас. Министр иностранных дел Франции К. Шессон защищал политику своего правительства, утверждая, что правительство Никарагуа будет уклоняться от развития отношений со странами социалистического блока только в том случае, если найдет понимание и поддержку на Западе.

Таким образом, Миттерану и французскому правительству политика Вашингтона казалась слишком идеологизированной и контрпродуктивной; для Рейгана же любое проявление терпимости к коммунизму было равносильно умиротворению врага.

Рейган и Миттеран встретились снова, в октябре 1981 г. Это произошло во время празднования двухсотлетия битвы при Йорктауне, где французские военно-морские суда и американские колониальные войска объединились, чтобы противостоять британской армии в Вирджинии на завершающем этапе Войны за независимость. Хотя публичные церемонии должны были продемонстрировать двухсотлетнюю франко-американскую солидарность, определенная напряженность была ощутима. Оба лидера использовали это событие для того, чтобы вновь обменяться взглядами на мировую политику. Во время официального мероприятия Рейган выступил с речью, в которой связал жертвы колонистов, боровшихся с британской тиранией, с собственными идеями о пагубной роли бюрократизации системы государственной власти. По его словам, свободе и независимости американцев «угрожали раздутые размеры правительства и искажение его истинных функций» [10, p. 148]. Точно так же, как колонисты отказывались платить налоги Британии, сегодняшние американцы возмущались «карательным налоговым бременем» [10, p. 148]. Миттеран не поддержал пафос Рейгана и, имея в виду третий мир, восхвалял дух революции и напомнил, что «чаяния народов мира сегодня столь же законны, как и чаяния наших предков» [10, p. 148].

Переговоры в ходе данной встречи проходили в реконструированной колониальной деревне в Уильямсбурге и не смогли устранить ключевые разногласия между двумя лидерами. В качестве повестки для следующей встречи Миттеран хотел предложить конкретные планы преобразования мировой энергетической системы, в то время как Рейган предпочитал не конкретизировать главную тему переговоров и ограничиться обменом мнениями по широкому кругу проблем [19]. Кроме того, правительство Миттерана планировало продажу оружия Ливии, несмотря на возражения Вашингтона. Наконец, французский президент считал, что США должны оказывать более щедрую помощь и поощрять движение за улучшение социальных условий в бедных странах.

По итогам состоявшихся бесед в октябре 1981 г. Миттеран и Рейган констатировали общность взглядов по ряду вопросов, отдельно выделив проблему ядерных вооружений. В частности, французский президент говорил о том, что наращивание военного потенциала США является средством восстановления утраченного равновесия в ядерных вооружениях [20], что полностью соответствовало планам Рейгана. После визита в США Миттеран неоднократно подчеркивал то, что у США и Франции были одни и те же идеалы, хотя разногласия по поводу политики в отношении Никарагуа в 1981 г. преодолеть так и не удалось.

Только в марте 1982 г. во время личной встречи американский президент уговорил французского лидера приостановить поставки оружия в Никарагуа, проинформировав Миттерана о том, что есть доказательства поддержки советским и кубинским правительствами сандинистов. После этой встречи Рейган записал в своем дневнике, что они с Миттераном «прекрасно ладили», но пресса «пыталась сделать вид», будто они в ссоре [22, p. 64].

Между США и Францией имели место также серьезные разногласия в области торговой политики, известные как «трубопроводный спор». В последний год правления президента Дж. Картера США стремились наказать Россию за вторжение в Афганистан, введя экономические санкции и эмбарго на поставки ряда товаров [1, с. 120]. Рейган в начале ноября 1982 г. отменил эмбарго на зерно, но продолжал оказывать давление на западноевропейские государства, которые имели гораздо больший объем торговли с СССР, чем США. Ни одно европейское государство не хотело нести потери из-за свертывания торговли с СССР, тем более что многие западные промышленные товары поставлялись в обмен на нефть и природный газ. В ноябре 1981 г. в Эссене (ФРГ) СССР подписал с консорциумом фирм Франции, Италии и Западной Германии договор «газ-трубы», по которому в течение 25 лет советское газовое сырье должно было поставляться этим странам и в Австрию в обмен на трубы и другое оборудование для газовой промышленности СССР. После введения военного положения в Польше в декабре 1981 г. администрация Рейгана призывала к более жесткому эмбарго на экспорт высоких технологий в СССР и вынудила европейцев присоединиться к нему [7, с. 67, 71]. В письме к

Рейгану Миттеран 8 мая 1982 г. выразил надежду, что близящаяся встреча «Большой семерки» позволит прийти к соглашению о кредитовании СССР. Но на саммите в Версале 4–6 июня 1982 г. точка зрения Франции столкнулась с позицией Рейгана, настаивавшего на прекращении сотрудничества с СССР. 18 июня президент США заявил об ужесточении эмбарго, но Франция его не поддержала. Миттеран писал Рейгану об этом: «Наш общий интерес как членов альянса состоит, мне кажется, в том, чтобы черпать силу в разнообразии» [10, p. 151]. Одному из своих сотрудников Миттеран говорил по этому поводу так: «Следовать курсу Вашингтона означало бы признать, что для Франции не существует больше независимой политики» [10, p. 151].

Обсуждение проекта строительства советского газопровода в 1982 г. привело к серьезному ухудшению трансатлантических отношений. Обстановка разрядилась только после того, как новый госсекретарь США Дж. Шульц, сменивший на этом посту А. Хейга, сообщил о прекращении политики санкций.

Между Францией и США имелись разногласия и по военно-стратегическим вопросам. Стратегическая оборонная инициатива, изложенная Рейганом 23 марта 1983 г., не получила поддержки во Франции. Миттеран считал, что создание антиядерного щита нарушит баланс сил в Европе и вызовет негативную реакцию в Москве. При этом, по его мнению, могли пострадать именно европейцы. Французский министр иностранных дел Р. Дюма отмечал: «Американский космический проект не был нами воспринят благожелательно. На деле мы были ему прямо враждебны» [23, p. 208]. 3 мая 1985 г. на предложение Рейгана подключиться к американской программе СОИ Миттеран ответил отказом [16, p. 55].

Во время второго срока пребывания на посту Рейгана (1985–1989 гг.) возникали трения по вопросу о торговле сельскохозяйственной продукцией. Успехи европейского рынка в этой отрасли и снижение американского экспорта аграрной продукции заставили США организовывать наступление на политику ЕЭС в области поддержки аграрного сектора. На саммите Большой семерки в Бонне 4–5 мая 1985 г. Миттеран осудил позицию американцев. Он назвал нездоровой ситуацию, когда «государства-союзники диктуют нам нашу политику, <…> когда о делах Европы судят страны, далекие от Европы» [23, p. 26].

В феврале 1986 г. возник новый кризис в двухсторонних отношениях из-за отказа Франции разрешить пролет над своей территорией самолетам ВВС США, базировавшимся в Великобритании и направлявшимся в сторону столицы Ливии Триполи для нанесения бомбового удара. В ответ на это в США началась мощная антифранцузская кампания. Миттеран так прокомментировал эту ситуацию: «Во Франции нет неприязни в отношении Соединенных Штатов. Мы можем смотреть на вещи под другим углом, но мы вместе, когда дело доходит до важных вопросов, особенно по вопросам Восток – Запад» [17]. Французский президент также охарактеризовал свои личные отношения с Рейганом как «довольно хорошие», а франко-американские отношения как слишком важные, чтобы расстраиваться из-за случайных разногласий вроде тех, что возникли по ливийскому вопросу.

Тем не менее Миттеран постарался подробно объяснить причины, по которым он отказался ассоциировать Францию с нападением на Триполи, а антифранцузскую кампанию назвал необоснованно бурной эмоциональной реакцией американцев на решимость Франции защищать свои собственные интересы. «Если бы Соединенные Штаты считали, что у них могут быть хорошие отношения только со странами, которые говорят «да» всему, чего хотят Соединенные Штаты, это были бы уже не отношения союза и дружбы, а господства», – сказал Миттеран, когда его спросили о разногласиях между Вашингтоном и Парижем по Ливии. «Америка знает, что мы союзники, которые готовы рисковать... Мы показали это», – добавил он [17]. Рейган также не спешил отказываться от Франции, как от важнейшего союзника из-за ситуации с Ливией. Он прокомментировал данную проблему так: «В каждом счастливом браке случаются разногласия, но брак продолжается [20]». Окончательное примирение двух лидеров произошло во время Токийского экономического саммита в мае 1986 г. во время встречи в резиденции посла США в Японии Майка Мэнсфилда. Тогда Миттеран заявил на пресс-конференции, что он поддерживает решение внести Ливию в список государств, от которых исходит угроза терроризма. Эти слова были восприняты с удовлетворением американской стороной. Ранее французский президент по поводу Ливии высказывался в том смысле, что «надо изолировать лидера, но не людей [21]».

В 1982–1985 гг. Франция стала, возможно, самым ценным союзником Америки в Европе. Имевшиеся политические разногласия, проявившиеся в это время, бледнели на фоне сближения, произошедшего на базе антипатии к Советскому Союзу и коммунизму.

Рейган быстро понял, что с Миттераном его объединяет недоверие к СССР. На их первой встрече в Оттаве в 1981 г. президент США во время пресс-конференции сказал, что он «немного удивлен <…> решительным настроем Миттерана в отношении советской угрозы», и добавил, что заявления Миттерана на предмет того, как обращаться с русскими, «были выдержаны в том же ключе, что и его собственные» [10, p. 155]. Оба лидера питали глубокое недоверие к СССР. Какими бы ни были их политические взгляды, оба не имели иллюзий относительно Советского Союза; оба были противниками разрядки; и оба чувствовали, что, только держась вместе, западные страны могут надеяться на преодоление раскола Европы. Франция и США всегда гордились своей историей. Обе страны отчетливо ощущали свою исключительность, которая всегда проявлялась в их внешней политике. В 1980-е гг., когда это имело наибольшее значение, их историческая антипатия к СССР оказалась мощным источником взаимного притяжения.

В отличие от своего, казалось бы, консервативного предшественника В. Жискара Д'Эстена, который демонстрировал кажущуюся мягкость в отношениях между Востоком и Западом, социалист Миттеран занял стойкую позицию. Он активно поддерживал «двойное решение НАТО», принятое 12 декабря 1979 г., и выступал за размещение в Европе американских ракет средней дальности, так как считал, что развертывание советских ракет SS-20 представляет собой серьезную угрозу безопасности. Он также критиковал введение военного положения в Польше, хотя не предпринимал никаких конкретных действий против СССР.

Такая позиция обострила франко-советские отношения – прекратились двусторонние встречи на высшем уровне, произошла высылка 47 советских дипломатов из Парижа (апрель 1983 г.). Однако французская администрация продолжала поддерживать экономические связи с СССР и отказалась налагать санкции в ответ на объявление военного положения в Польше. Хотя Франция испытывала растущий дефицит торгового баланса с СССР, франко-советские отношения оставались напряженными до тех пор, пока Горбачев не пришел к власти в 1985 г.

Для обоих лидеров советский вопрос был одним из решающих компонентов формирования внешнеполитического курса. 11 декабря 1987 г. Рейган сразу позвонил Миттерану, чтобы поделиться первым впечатлением от встречи с генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Миттеран высоко оценил этот жест, добавив, что «вы, Рон, сделали что-то очень необычное для мира и разоружения. То, что вы сделали, развернуло процесс в правильном направлении» [9].

Миттеран после прихода к власти Горбачева способствовал улучшению отношений СССР и США. В июле 1986 г. во время встречи с Горбачевым в Париже он высоко отозвался о президенте США, подчеркнув, что, «несмотря на свое политическое прошлое, Рейган принадлежит к числу тех лидеров, которые интуитивно желают положить конец существующему статус-кво, и, в отличие от других американских политиков, он не машина, а человек» [18, p. 123]. Он также отметил, что «Рейган не лишен здравого смысла и интуиции» [25, p. 111]. Тем самым французский лидер способствовал разрушению первоначального скептицизма Горбачева по отношению к американскому президенту.

Миттеран и Рейган возглавляли союзные государства. Они активно сотрудничали, их объединяли общие взгляды по многим вопросам, и в частности в отношении СССР. Однако противоречия между лидерами также были существенными. Французское правительство болезненно воспринимало любое вмешательство в свои внутренние дела и четко разграничивало политику и экономику. Франция в лице Миттерана стремилась избежать зависимости от США и больше, чем любое другое государство западной Европы, последовательно пыталась сохранить свою самостоятельность в международных делах, отстаивая собственные взгляды на мир и собственную повестку дня. Французская напористость часто омрачала отношения между двумя странами и вызывала раздражение американской стороны. Но личные отношения Рейгана и Миттерана оставались теплыми на всем протяжении 1981–1989 гг.

Список литературы

1. *Воробьева Т. А., Юнгблюд В. Т.* Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 105–125.

2. *Воронцова С. Б.* США – Франция: соперничество и партнерство. М. : Международные отношения, 1983. 128 с.

3. *Ковалев А. А.* «Франция на перепутьях мировой политики». М. : Международные отношения, 1983. 182 с.

4. *Обичкина Е. О.* Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М. : Аспект пресс, 2012. 382 с.
5. *Славенов В. П*. Очерки внешней политики Франции (1981–1986 гг.). М. : Международные отношения, 1986. 301 с.
6. *Тьерри В*. КГБ во Франции. URL: https://www.e-reading.club/book.php?book=12081 (дата обращения: 08.07.19).
7. *Юнгблюд В. Т., Збоев А. В.* Роль неправительственных организаций в восточноевропейской политике США в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 10. С. 66–73.
8. *Bozo F.* La politique étrangère de la France depuis 1945. P.: La Decouverte, 1997. 122 p.
9. Cold War: Reagan call to Mitterrand (reporting Washington Summit) (record of conversation) [declassified 2000]. URL: https://www.margaretthatcher.org/document/109438 (дата обращения: 07.06.19).
10. *Coleman B. L., Longley K., Herring G. C., Johns A. L., Matlock J., Statler K. C.* Reagan and the World: Leadership and National Security, 1981–1989. Lexington : University Press of Kentucky, 2017. 336 p.
11. Excerpts from interview with Francois Mitterrand. URL: https://www.nytimes.com/1981/06/04/world/excerpts-from-interview-with-francois-mitterrand.html (дата обращения: 12.06.19).
12. François Mitterrand et les États-Unis. URL: http://www.mitterrand.org/Francois-Mitterrand-et-les-Etats.html (дата обращения: 19.06.19).
13. François Mitterrand vu de Washington. URL: http://globe.blogs.nouvelobs.com/archive/2010/08/22/francois-mitterrand-vu-de-washington.html (дата обращения: 08.07.19).
14. *Grosser A.* French Foreign Policy under De Gaulle. Boston : Little, Brown & Co, 1967. 175 p.
15. Kathleen Osborne Oral History, Personal Assistant to Reagan. URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-oral-histories/kathleen-osborne-oral-history-personal-assistant-reagan (дата обращения: 08.07.19).
16. Mitterrand Fr. Reflexions sur la politique etrangere de la France. P. : Fayard, 1986. 441 p.
17. Mitterrand: U. S., France Are United on Essentials. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1986/06/29/mitterrand-us-france-are-united-on-essentials/07fabb47-9232-4652-9c78- ccc8612701b0/ (дата обращения: 14.06.19).
18. *Palazhchenko P., Schultz G. P., Skinner K. K.* Turning Points in Ending the Cold War. Stanford : Hoover Institution Press, 2007. 358 p.
19. Reagan and Mitterand observe 200th anniversary of Yorktown. URL: https://www.nytimes.com/1981/10/20/world/reagan-and-mitterrand-observe-200th-anniversary-of-yorktown.html (дата обращения: 08.07.19).
20. Reagan Meets With Mitterrand. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1986/05/07/reagan-meets-with-mitterrand/5e2ed5cc-d5ee-4c5c-a5e0-c3a162ef7716/?utm_term=.f4bce59c6317.
21. Reagan, Mitterrand Agree to Fresh Start. URL: https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1986-05-07-mn-3597-story.html (дата обращения: 08.07.19).
22. Ronald Reagan. The Reagan Diaries. N. Y. : HarperCollins, 2007. 767 p.
23. *Vaisse M.* La Puissance ou l'influence. P. : Fayard, 2009. 649 p.
24. *Vedrine H.* Les mondes de Francois Mitterand. 1981–1995. P. : Fayard, 1996. 784 p.
25. Wilson J. G. The triumph of improvisation. Gorbachev's adaptability, Reagan's engagement, and the end of the Cold War. Ithaca : Cornell University Press, 2015. 280 p.

The relationship Between R. Reagan and F. Mitterrand: contradictions and consensus (1981–1989)

N. S. Mishchenko
postgraduate student of the Faculty of History, Political Sciences and Cultural Studies,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: alenablumari@yandex.ru

Abstract. The article examines the relationship between U. S. President Reagan (1981–1989) and French President F. Mitterrand (1981–1995), examines the circumstances that, despite the numerous differences between these statesmen, allowed France and the United States to significantly bring their positions closer at the final stage of the cold war. France and the United States are the leading Western countries that are now united on many issues of world politics. The experience of their interaction in the 80s of the XX century, when the governments of these states repeatedly took different positions when discussing important problems of international life, is of great interest. The purpose of this study is to identify the nature of the relationship between Reagan and Mitterrand and to determine how their political contacts affected the international situation. The subject of the article is the personal relations of the leaders of the two powers, formed in the course of their political activity. As heads of the leading Western States, they actively cooperated, they shared common views

on many issues, they had similar points of view on the USSR. However, their relations were not free from contradictions, usually the result of the desire of the French administration to maintain its independence in international affairs. At the same time, personal relations between Reagan and Mitterrand remained warm throughout 1981–1989, and this contributed to their coordinated policy towards the USSR.

Keywords: USA, France, F. Mitterrand, R. Reagan, USSR.

References

1. *Vorob'eva T. A., Yungblud V. T. Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g.* [Afghanistan in the policy of the USSR and the USA in 1979] // *Voprosy istorii* – Issues of history. 2016. No. 10. Pp. 105–125.

2. *Voroncova S. B. SShA – Franciya: sopernichestvo i partnerstvo* [USA–France: rivalry and partnership]. M. International relations. 1983. 128 p.

3. *Kovalev A. A. "Franciya na pereput'yah mirovoj politiki"* ["France at the crossroads of world politics"]. M. International relations. 1983. 182 p.

4. *Obichkina E. O. Vneshnyaya politika Francii ot de Gollya do Sarkozi (1940–2012)* [Foreign policy of France from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012)]. M. Aspect press. 2012. 382 p.

5. *Slavenov V. P. Ocherki vneshnej politiki Francii (1981–1986 gg.)* [Essays on the foreign policy of France (1981–1986)]. M. International relations. 1986. 301 p.

6. *Thierry V. KGB vo Francii* [KGB in France]. Available at: https://www.electronic reading.club book.php?book=12081 (date accessed: 08.07.19).

7. *Yungblud V. T., Zboev A. V. Rol' nepravitel'stvennyh organizacij v vostochnoevropejskoj politike SShA v konce 1980-h – nachale 1990-h gg.* [The role of non-governmental organizations in the Eastern European policy of the United States in the late 1980s–1990s] // Herald of Vyatka State University. 2017. No. 10. Pp. 66–73.

8. *Bozo F.* La politique étrangère de la France depuis 1945. P. : La Decouverte, 1997. 122 p.

9. Cold War: Reagan call to Mitterrand (reporting Washington Summit) (record of conversation) [declassified 2000]. Available at: https://www.margaretthatcher.org/document/109438 (date accessed: 07.06.19).

10. *Coleman B. L., Longley K., Herring G. C., Johns A. L., Matlock J., Statler K. C.* Reagan and the World: Leadership and National Security, 1981–1989. Lexington : University Press of Kentucky. 2017. 336 p.

11. Excerpts from interview with Francois Mitterrand. Available at: https://www.nytimes.com/1981/06/04/world/excerpts-from-interview-with-francois-mitterrand.html (date accessed: 12.06.19).

12. François Mitterrand et les États-Unis.Available at: http://www.mitterrand.org/Francois-Mitterrand-et-les-Etats.html (date accessed: 19.06.19).

13. François Mitterrand vu de Washington. Available at: http://globe.blogs.nouvelobs.com/archive/2010/08/22/francois-mitterrand-vu-de-washington.html (date accessed: 08.07.19).

14. *Grosser A.* French Foreign Policy under De Gaulle. Boston : Little, Brown & Co. 1967. 175 p.

15. Kathleen Osborne Oral History, Personal Assistant to Reagan. Available at: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-oral-histories/kathleen-osborne-oral-history-personal-assistant-reagan (date accessed: 08.07.19).

16. Mitterrand Fr. Reflexions sur la politique etrangere de la France. P. : Fayard. 1986. 441 p.

17. Mitterrand: U. S., France Are United on Essentials. Available at: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1986/06/29/mitterrand-us-france-are-united-on-essentials/07fabb47-9232-4652-9c78-ccc8612701b0/ (date accessed: 14.06.19).

18. *Palazhchenko P., Schultz G. P., Skinner K. K.* Turning Points in Ending the Cold War. Stanford : Hoover Institution Press. 2007. 358 p.

19. Reagan and Mitterand observe 200th anniversary of Yorktown. Available at: https://www.nytimes. com/1981/10/20/world/reagan-and-mitterrand-observe-200th-anniversary-of-yorktown.html (date accessed: 08.07.19).

20. Reagan Meets With Mitterrand. Available at: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1986/05/07/reagan-meets-with-mitterrand/5e2ed5cc-d5ee-4c5c-a5e0-c3a162ef7716/?utm_term=.f4bce59c6317

21. Reagan, Mitterrand Agree to Fresh Start. Available at: https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1986-05-07-mn-3597-story.html (date accessed: 08.07.19).

22. Ronald Reagan. The Reagan Diaries. N. Y. : HarperCollins. 2007. 767 p.

23. *Vaisse M.* La Puissance ou l'influence. P. : Fayard. 2009. 649 p.

24. *Vedrine H.* Les mondes de Francois Mitterand. 1981–1995. P. : Fayard. 1996. 784 p.

25. *Wilson J. G.* The triumph of improvisation. Gorbachev's adaptability, Reagan's engagement, and the end of the Cold War. Ithaca : Cornell University Press. 2015. 280 p.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902(470.53)(091) DOI 10.25730/VSU.2070.19.008

Письма А. А. Спицына Ф. А. Теплоухову в государственном архиве Пермского края

А. М. Белавин[1], В. В. Вяткин[2]
[1]доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории и археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4620-2882. E-mail: belavin@pspu.ru
[2]кандидат исторических наук. Россия, г. Пермь. E-mail: vjatkin@list.ru

Аннотация. Публикуются письма известного российского археолога А. А. Спицына пермскому археологу и коллекционеру Ф. А. Теплоухову – главному управляющему имением графов Строгановых в селе Ильинском. Письма характеризуют процесс становления научной археологии в Пермской губернии, начальный процесс осмысления средневековых финно-угорских древностей. Главной темой переписки была подготовка к изданию археологического атласа «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых». Публикация переписки имеет важное моральное значение. Перед нами предстают не просто ученые и рафинированные интеллигенты, а талантливые деятели русской культуры. Чтение этих писем может иметь воспитательное значение для молодого поколения ученых. Письма рассказывают о развитии отечественной археологии на рубеже веков, знакомят с рекомендациями Спицына по раскопкам, дают знать об его внимании к трудам зарубежных специалистов, убеждают в благородстве души ученого, дают некоторое представление об его семейной жизни, научных предпочтениях и круге общения. Письма отличаются добротным языком, не лишенным яркой образности. Они лаконичны и выразительны. Мера чувств в них, думается, соблюдена, критический настрой к окружающим невелик, что мягкому складу Спицына вполне соответствует. Настоящая публикация включает 15 писем.

Ключевые слова: Спицын, Теплоухов, переписка, археология, Прикамье.

В фонде 613 (Оп. 2. Д. 500 и Оп. 3. Д. 81) Государственного архива Пермского края (ГАПК) сосредоточены 19 писем выдающегося археолога А. А. Спицына (1858–1931)[1], отправленных с 1888 по 1904 г. известному пермскому естествоиспытателю, лесоводу и археологу Ф. А. Теплоухову (1845–1905)[2].

Первые письма были посланы из Вятки, где Спицын преподавал в Мариинской женской гимназии. А с 1892 г. – уже из Петербурга, переехав куда, он входил в штат Императорской археологической комиссии (ИАК).

Участников переписки связывала продолжительная дружба, и последнее письмо Спицына было отправлено незадолго до смерти Теплоухова. Служебный рост Спицына, укрепление его авторитета в научном сообществе не влияли на характер переписки: Спицын оставал-

© Белавин А. М., Вяткин В. В., 2019

[1] А. А. Спицын, известный российский археолог-систематизатор, уроженец г. Яранска Вятской губернии, старший член Императорской археологической комиссии, действительный статский советник (1916 г.), член-корреспондент АН СССР (1929 г.). См. о нем: [1; 6; 7; 24].

[2] Ф. А. Теплоухов, в 1875–1905 гг. главный лесничий Пермского нераздельного имения Строгановых. Ф. А. Теплоухов продолжил работу, начатую его отцом А. Е. Теплоуховым. Он собирал археологическую коллекцию, принимал участие в археологических раскопках, вел археологический дневник (хранится в архиве ИИМК РАН), был членом-корреспондентом Московского археологического общества, действительным членом Московского общества испытателей природы. Им опубликованы многочисленные работы по археологии Верхнего Прикамья эпохи каменного и бронзового веков, по истории древнего земледелия, торговли и торговых путей, о религиозных представлениях пермской чуди, народных праздниках и суевериях. См. о нем: [11; 24].

ся скромным, деликатным, отзывчивым, непритязательным, способным жертвовать личными выгодами ради Теплоухова. Дружбу скреплял общий интерес к древней истории Пермского края, развитию археологии в стране.

Стоит заметить, что в исследовании прошлого Теплоухов не был дилетантом. В 1894 г. он осуществил в Перми выставку своей уникальной археологической коллекции, показав свыше 7000 экспонатов, что стало весьма ярким событием. Перу Теплоухова принадлежит несколько ценных статей по археологии. Спицын одобрял их – как за богатство использованного материала, так и за стройность выводов. Теплоухов был в курсе многих дел, которыми занимался Спицын. Между друзьями царило большое взаимопонимание. Если, к примеру, Спицын упоминал в письме некоего барона, то Теплоухов понимал, что речь о члене ИАК В. Г. Тизенгаузене.

Наряду с письмами друзья обменивались посылками, главными вложениями в которых были археологические находки, книги, фотографии.

Спицын не раз приезжал к Теплоухову в село Ильинское Пермской губернии – по крайней мере трижды (в 1894, 1898, 1901 гг.), вынося неизменно обширный материал для своих научных трудов, богатую пищу для осмысления «чудских древностей». И в ходе переписки, и при очном общении он давал другу советы и консультации по проведению археологических раскопок. Сам же имел к Пермскому краю большой научный интерес. В письмах его звучит рефреном: «Меня тянет в Пермь»[3].

Главной темой переписки стало издание археологического атласа «Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых»[4]. Была проведена большая подготовительная работа, и Спицыну приходилось многое согласовывать с другом. Атлас вышел в 1902 г. с предисловием Спицына, взявшим на себя систематизацию материала с установлением хронологических рамок. Участие Спицына было обстоятельным: предисловие, где изложена история коллекции, составило два печатных листа. Атлас содержал 40 таблиц, включающих почти 1000 изображений. Владельцу коллекции неизменно высказывалось огромное уважение издателей. Они не навязывали ему свою волю. Сам Спицын называл Теплоухова «главным руководителем издания».

Отношения друзей были столь близки, что Спицын помогал Теплоухову в бытовых вопросах, подыскивал интересующие его книги, хотя не имел ни одной лишней минуты. Иные строки этому и посвящены.

Письма рассказывают о развитии отечественной археологии на рубеже веков, знакомят с рекомендациями Спицына по раскопкам, дают знать об его внимании к трудам зарубежных специалистов, убеждают в благородстве души ученого, дают некоторое представление об его семейной жизни, научных предпочтениях и круге общения. Что до политической и религиозной тематики, то она в письмах полностью отсутствует. Целиком погруженный в научную работу, Спицын был далек от политической борьбы и какой-либо религиозности. Сильная увлеченность научными целями, аналитический склад ума вкупе с высокими нравственными устоями – вот характеристика его внутреннего мира, если судить о нем по корреспонденциям к Теплоухову.

Письмо от 26 января 1898 г., носящее официальный характер и предназначенное для хранения в архиве ИАК (в виде копии), подготовлено писарской рукой.

Нет уверенности утверждать, что 19 корреспонденций, хранящихся в Пермском архиве, исчерпывают все письма, отправленные Теплоухову Спицыным.

Письма его отличаются добротным языком, не лишенным яркой образности. Они лаконичны и выразительны. Мера чувств в них, думается, соблюдена, критический настрой к окружающим невелик, что мягкому складу Спицына вполне соответствует. Одно из писем снабжено рисунком. Перед нами предстает не просто ученый и рафинированный интеллигент, а талантливый деятель Серебряного века русской культуры. Чтение его писем может иметь воспитательное значение для молодого поколения ученых.

В архивном фонде 613 также есть проект письма Теплоухова Спицыну и письмо Спицыну от члена ИАК В. В. Шкорпила.

Что до писем Теплоухова Спицыну, то они вряд ли дошли до наших дней, поскольку, со слов петербургского археолога И. Л. Тихонова, в дом, где Спицын жил в Ленинграде (по ул. Провиантской, 8), в годы Великой Отечественной войны попала зажигательная бомба, так что архив ученого, хранившийся в этом доме, сгорел.

---

[3] О значении Спицына для Пермской археологии см.: [1].
[4] См.: [17].

Переписка Спицына и Теплоухова уже была предметом исследования [1; 5, с. 37–44], однако в данной публикации приводятся и комментируются в основном полные тексты, а не отдельные цитаты, как в предыдущих статьях. При подготовке публикации письма адаптировались к современной орфографии и подверглись весьма небольшой правке без посягательства на заложенный в них смысл. Сокращенные записи Спицына раскрыты. Изъятия в тексте, сделанные публикатором, отмечены знаками: <…>. Изъятию подверглись места, малозначимые для археолога и историка, не проливающие дополнительный свет на личность ученого, а также три коротких фрагмента, которые трудно прокомментировать.

Настоящая публикация включает 15 писем.

№ 1

Милостивый государь,
Федор Александрович!

Искренне благодарю Вас за оказанное мне Вами внимание во время пребывания моего в Ильинском[5]. Прошу принять уверение в особенном моем уважении к Вам и Вашим ученым занятиям. Прошу передать мой поклон и выражение признательности за прекрасный прием и всем членам Вашей уважаемой семьи[6].

Я только что возвратился из поездки и занят разбором набранной коллекции. Для Вас я отбираю небольшое, но значимое собрание, которое и надеюсь через некоторое время послать Вам. А пока прошу принять некоторые из моих брошюр[7].

Уважающий Вас
А. Спицын.
Вятка, 1888. IX. 18.
Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 1–1 об.

№ 2

Многоуважаемый Федор Александрович!

Предметы для Вас отобраны, но нет времени послать. Я даже в Москву ничего еще не отправлял[8]. Подождите, пожалуйста, еще немного. Посылал ли я Вам «Программу для собирания сведений о доисторических древностях Вятской губернии»[9]?

Отложенные для Вас вещи не представляют особенно ценного подарка, и я прошу Вас не обязывать себя присылкой мне вещей из Вашей коллекции. Если же все-таки пожелаете что-нибудь послать, то скажу, что сам я не собираю коллекций и Ваши вещи или перешлю в Москву (что всего естественнее, так как все мною собранное принадлежит Московскому Археологическому обществу, – следовательно, и те предметы, которые мною готовятся для Вас), или передам в Вятский музей. История пермских инородцев, так Вас занимающая, очень интересует и меня. Скажу и более – первая моя работа по истории Пермского края будет непременно об инородцах. Я давно точу зубы на эту тему, а после посещения Ильинского считаю ее необходимейшей.

Работа моя о вятских древностях подвигается довольно туго, частью оттого, что я занят историческими работами, и частью потому, что Московское Археологическое общество меня подгоняет.

Первухин[10] пишет мне, что его изыскания летом 1888 г. были довольно удачны. Я советовал ему побывать у Вас, но он ответил, что будет дорого стоить из Глазова пробраться до Ильинского.

---

[5] Село, «столица» пермских владений Строгановых, ныне районный центр Пермского края.

[6] Отец Ф. А. Теплоухова А. Е. Теплоухов имел славу патриарха лесоводства в России, положил начало семейной археологической коллекции. См. о нем: [11; 21].

[7] Брошюры и книги с автографами Спицына хранятся в библиотеке Пермского краевого краеведческого музея.

[8] Для Московского археологического общества (существовало в 1864–1923 гг.), с которым Спицын сотрудничал, имея перед ним обязательства. Так по заданию общества он провел ряд экспедиций по исследованию древних памятников Вятской губернии, результатом которых стала большая публикация [15].

[9] Написана Спицыным в 1886 г.

[10] Н. Г. Первухин (1850–1889), этнограф, археолог, педагог, смотритель народных училищ Глазовского уезда Вятской губ., в пределах которого были найдены сасанидские серебряные блюда, автор очерка о своих научных изысканиях [13].

Учитель Шатров[11] из Зюздина[12] сообщил, что собрал там[13] до 200 экземпляров чудских вещей; однако я еще их не получил.

Жму Вашу руку и кланяюсь всем Вашим.

Искренне уважающий Вас

А. Спицын.

Вятка, 1888. XI. 8.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 2–3.

№ 3

Многоуважаемый Федор Александрович!

Извиняюсь за слишком долгое промедление в присылке Вам обещанных предметов. <…> Не принимайте данный случай доказательством того, что щедрый на словах способен обмануть на деле. Не лишите и полного доверия, каким я пользуюсь от близких своих знакомых. Промедление произошло частью от спешных работ, частью от болезни, которую я нажил себе от неумеренно-усиленных предыдущих занятий.

Ваша аккуратность возмутится при виде ящика, в котором я посылаю Вам свои предметы, но, право, нет энергии поискать лучшего, тем более что я, наконец, стал спешить послать Вам их как можно скорее.

Я уже писал, что не могу прислать для Вас ценных находок и предоставляю Вашему усмотрению послать мне что-нибудь в обмен или не посылать вовсе, что посылка моя есть знак моего уважения к Вам и ни к чему не обязывает.

Пред этим я уже послал Вам две фотографии и брошюру.

Археологическая работа моя[14], надо сознаться, идет довольно туго. Предстоят занятия стилистикой, т. е. самым скучным и неблагодарным делом, и я успел просмотреть только часть всей работы.

Сегодня, наконец, получил от зюздинского учителя Шатрова письмо с описанием его находок. Они были бы любопытны, если бы не существовало Вашей коллекции. Некоторые вещи <…> – в сочетаниях с другими, т. е. нанизаны на ремешок или прикреплены к поясу. Замечательна находка, во всяком случае, обломка камня-писанца с изображениями, похожими на минусинские и, возможно, даже – на пермские. Несколько сасанидских монет VI–VII вв. найдено прямо на городище, на изрядной глубине.

Будьте здоровы. Прошу передать мой поклон всем Вашим семейным.

Остаюсь с уважением

А. Спицын.

Вятка, 1889. II. 5.

<…>

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 4–5.

№ 4

Прошу, многоуважаемый Федор Александрович, простить меня за непомерно долгое молчание. Причина сему – частью занятия, частью лень, а частью желание послать Вам что-нибудь новенькое из своих работ. Работы мои все еще не кончены, но опять предстоит поездка в Казань – вот почему теперь спешу отозваться на Ваше последнее, меня заинтересовавшее письмо. Весьма благодарю Вас за посылку фотографий. Они прелестны. Мне кажется, нельзя сомневаться, что блюдо с птицей – сасанидской работы, хотя оно и грубее известных мне изделий того же народа и времени.

Когда я возьмусь за тему о пермских инородцах, пока совершенно мне неведомо. Теперь у меня две работы, не кончив которых как-то совестно приниматься за другие: археология Вятского края и история гимназии[15]. Обе они обширны, а кое-как делать не хочется – и потому придется с ними возиться еще довольно.

---

[11] А. Н. Шатров, преподаватель Зюздино-Рождественской (Савинской) школы, археолог-любитель. О нем [4].

[12] Зюздино – село на Северо-Востоке Вятской губ., ныне с. Афанасьево, административный центр одноименного района Кировской области.

[13] А. Н. Шатрову при покровительстве и поддержке А. А. Спицына за 1888–1889 г. удалось собрать сведения об 11 городищах, 8 могильниках и 3 местонахождениях, провести небольшие раскопки и собрать коллекцию из 200 вещей, многие из которых вызвали большой интерес А. А. Спицына.

[14] Здесь речь о подготовке к изданию очередного исследования.

[15] Мариинская женская гимназия в Вятке, где Спицын преподавал.

Раскопками в Вятской губернии я едва ли буду далее заниматься, хотя Уварова[16] и предлагала ныне снова совершить поездку по губернии: меня тянет в Пермь. Намерение заставило меня поспешить с окончанием работы о вятских древностях, чтобы тем скорее взяться за пермские, а одним из первых шагов для изучения последних есть, конечно, изучение истории местных народностей. Отсюда вывод, что Ваши инородцы все-таки у меня на очереди.

Я, впрочем, не надеюсь, чтобы мои исследования имели решающее значение, так как письменных источников мало, а другого главного условия при изучении инородцев – знания финских наречий – у меня нет (Nota: профессор Смирнов[17], недавно бывший в Вятке, сообщил мне, что на основании филологических исследований венгерца Мункачи[18], остатками пермской и вятской чуди (=югра) приходится теперь признавать вогулов).

Вы окажете большую услугу археологии, доставив свою коллекцию на выставку: нет сомнения, что она будет там самым выдающимся явлением. Погодите-ка, как налетят на Пермь археологи-ученые и археологи-дилетанты!

Московское Археологическое общество, занятое болгарскими[19] древностями и костеносными городищами, можно сказать, проглядело чудские древности; это обстоятельство ляжет на него постоянным упреком, от которого будет трудно ему освободиться.

Я тоже готовлю карту для Московского Археологического общества. Собственно говоря, уже доставил карту в Москву, теперь же придется ее несколько дополнить. Знаю по опыту, составление археологической карты очень нелегкое дело; я на него потратил немало времени и расположения духа (с приступа к этой работе и до конца ее я все сердился, негодовал, раздражался; теперь приятно сознавать, что я все-таки победил все трудности).

Вы сообщаете о проделке многоуважаемого В. Н. Шишонко[20] с каталогом Смышляева[21]. Право, <неразб.> проделки господина «члена разных ученых обществ» так наивны, что, в конце концов, устаешь на них негодовать. Читая что-нибудь подписанное именем В. Шишонко, всегда себя спрашиваешь: откуда сие извлечено?

Внимание Аспелина[22] и его учеников обращено теперь всецело на минусинские древности; сюда они путешествуют уже несколько лет кряду (откуда только деньги берут? Профессор Смирнов думает, что средства для археологических исследований дает финский Сенат), здесь они открыли культуру своих предков, по их словам, более богатую, чем современная русская. Потому можно думать, что Пермь они пока оставят в покое.

Вы намереваетесь применить к исследованию городищ метод Dawkins[23]'а. Я думаю, что он неприменим здесь. Я не встречал еще ни одного городища, на котором культурный слой находился бы in situ (как в пещерах). Самый малейший уклон местности делает то, что слой или частью, или совсем соскальзывает – то вперед, то в какую-нибудь другую сторону. Слои разного времени так перемешаны, что мне никогда не приходилось применять прием последовательного перекапывания, и я думаю, что он невозможен.

Во всяком случае, мне очень нравится Ваше намерение заняться систематической раскопкой городищ, потому что коллекция, собранная из находок, более или менее случайных, много теряет в научном отношении.

---

[16] Графиня П. С. Уварова (1840–1924), председатель Московского археологического общества.

[17] И. Н. Смирнов (1856–1904), профессор Императорского Казанского университета, историк. См. о нем: [8].

[18] Бернат Мункачи (1860–1937), венгерский языковед, этнограф; его филологические исследования пролили новый свет на происхождение пермских «инородцев» – особый научный интерес Спицына.

[19] В 1888 г. начался спор между Обществом археологии, истории и этнографии Казанского университета и Императорской археологической комиссией за право продолжать исследования города Болгар, к которому на стороне казанских исследователей присоединилось и Московское археологическое общество. Спор разрешился лишь в 1892 г. в пользу ИАК.

[20] Василий Никифорович Шишонко (1831–1889), историк, автор семитомной «Летописи Пермского края».

[21] Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893), выдающийся общественный деятель Перми, краевед, автор «Источников и пособий для изучения Пермского края». Труд этот (или подобный ему) и назван Спицыным каталогом.

[22] Йоганн Рейнгольд Аспелин (1842–1915), финский археолог – председатель Финской археологической комиссии, профессор, экспедиции Аспелина в Минусинский округ в 1887–1889-х гг. хотя и не подтвердили гипотезы ученого о енисейской прародине финнов, но дали ценный материал для решения целого ряда проблем лингвистики, этнографии и археологии [2].

[23] Уильям Бойд Докинс (1838–1929), английский археолог, вел раскопки в известняковом каньоне близ Дербишира, нашел следы каменного и бронзового века в т.ч. с образцами древнего искусства, раскопки проводились послойно, горизонтальными зачистками, такую методику российские археологи тогда не применяли.

Зимой я с большим вниманием прочел статью Вашего отца о костищах[24] и пришел к предположению, что описанное им Гаревское костище едва ли не составляет тоже оползень городища. Чудские городища не всегда имеют вал и ров, а предположение Вашего батюшки, что гаревская куча была прежде более высока, не основывается на положительных данных. Конечно, можно предположить (это мое мнение), что древние городища были преимущественно местами капищ, и тогда можно совместить тот и другой взгляд на назначение гаревского мыса.

Весной я аккуратно передал Ваши наставления для составления коллекции вятских ив[25] товарищу. Но увы – он так нравственно измучен, что не нашел в себе силы выполнить данное мне обещание заняться Вашим поручением. Как мне ни досадно обмануть Вас, но ввиду такого обстоятельства ничего не остается, как повторить то же: увы!

Нынче летом я не поеду никуда на раскопки – пора и отдохнуть. Хочется побродить где-нибудь у речки с удочкой в руках.

Желаю Вам здоровья и успехов в работах. Прошу передать мой поклон дамам Вашей уважаемой семьи, Вашему брату[26].

А. Спицын.

Вятка, 1889. VI. 8.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 6–8 об.

№ 5

Многоуважаемый Федор Александрович!

Много завидую, что Вам удалось побывать на съезде[27], а я все это время просидел и проскучал. Не рефератов жаль (отчеты о них уже появились в печати). Жаль выставки (археологической. – *В. В.*). Графиня Уварова, очевидно, затратила такую массу энергии на эту выставку, что вряд ли она повторится когда-либо в таких же размерах. Не мудрено, что такая масса совершенно свежих невиданных предметов ударила в нос господам почтенным иностранным гостям. Я думаю, какие удочки закидывают насчет Вашей замечательной коллекции такие господа, как Аспелин и прочие. Хоть бы одним глазком, разик-другой окинуть мне доставленное Вами на выставку научное богатство! Если бы коллекцию издать, она прямо уподобилась бы по своему значению открытию какого-нибудь ассирийского города, хорошо сохранившегося.

Меня тянет в Пермь, и я рано или поздно явлюсь же в Ваши места как исследователь. Теперь мне предлагает места для раскопок и Московское Археологическое общество и Археологическая Комиссия[28]. Я, быть может, и скоро даже явился бы, но необходима продолжительная подготовка в смысле подробного ознакомления с местной литературой и с географическим положением мест находок.

Какие впечатления произвел на Вас съезд? Видно, много подметили и мелочного? Мне кажется, что значение съездов в памяти участников выясняется только через год-другой, и тогда о них бывает страх приятно вспомнить: крупное остается, мелкое забывается. Все же побывать на съезде – это, можно сказать, событие в жизни. Нынешний съезд был очень хорош, несравненно богаче результатами ярославского[29].

Будьте здоровы. Усердно кланяюсь Вашей супруге, тетушке и приветствую Ваших детей.

А. Спицын.

Вятка, 1890. II. 10.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 9–10.

---

[24] См.: [2].

[25] Много занимаясь ботаникой, Ф. А. Теплоухов специализировался на ивах.

[26] Брат Теплоухова, Александр Александрович, был ильинским лесничим, участвовал в археологических раскопках.

[27] Археологический съезд в Москве 1890 г., на котором Ф. А. Теплоухов ознакомил делегатов со значительной частью своей археологической коллекции.

[28] Императорская археологическая комиссия.

[29] Археологический съезд в Ярославле проходил в 1887 г.

№ 6

Многоуважаемый Федор Александрович!

Позвольте, прежде всего, сообщить Вам, что я (самым неожиданным образом) попал в члены Императорской Археологической Комиссии, что я теперь уже почти месяц, как в Петербурге, и что, следовательно, я с удовольствием выполню Ваши всевозможные поручения. О последнем прошу Вас всегда помнить.

Мне очень хотелось бы тем или другим способом оказать содействие изданию Вашей замечательной коллекции, которая должна бы стать углом (краеугольным камнем. – *В. В.*) при изучении северо-восточных древностей. Если вы считаете возможным в настоящее время обнародовать Вашу коллекцию и если никто не делал Вам относительно нее серьезных предложений, то позвольте передать Вам, что Археологическая Комиссия[30] с удовольствием приняла бы на себя ее издание. Коллекция могла бы быть издана в виде атласа с очень коротким текстом. Комиссия не затруднилась бы выслать Вам рисовальщика и фотографа, чтобы рисунки были заготовлены под непосредственным Вашим наблюдением, и самое печатание могло бы пройти также под Вашим надзором, насколько это возможно по техническим условиям печатания.

Не будете ли вы нынче на Московском конгрессе[31]?

Прошу передать мой поклон Вашей супруге, тетушке и детям, если они меня немножко помнят.

Остаюсь искренне уважающим Вас.

А. Спицын.

СПб., 1892. IV. 14.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 3. Д. 81. Л. 1–1 об.

№ 7

Многоуважаемый Федор Александрович!

Прежде всего, позвольте еще раз принесть Вам и супруге Вашей искреннюю свою благодарность за гостеприимство Ваше, сделавшее мое недолгое пребывание в Ильинском не только полезным, но и приятным. Тем же отплатить мне не придется, наверное, а чем другим служить могу – буду.

По дороге в Петербург меня перехватил в Казани П. А. Пономарев[32] и заставил прожить у себя на даче две недели, почему я возвратился (в Петербург. – *В. В.*) лишь к 1 августа (отсюда и истекает мое молчание).

Казанские коллекции показали мне, что в Болгарах и Билярске[33] вещи чудского типа лишь спорадичны и никаких новых предметов не дают (коллекции не содержат. – *В. В.*) В Москве пермских вещей совсем мало.

Справившись со своими разными делами, я приступил и к Вашей коллекции. Успел пройти бронзовые вещи, костища, серебряные находки, образки чудские и культуру Ломоватовки[34], т. е. то, что менее определенно и раскинуто на значительном пространстве времени. При этом меня заинтересовывают две задачи: возможность соединить бронзовые вещи с ко-

---

[30] Императорская археологическая комиссия.

[31] Международный конгресс доисторической археологии и антропологии, проходил в Москве в июле 1892 г., ни до, ни после него такие мероприятия в России не проводились. В Историческом музее были открыты географическая и археологическая выставки, приуроченные к его работе. Выступление А. А. Спицына было посвящено результатам его многолетних исследований костеносных городищ в Вятской губернии.

[32] П. А. Пономарев (1847–1919), казанский археолог и историк. См. о нем: [24].

[33] Тогда села в Казанской губернии. В наше время Болгар – город административный центр Спасского района республики Татарстан, на его территории находится Болгарский историко-археологический комплекс (остатки первой столицы Золотой Орды), который включен в число объектов Всемирного наследия Юнеско (2014 г.). Билярск – село в Алексеевском районе республики Татарстан, находится на территории средневекового города Биляра – домонгольской столицы Волжской Болгарии, крупнейшего города Средневековой Восточной Европы.

[34] Ломоватовская археологическая культура эпохи средневековья Верхнего Прикамья, выделена А. А. Спицыным как древности ломоватовского типа VIII–IX вв. Название получила от реки Ломоватовки в современном Ильинском районе Пермского края, на берегах которой в конце XIX века нашли множество древних вещей, попавших в коллекцию Теплоуховых, характеризует жизнь прикамских угро-финнов в древности.

стищами и арабские серебряные вещи с Ломоватовкой. Ломоватовка – тоже вещь мудреная, так как в этой культуре встречаются вещи и более поздние. Как бы то ни было, материалом в объеме этих культур я овладел и теперь стараюсь осмыслить его.

Одновременно я занимаюсь изучением коллекции приладожских древностей ввиду того, что скоро придется печатать работу о ней Н. Е. Бранденбурга[35].

Монеты Ваши (здесь – археологические раритеты. – *В. В.*) высылаются вместе с книгой Савельева[36] (которую можно держать до января). Монеты не были высланы бароном Тизенгаузеном[37] Вам потому, что он сомневался в точности Вашего адреса, опасаясь поэтому за их исправную пересылку.

<…> Правильные заседания (регулярные заседания ИАК. – *В. В.*) у нас начнутся в сентябре, приблизительно – в середине, и до той поры время чернил, и между тем поработаю. С началом наших заседаний Вам будут высланы и издания наши, так как барон находит неудобным для себя распорядиться высылкой Вам их теперь же.

Чувствую обычное свое рабочее осеннее вдохновение и сижу за делом, пока глаза дозволяют. Авось что-нибудь и выйдет.

Будьте здоровы.

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1894. VIII. 13.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 3. Д. 81. Л. 2–3 об.

№ 8

Многоуважаемый Федор Александрович![38]

По представлению моему Императорская Археологическая Комиссия нашла желательным поместить в атлас Вашей коллекции, кроме напечатанных уже, еще некоторое количество рисунков. Грубые чертежи таких рисунков, сделанные по моей записной книжке, при сем прилагаются. Если Вы, со своей стороны, одобрите помещение их в подготовляемом издании, то я просил бы доставить в Комиссию, для печатания в таблицах, соответственные вещи Вашей коллекции.

Археологическая Комиссия выразила желание, чтобы изготовление таблиц к изданию было бы по возможности закончено к маю 1898 г. Ввиду этого, если составление новых таблиц представляет для Вас какие-либо затруднения, позвольте предложить Вам в таком случае мое содействие. Вы могли бы выслать самые вещи (в приблизительном количестве для трех-пяти таблиц), а составление самих таблиц я взял бы на себя. Впрочем, это все зависит от Вашего усмотрения. Предлагаемый мною выбор предметов для дополнительных таблиц отнюдь не обязателен: он так же вполне зависит от Вас, как главного руководителя этого издания.

Примите уверение в моей преданности и уважении к Вам.

А. Спицын.

СПб., 21 января 1898 г.

P. S.[39]

Вот, многоуважаемый Федор Александрович, официальное письмо, копия с которого останется в нашем архиве. Мне жаль, что Вам доведется, если Вы, конечно, найдете это желательным, пересматривать и сличать с изданным материалом всю Вашу коллекцию. Но в интересах дела, на мой взгляд, лучше теперь это сделать, чем жалеть после, что не издан тот или иной предмет.

Археологическая Комиссия преисполнена к этому изданию наилучших намерений. Между тем до меня стороной доходит, что Вы предвидите какие-то утеснения для участия Вашего в нем. Будьте уверены, что Ваши опасения неосновательны.

Если Вы примите решимость обойтись только своими силами, то этим Вы только бы развязали мне руки для других работ. Главное лицо этого издания – Вы. Я – лишь помощник

[35] Н. Е. Бранденбург (1839–1903), член ИАК, вел раскопки в Приладожье. Упомянутая в письме работа вышла в 1895 г. [3].
[36] П. С. Савельев (1814–1859), археолог-востоковед, нумизмат.
[37] Барон В. Г. Тизенгаузен (1825–1902), историк-востоковед, нумизмат, старший член ИАК. См. о нем: [25].
[38] Официальное послание, выполненное писарской рукой.
[39] Заголовком «P. S.» Спицын не пользовался.

Ваш для труднейшей части издания – хронологии. Издать Вашу коллекцию без схемы хронологической – то же, что издать один атлас, признавшись в беспомощности современной археологии. Впрочем, обо всем этом надеюсь переговорить с Вами лично: Вы ведь собираетесь к нам. Тогда мы обсудим все подробнее.

Итак, до свидания!

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1898. I. 30.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 14–15 об.

№ 9

Многоуважаемый Федор Александрович!

Приветствую Вас в Вашем далеке и желаю здоровья.

В июле я надеюсь быть в Перми[40] и хотел бы знать, одобрите ли Вы мой план приехать в это время на недельку к Вам, чтобы вместе с Вами пройти еще раз всю Вашу коллекцию и сделать последнюю попытку разгруппировать материал хронологически. После этого, если у Вас будет время, то можно бы немедленно приступить к составлению описательного текста и к немедленному же печатанию его, чего Комиссия[41] очень желает.

Ответ собственно заключается в Вашем последнем письме, но дело немножко осложняется тем, что я буду не один, а с женой[42] (да, это точное выражение!). Остановиться с достаточными дорожными удобствами можно в той же знакомой мне въезжей избе, но по части обеда я буду находиться в полной зависимости от Вас.

Я проектирую просить, чтобы все изготовленные в течение этого времени, до июля, таблицы[43] были утверждены, а самые вещи чтоб высланы были в Ильинское.

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1898. V. 10.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 12–12 об.

№ 10

Многоуважаемый Федор Александрович!

Высланные Вами вещи получены и вскоре будут сданы в работу. Я желал бы приложить все усилия к тому, чтобы атлас Вашей коллекции появился бы в этом же году. За мной задержки не будет. История коллекции уже написана, а это для меня самое трудное. Указатель к таблицам также почти составлен. Главное затруднение выйдет с рисунками, которые мастер готовит очень медленно, а затем несколько задержит Ваша корректура моего текста, которая совершенно необходима. Бог даст, как-нибудь справимся. А Вас я усердно просил бы оказать мне возможное содействие к ускорению издания. Между прочим, весьма просил бы Вас теперь поспешить с доставкой Деминской коллекции[44], нужной для хронологии, а также и остальных двух намеченных таблиц.

При составлении указателя к таблицам мне нужны сведения о месте нахождения следующих вещей: <…>[45]. Это преимущественно вещи, помеченные Ломоватовкою. Я думаю, что лучше бы пометить одни Грудятскими, другие – Зобачевскими[46]. Небрегите дать мне эти сведения.

Очень Вас благодарю за присылку письма графа Строганова[47]. Оно очень мне нужное, кстати.

---

[40] Поездка состоялась, обернувшись плодотворными изысканиями. Результаты изложены в вышедшей брошюре [19]. О тех изысканиях писали и другие; см.: [23].

[41] Здесь и далее Комиссия – это Императорская археологическая комиссия.

[42] Знакомые считали Спицына неисправимым холостяком. Супругой его стала Елена Александровна Пьянкова, его ученица по Вятской гимназии.

[43] Для «Древностей камской чуди по коллекции Теплоухова» [17].

[44] Составлялась из находок на Деминском (Деменковском – современное название) могильнике [14, с. 96]. В 1901 г. А. А. Спицыным на этом могильнике было изучено 47 погребений VII–IX вв.

[45] Указываются номера.

[46] Здесь о находках в районе деревень Грудята и Зобачево на р. Ломоватовке (совр. Ильинский район). Сейчас известны Грудятский могильник и Зобачевские селища [14, с. 21]. Памятники были осмотрены А. А. Спицыным во время поездки 1901 г. Спицын предполагал выделение особых типов с этими названиями.

Теперь мы все оправились, вошли в колею и благополучны. Здесь (в Петербурге. – *В. В.*) все еще тепло и почти нет дождя.

Кене[48] (книгу его. – *В. В.*) я Вам вышлю <…>

Желаю Вам доброго здоровья и успеха.

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1901. X. 17.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 19–20.

№ 11

Многоуважаемый Федор Александрович!

Пожалуйста, не откажите выслать две таблицы Бродов[49] и корректуру Н. Н. Новокрещенных[50]. Все это принадлежит ему, и давно он это ждет, а я или канцелярия[51] выслали по другому адресу.

Одна из майкорских[52] монет – Кавада I (488–531), чеканена на 21-м году царствования, другая – Хосрова I (531–579), чеканена на 4-м году царствования (определил А. К. Марков[53]).

Вакинская[54] рукоятка интересна. Нельзя ли ее включить в одну из таблиц?

Можете себе представить: ведь я снова просматривал Вашу коллекцию по регионам. Это все в интересах наилучшей хронологии. Мне хочется, чтобы каждая вещь имела более или менее обоснованную дату, и доволен, что опять принялся за пересмотр. Опять спешу с этой работой, но не удается взяться за нее вполне. Усидчив – все какие-то дела.

Свой экземпляр таблиц я разрезал и весьма доволен результатами: коллекция в этом виде весьма выигрывает в наглядности и доказательности. История коллекции давно написана и вылеживается для исправления; размер ее – до двух печатных листов.

Послезавтра будет направлен в Ильинское заказ по части шерстяных изделий[55]. Уплачено 12 руб. 40 к., значительно дешевле, чем можно было купить месяц тому назад. <…> Если размеры не подойдут, будьте добры выслать посылаемое обратно, чтобы можно было сделать специальный заказ на фабрике. <…> Кене сегодня постараюсь не забыть приобрести.

Низко всем вам кланяемся и желаем здоровья.

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1901. X. 28.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 21–22.

---

[47] Речь о копии письма С. Г. Строганова 1845 г., направленного управляющему имением Строганова Ф. А. Волегову, в котором даются указания о сборе и отправке графу серебряных и медных древних вещей. Текст письма частично воспроизведен в предисловии к книге «Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых».

[48] Б. В. Кене (1817–1886), речь идет о какой-то работе Бернгарда (Бориса) Васильевича Кене – археолога, нумизмата и геральдиста, одного из создателей «Императорского (Русского) археологического общества», автора крупнейшей геральдической реформы в России.

[49] Бродовский могильник один из крупнейших в неволинской археологической культуры IV–IX вв. в Кунгурском районе Пермского края. В 1898–1901 А. А. Спицын и Н. Н. Новокрещенных исследовали здесь 141 бескурганное захоронение и 2 кургана. Раскопки могильника позже проводили В. Ф. Генинг, В. А. Оборин, Р. Д. Голдина, Т. К. Ютина.

[50] Николай Никифорович Новокрещенных (1842–1902), горный инженер, изобретатель. Занимался археологическими раскопками Гляденовского костища близ Перми, где нашел свыше 24 000 предметов. Был председателем Пермской ученой архивной комиссии и Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания, один из создателей Пермского краеведческого музея. См. о нем: [9]. Материалы раскопок Гляденовского костища опубликованы им, и речь идет о корректуре готовящейся публикации [10], публиковались материалы костища и Спицыным [16].

[51] Канцелярия ИАК.

[52] Майкорское городище ломоватовской и родановской культур VI–XIII вв., расположено в с. Майкор Юсьвенского района Пермского края, в 1938 изучалось М. В. Талицким. Находки с городища представлены в Эрмитаже (золотые височные кольца с уточкой), Пермском и ряде других музеев.

[53] Алексей Константинович Марков (1858–?), нумизмат, в 1886 г. занял кафедру нумизматики в Санкт-Петербургском археологическом институте, член-корреспондент ИАК.

[54] Костяная резная рукоятка (?), найденная в районе дер. Вакино в Пермском крае, вероятно, на Вакинском селище, известном своими многочисленными и разнообразными находками VII–XIII вв. в подъемных материалах [14, с. 284].

[55] О предметах одежды, заказанных Теплоуховым.

№ 12

Многоуважаемый Федор Александрович!

Пишу Вам тотчас по получении Вашего письма, чтоб усердно просить Вас не откладывать присылку вещей для обеих остальных таблиц, выслать их, не ожидая пополнений. Мой текст[56] готов и задерживается теперь только этими двумя таблицами. Пожалуйста, пришлите как можно скорее. Я не могу успокоиться, пока это дело не завершится.

Я уже писал Вам, что вновь пересмотрел всю коллекцию по рисункам и вновь изучил ее. Вы увидите в издании кое-какие перемены, иногда любопытные, которые мне пришлось внести в хронологию собрания. Вы увидите, что ваша коллекция – двери, ведущие к пониманию древностей огромного района. Теперь уже можно заняться и вопросом о народности, которой вещи эти принадлежали.

Пожалуйста, подвигнитесь на выставку вещей! Это будет отличный подарок русской археологии к Новому году, да и нам с Вами тоже.

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1901. XI. 15.

P. S.

Предисловие уже давно сдано в печать, и, вероятно, скоро Вы увидите корректуру. Прошу Вас смело вносить в текст, какие угодно, поправки, чем Вы очень меня обяжете.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 23–23 об.

№ 13

Многоуважаемый Федор Александрович!

Чрезвычайно признателен Вам за исполнение всех моих просьб последнего времени. Надеюсь, что атлас выйдет к Новому году, так как в типографию сдан и весь остальной текст. (Может быть, несколько задержит составление таблиц.)[57]

Корректуру для Вас я поджидаю на днях.

<…>

Книжку Радлова[58] я для Вас приобрел. <…> Книгу Кене приобрести нелегко, так как она уже вышла из продажи; однако я думаю, что будет можно Вам ее выслать.

Подвигается вперед и издание сасанидских блюд. <…> При случае не перешлете ли Вы мне парижский адрес Строганова[59]? Боюсь, что нам придется доходить до него: с управляющим нет никакого сладу.

Низко кланяемся всей Вашей семье. Дети у нас за это время поздоровели и даже выросли. <…>

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1901. XII. 6.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 24–24 об.

№ 14

Многоуважаемый Федор Александрович!

<…>

В Археологическом Обществе[60] недавно я читал реферат о смене культур на Северо-Востоке Европейской России. Материал набирается обильный и интересный.

Теперь мне придется перекочевать на Северо-Запад России, так как я взялся прочесть несколько лекций по археологии здешним народным учителям. Тут работы будет тоже немало.

Желаю Вам доброго здоровья.

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1902. II. 5.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 27 об.

---

[56] Предисловие к книге «Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых».

[57] Вставка на полях письма.

[58] Книга «Сибирские древности» В. В. Радлова (1837–1918), выдающегося востоковеда, этнографа, археолога.

[59] Граф Григо́рий Серге́евич Стро́ганов (1829–1910) – действительный статский советник, коллекционер и почетный член Академии художеств.

[60] В ИРАО.

№ 15

Многоуважаемый Федор Александрович!

Я что-то уже давно не беседовал с Вами – уже скучно стало.

Снимки с пермских вещей собрания графа Строганова нами сделаны, хотя и далеко не всех. Но я не могу обещать Вам скоро выслать их, потому что наш фотограф завален работой.

Шапочка у всадника[61] действительно снимается. Это видел Я. И. Смирнов[62], который рассматривал его.

<…>

В. Л. Борисов[63] и нам ничего не пишет. За ним несколько отчетов. Еле-еле выслал он вещи, да и то без описи. Приходится, к сожалению, махнуть на него рукой и отыскивать новых деятелей.

<…>

Воображаю, в каком виде получили Вы рукопись Н. Н. Новокрещенных о Гляденовском костище. Мне очень нравится свободная манера изложения его, но временами она совершенно недопустима. Мнения его не всегда удачны, но всегда полны здравого смысла. Так жаль, что его уже нет!

Господин Первушин[64], несомненно, очень мало понимает по части древностей и производства раскопок, но может быть все же полезен по части городищ, и я предполагаю войти с ним в сношения, хотя еще и не знаю, в какой форме. Всего лучше было бы составить статейку о древнейших уральских городищах и послать ему для руководства. Весьма вероятно, что я так и сделаю. У меня в руках довольно интересный материал об этих городищах.

В Комиссии у нас копится огромный материал, с которым совершенно не знаешь, как и когда сладить. Надо бы работать над ним в двадцать рук.

У нас заканчивается обычная ежегодная выставка, весьма богатая. Надеюсь составить ее краткое описание, которое и доставлю Вам.

Работал немало, но не так упорно, как в прошлую зиму, для Тверского съезда[65]. Вот уже и конец зимы, раскопки и дача (здесь о том, что предстоит по окончании зимы. – *В. В.*) Ныне мы едем на Эстляндское взморье[66], а копать я буду, по всей вероятности, где-нибудь в Средней или Южной России. Удалось бы заняться загадочными майданами[67].

Дома у нас все благополучно. Детишки теперь здоровы и милы.

<…>

Преданный Вам

А. Спицын.

СПб., 1904. III. 20.

Источник: ГАПК. Ф. 613, Оп. 2. Д. 500. Л. 28–30.

Список литературы

1. *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Роль А. А. Спицына в возникновении научной археологии в Пермской губернии / под ред. Е. Н. Носова // История и практика археологических исследований : материалы междунар. науч. конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. СПб : СПбГУ. 2008. С. 8–12.

2. *Белокобыльский Ю. Г.* Экспедиция И. Р. Аспелина в Сибирь // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, философия, филология». 1888. № 16. Вып. 3. С. 54–56.

[61] Об одной из археологических находок.

[62] Яков Иванович Смирнов (1869–1918), археолог и историк искусства, один из первых исследователей восточной торевтики, находимой в Прикамье. См. о нем: [8].

[63] Инспектор народных училищ Чердынского уезда, окончил аспирантуру Казанского университета. По рекомендации А. А. Спицына сотрудничал с ИАК. В 1889 г. исследовал курганы; в 1900 г. открыл Имасский и Харинский могильники, а также Кычдезовское городище на территории современного Пермского края [14, с. 86, 90, 92].

[64] П. Ф. Первушин, зауральский краевед, в конце XIX – начале XX века исследовал древности в районе современного г. Катайска Курганской обл., открыл ряд археологических памятников.

[65] Съезд проходил в 1903 г.

[66] На дачу.

[67] В археологии это загадочное земляное сооружение, состоящее из кольцевого вала, входа в кольцевое углубление и боковых насыпей-«крыльев», точного определения назначения и датировок по сию пору не имеется. Спицыну удалось заняться «проблемой майданов», результаты того исследования опубликованы [18].

3. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России (МАР). СПб., 1895. № 18.

4. *Ванюшева К. В.* Опыт археологических исследований сельского учителя А. Н. Шатрова (по материалам переписки А. А. Спицына и П. С. Уваровой 1888–1907 гг.) // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона. Ижевск : УФИЦ УрО РАН. 2016. № 2 (2). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35586447.

5. *Ванюшева К. В.* Переписка региональных корреспондентов московского археологического общества А. А. Спицына и Ф. А. Теплоухова / отв. ред. А. Е. Загребин // Полиэтничный мир Евразии: проблемы взаимовосприятия : сб. ст. Ижевск : Удм. ИИЯЛ УрО РАН. 2016. С. 712. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28256416.

6. *Вяткин В. В.* Александр Андреевич Спицын // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 38–50.

7. Из далекого прошлого / Е. А. Ждан (Спицына); подгот. текста, вступ. ст., биогр., коммент. и примеч. Т. В. Пищиковой. Калуга: Из-во Н. Бочкаревой. 1999. 335 с.

8. *Жебелев С. А.* Из воспоминаний о Я. И. Смирнове // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 181–187.

9. *Новокрещенных Н. Н.* (1842–1902) // В. С. Верхоланцев. Город Пермь, его прошлое и настоящее. (Краткий историко-статистический очерк) Пермь, 1913. С. 210–214.

10. *Новокрещенных Н. Н.* Гляденовское костище // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь. 1914. Вып. XI. С. 19–97.

11. *Овчинникова Б. Б.* У истоков уральской археологии. Теплоуховы // Известия Уральского университета. Екатеринбург, 1998. № 8.

12. Памятники истории и культуры Пермской области. Т. I // материалы к археолог. карте Пермской обл.). Пермь, 1996.

13. *Первухин Н. Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // материалы по археологии восточных губерний России. М., 1896. Вып. II.

14. *Список* археологических памятников Пермской области (К своду памятников истории и культуры РСФСР). Пермь, 1986.

15. *Спицин А. А.* Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Вып. I (Под ред. Д. Анучина). М. : Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 1893. 191 с.

16. *Спицын А. А.* Гляденовское костище // Записки Русского археологического общества. 1901. № XII. Вып. I–II. С. 228–269.

17. *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. СПб., 1902. № 26.

18. *Спицын А. А.* Майданы // Записки Отделения русской и славянской археологии (ЗОРСА). СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 1.

19. *Спицын А. А.* Заметки из поездки 1898 года // Известия Императорской археологической комиссии. 1916. Вып. 60.

20. *Теплоухов А. Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1880. Т. 6. Вып. 1. С. 1–31.

21. Теплоуховы А. Е. и Ф. А. // В. С Верхоланцев. Ук. соч. С. 228–230.

22. *Тихонов И. Л.* Деятельность А. А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // Российская археология. 2009. № 3. С. 145–154.

23. *Худяков М. Г.* Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. // Материалы Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1933. Вып. 2.

24. *Худяков М. Г.* Петр Алексеевич Пономарев (1847–1919) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1920. Т. XXX. Вып. 3.

25. *Fuck J.* Die arabischen Studien in Europa. Leipzig, 1955. S. 223, 305.

Letters of A. A. Spitsyn to F. A. Teploukhov in the state archive of Perm Krai

A. M. Belavin[1], V. V. Vyatkin[2]
[1]Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of national history and archaeology,
Perm State Humanitarian and Pedagogical University.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4620-2882. E-mail: belavin@pspu.ru
[2]PhD of Historical Sciences. Russia, Perm. E-mail: vjatkin@list.ru

Abstract. Letters of the famous Russian archaeologist A. A. Spitsyn to the Perm archaeologist and collector F. A. Teplouhov – the chief manager of the estate of counts Stroganovs in the village of Ilyinsky are published. The letters characterize the process of formation of scientific archaeology in the Perm province, the ini-

tial process of comprehension of medieval Finno-Ugric antiquities. The main topic of correspondence was the preparation for the publication of the archaeological atlas "Antiquities of the Kama chudis on the collection of the Teplouhovs". The publication of correspondence is of great moral importance. We are faced not just scientists and refined intellectuals, but talented figures of Russian culture. Reading these letters can have educational value for the younger generation of scientists. The letters tell about the development of Russian archaeology at the turn of the century, acquaint with the recommendations of Spitsyn on excavations, let us know about his attention to the works of foreign experts, convince of the nobility of the soul of the scientist, give some idea about his family life, scientific preferences and social circle. Letters are distinguished by sound language, not devoid of vivid imagery. They are concise and expressive. The measure of feelings in them, it seems, is observed, the critical attitude to others is small that to a soft warehouse of Spitsyn quite corresponds. This publication includes 15 letters.

Keywords: Spitsyn, Teploukhov, correspondence, archeology, Kama region.

References

1. *Belavin A. M., Krylasova N. B. Rol' A. A. Spicyna v vozniknovenii nauchnoj arheologii v Permskoj gubernii / pod red. E. N. Nosova* [The role of A. A. Spicyn in the emergence of scientific archaeology in the Perm province] / ed. E. N. Nosov // *Istoriya i praktika arheologicheskih issledovanij : materialy mezhdunar.nauch. konferencii, posvyashchennoj 150-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta AN SSSR, professora A. A. Spicyna. Sankt-Peterburg, 26–30 noyabrya 2008 g.* – History and practice of archaeological research : proceedings of the international scienct. conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Professor A. A. Spitsyn. SPb. 26–30 November 2008 SPb. St. Petersburg State University. 2008. Pp. 8–12.

2. *Belokobyl'skij Yu. G. Ekspediciya I. R. Aspelina v Sibir'* [I. R. Aspelin Expedition to Siberia] // *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya "Istoriya, filosofiya, filologiya"* – Proceedings of Siberian branch of as AS USSR. Series "History, philosophy, philology." 1888. No. 16. Issue 3. Pp. 54–56.

3. *Brandenburg N. E. Kurgany Yuzhnogo Priladozh'ya* [Barrows of the southern Ladoga region] // *Materialy po arheologii Rossii (MAR)* – Materials on archeology of Russia (MAR). SPb. 1895. No. 18.

4. *Vanyusheva K. V. Invyt arheologicheskih issledovanij sel'skogo uchitelya A. N. Shatrova (po materialam perepiski A. A. Spicyna i P. S. Uvarovoj 1888–1907 gg.)* [Experience of archaeological researches of the rural teacher A. N. Shatrov (on materials of correspondence of A. A. Spicyn and P. S. Uvarova 1888–1907)] // *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavyanskih narodov Kamsko-Vyatskogo regiona* – Historical and cultural heritage of the Slavic peoples of the Kamsko-Vyatka region. Izhevsk. UFIC Ural Branch of RAS. 2016. No. 2 (2). Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=35586447.

5. *Vanyusheva K. V. Perepiska regional'nyh korrespondentov moskovskogo arheologicheskogo obshchestva A. A. Spicyna i F. A. Teplouhova* [Correspondence of regional correspondents of the Moscow archaeological society, A. A. Spicyn, and A. F. Teploukhov] / ed. A. E. Zagrebin // *Polietnichnyj mir Evrazii: problemy vzaimovospriyatiya : sb. st.* – Polyethnic world of Eurasia: problems of mutual perception : collection of articles. Izhevsk. IHLL of Ural branch of RAS. 2016. Pp. 712. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=28256416.

6. *Vyatkin V. V. Aleksandr Andreevich Spicyn* [Alexander Andreevich Spicyn] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2014. No. 12. Pp. 38–50.

7. *Iz dalekogo proshlogo* – From the distant past / E. A. Zhdan (Spicyna); prep. of text, introd., biogr., comments and notes by T. V. Pishchikova. Kaluga. N. Bochkareva. 1999. 335 p.

8. *Zhebelev S. A. Iz vospominanij o Ya. I. Smirnove* [From memories about Ya. I. Smirnov] // *Vestnik drevnej istorii* – Herald of ancient history. 1993. No. 3. Pp. 181–187.

9. *Novokreshchennyh N. N. (1842–1902)* [(1842–1902)] // *V. S.Verholancev. Gorod Perm', ego proshloe i nastoyashchee (Kratkij istoriko-statisticheskij ocherk)* [The city of Perm, its past and present (Brief historical and statistical essay)] Perm. 1913. Pp. 210–214.

10. *Novokreshchennyh N. N. Glyadenovskoe kostishche* [Glyadenovsk bone] // *Trudy Permskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Proceedings of the Perm scientific archival commission. Perm. 1914. Issue XI. Pp. 19–97.

11. *Ovchinnikova B. B. U istokov ural'skoj arheologii. Teplouhovy* [The origins of the Ural archeology. Teploukhovs] // *Izvestiya Ural'skogo universiteta* – News of the Ural State University. Ekaterinburg. 1998. No. 8.

12. *Pamyatniki istorii i kul'tury Permskoj oblasti. T. I* – Monuments of history and culture of the Perm region. Vol. I // *Materialy k arheolog. karte Permskoj obl.* – Materials to the archeological map of Perm region. Perm. 1996.

13. *Pervuhin N. G. Invyt arheologicheskogo issledovaniya Glazovskogo uezda Vyatskoj gubernii* [Experience of archaeological research of Glazovsky uyezd of Vyatka province] // *Materialy po arheologii vostochnyh gubernij Rossii* – Materials on archeology of Eastern provinces of Russia. M. 1896. Issue II.

14. *Spisok arheologicheskih pamyatnikov Permskoj oblasti (K svodu pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR)* – List of archaeological monuments of the Perm region (to the code of monuments of history and culture of the RSFSR). Perm. 1986.

15. *Spicin A. A. Priural'skij kraj. Arheologicheskie razyskaniya o drevnejshih obitatelyah Vyatskoj gubernii* [Ural region. Archaeological research on the ancient inhabitants of Vyatka province] // *Materialy po arheologii*

vostochnyh gubernij Rossii. Vyp. I (Pod red. D.Anuchina) – Materials on archaeology of the Eastern provinces of Russia. Issue I (edited by D. Anuchin). M. Typography by E. Lissner and Y. Roman. 1893. 191 p.

16. *Spicyn A. A. Glyadenovskoe kostishche* [Glyadenovsk bone] // *Zapiski Russkogo arheologicheskogo obshchestva* – Proceedings of the Russian archaeological society. 1901. No. XII. Issue I–II. Pp. 228–269.

17. *Spicyn A. A. Drevnosti kamskoj chudi po kollekcii Teplouhovyh* [Antiquities of the Kama chudis by the collection of the Teploukhovs] // *MAR* – MAR. SPb. 1902. No. 26.

18. *Spicyn A. A. Majdany* [Maidans] // *Zapiski Otdeleniya russkoj i slavyanskoj arheologii (ZORSA)* – Proceedings of the Department of Russian and Slavonic archaeology (PDRSA). SPb. 1906. Vol. VIII. Issue 1.

19. *Spicyn A. A. Zametki iz poezdki 1898 goda* [Notes from the trip of 1898] // *Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoj komissii* – News of the Imperial Archaeological Commission. 1916. Issue 60.

20. *Teplouhov A. E. O doistoricheskih zhertvennyh mestah na Ural'skih gorah* [On prehistoric sacrificial sites on the Ural mountains] // *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya* – Notes of the Ural society of lovers of natural science. 1880. Vol. 6. Issue 1. Pp. 1–31.

21. *Teplouhovy A. E. i F. A.* – Teploukhovs A. E. and F. A. / / V. S. Verholantsev. Op. cit. Pp. 228–230.

22. *Tihonov I. L. Deyatel'nost' A. A. Spicyna v Sankt-Peterburge (1892–1931)* [A. A. Spicyn's activity in St. Petersburg (1892–1931)] // *Rossijskaya arheologiya* – Russian archaeology. 2009. No. 3. Pp. 145–154.

23. *Hudyakov M. G. Drevnosti Kamy po raskopkam A. A. Spicyna v 1898 g.* [Antiquities of Kama on A. A. Spicyn's excavations in 1898] // *Materialy Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury* – Materials of the State Academy of history of material culture. L. 1933. Issue 2.

24. *Hudyakov M. G. Petr Alekseevich Ponomarev (1847–1919)* [Pyotr Alekseevich Ponomarev (1847–1919)] // *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* – Proceedings of the Society of archaeology, history and ethnography at the Imperial Kazan University. 1920. Vol. XXX. Issue 3.

25. *Fuck J.* Die arabischen Studien in Europa. Leipzig. 1955. Pp. 223–305.

УДК 903(470.342) DOI 10.25730/VSU.2070.19.009

Изучение культурного слоя XVII–XIX вв. г. Слободского в ходе археологических работ 2009–2017 гг.

Н. В. Владимиров[1], А. В. Егоров[2]
[1]младший научный сотрудник КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области».
Россия, г. Киров. E-mail: nikolay.vladimirov.90@mail.ru
[2]научный сотрудник КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области».
Россия, г. Киров. E-mail: general882007@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию культурных напластований XVII–XIX вв. г. Слободского в 2009–2017 гг. В ходе работ были изучены позднесредневековые напластования города, выявлено и поставлено на охрану четыре новых памятника археологии: «Культурный слой западной части г. Слободского, XVIII–XIX вв.», «Участок культурного слоя восточной части г. Слободского XVII–XIX вв.», «Участок культурного слоя Слободского Христорождественского монастыря XVII–XIX вв.» и «Участок культурного слоя центральной части г. Слободского XVIII–XIX вв.». Проведенные работы позволили исключить возможное разрушение объектов археологического наследия в будущем и разработать мероприятия по их сохранению.

Исследованию также подвергся Слободской Христорождественский женский монастырь, на территории которого была выявлена алтарная часть Спасской церкви и остатки стен. Полученная информация существенно дополняет сведения письменных источников о развитии г. Слободского в период XVII–XIX вв. и подтверждает необходимость его дальнейшего изучения.

Ключевые слова: археологические разведки, раскопки, городская археология, Слободской, позднее Средневековье, монастырь, алтарная часть, культурный слой.

Введение. Археологические напластования города Слободского представляют большой научный интерес и являются предметом многочисленных исследований. Так, длительное время изучением археологических памятников г. Слободского и его окрестностей занимались сотрудники Камско-Вятской археологической экспедиции [16]. В 2009–2017 гг. активные археологические работы на территории г. Слободского были проведены сотрудниками КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области» (рис. 1).

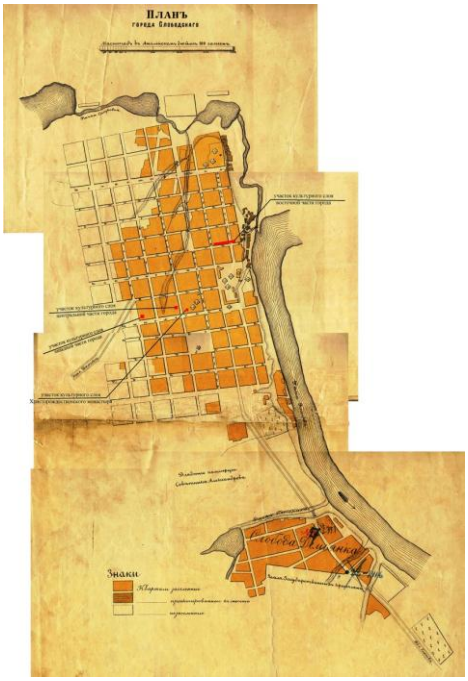

Рис. 1. План г. Слободского 1893 г. с указанием выявленных в ходе работ 2016–2017 гг. участков культурного слоя

© Владимиров Н. В., Егоров А. В., 2019

История развития и изучения г. Слободского. Город Слободской расположен на р. Вятке и является центром одноименного района Кировской области. Временем его основания считается 1505 г., когда Иваном III была подписана грамота о пожаловании наместнику А. И. Племянникову в кормление «Слободского городка на Вятке». Впервые этот документ под именем «Едомский летописец» был опубликован в 1898 г., однако он засвидетельствовал уже существование населенного пункта, тогда как реальная дата основания города и сегодня остается дискуссионным вопросом [17, с. 35–36].

Историки с дореволюционных времен пытаются установить время возникновения г. Слободского. Произведенные исследования А. С. Верещагина и П. Н. Луппова, а в советское время – Г. А. Замятина (писал под псевдонимом Слобожанин) и В. В. Низова определили другие, помимо традиционной (1505 г.), даты первого упоминания о Слободском. Большинство из них сходится во мнении, что город был основан в период между 1489 и 1505 гг. [3, с. 4–19; 11, с. 146–147; 20; 26, с. 3]. В свою очередь ижевский археолог Л. Д. Макаров, частично исследовавший в 1980-е гг. бывшие укрепления Слободского кремля и другие исторические места города, выявил вещественные памятники XIV–XV вв.

Слободской возник на магистральном Сибирском торговом пути как небольшое торгово-ремесленное поселение. Его структуру определяли функции промежуточного опорного пункта, северо-восточного форпоста Хлынова, значительно возросшие с проведением в конце XVI в. Большой Сибирской дороги. С появлением торговой дороги к Ношульской пристани (в XVII в.) город стал исполнять роль самостоятельного узлового центра на пересечении важных сухопутных и водных связей, и новые условия создали предпосылки для его активного градостроительного развития как типичного средневекового города. Для размещения города был определен стратегически выгодный участок местности – высокий правый берег р. Вятки при впадении в нее р. Спировки. Основой его стал укрепленный городок-крепость, сосредоточивший функции административного, духовного и военного центра. 275-саженная крепостная стена возводилась с использованием защитных свойств ландшафта в виде городней на дерево-земляном валу [5, с. 31–32]. Вал повторял очертания мыса, ограниченного с востока неприступным берегом Вятки, с северо-запада – крутым склоном оврага, с юга – глубоким «ископанным» рвом. Когда у стен крепости стали развиваться торг и посад, она преобразовалась в кремль. Кремлевскую стену усиливали две дозорные и две проездные шатровые башни, главная из которых, западная, была обращена к торгу, разместившемуся за оврагом. К торгу сходились основные дороги, с юго-запада на северо-запад его пересекала дорога из Хлынова на Кай [1, с. 349]. Для самого города торг сохранял значение связующего звена между кремлем и посадом, объемно-планировочного центра – средоточия дорог, посадских улиц, торговых комплексов и храмов. В отличие от кремля и торга посад первоначально развивался менее активно, даже его защите не придавалось особого значения.

К началу XVII в. традиционная трехчастная структура, включавшая кремль, торг и посад, в Слободском утвердилась окончательно. Доминирующее значение после проведения Большой Сибирской (Московской) дороги получил торг, где были сконцентрированы многочисленные торговые и сопутствующие им заведения. По их количеству Слободской даже опередил Хлынов. В 1628 г. он имел 35 лавок и 5 полок, то есть 40 торговых заведений, Хлынов – около 30 [29, с. 175].

На торгу, подтверждая его значимость, возводились многочисленные храмы. В первой четверти XVII в. в городе насчитывалось восемь деревянных церквей, пять из них на торгу. С усилением общественного значения торга кремль это значение терял: утрачивалось оборонительное значение крепости, одновременно ослабевала роль кремля как административного центра. При этом за кремлем сохранились и еще более утвердились функции духовного центра. На его территории находились первые деревянные церкви (Вознесенская и Екатерининская), отдельно стоящая колокольня, размещались служебные церковные здания и сооружения, жилые дома церковнослужителей.

Направление развития посада продолжала определять ориентация главных дорог. Главными в конце XVI – начале XVII вв. были юго-западное (Хлыновское) и южное (Глазовское) направления. В XVII в. посад начал активно развиваться в северном (Шестаковском) направлении, а причиной тому стало важное градоформирующее обстоятельство – возникновение нового центра притяжения в связи с основанием в 1599 г. мужского Богоявленского монастыря. [31, с. 39].

В течение XVII в. вокруг Богоявленского монастыря образовалась монастырская слободка. По мере роста слобода расширялась в единственно возможном южном направлении, так как в восточном, северном и западном этому препятствовали естественные преграды.

В первой четверти XVII в. на юго-западных подступах к городу был также основан женский Спасский монастырь. На небольшой огражденной территории, примыкающей с юго-востока к Хлыновской дороге, размещались Спасская церковь, колокольня-звонница, настоятельская и немногочисленные сестринские кельи, службы. Важность южных подступов к городу отметила построенная на посаде приходская Никольская церковь.

К концу XVII в. в Слободском наступает время каменного зодчества. В 90-х годах здесь разворачивается строительство трех храмов: Екатерининской церкви (1699 г.) в кремле, Спасо-Преображенского собора (1699 г.) на торгу и Введенской церкви (1698 г.) Богоявленского монастыря. Все три церкви – образцы храмов самобытной вятской школы каменного зодчества, появление которой связано с именем артели Ивана Никонова.

Вслед за первыми каменными храмами в Слободском одна за другой возводятся новые каменные церкви: Сретенская-Афанасьевская с колокольней на торгу (1726 г.), Никольская на посаде (1732 г.), колокольня той же церкви (1745 г.), Спасская женского монастыря (1740 г.). Вознесенский собор в кремле (1753 г.), соборная колокольня (1750 г.), Богоявленская мужского монастыря (1701 г.), колокольня монастырская (1795 г.), Благовещенская на торгу (1784 г.). Сразу в каменном исполнении строится Троицкая кладбищенская церковь (1773 г.).

Город Слободской в XVII – первой половине XVIII в., утвердив позиции значительного узлового центра, динамично рос и развивался. К середине XVIII в. он становится вторым после Хлынова по величине и значимости городом Вятской земли. Планировка города, совершенствуясь и усложняясь, окончательно утвердилась как веерная система центрического типа, с явно выраженным перерастанием в ветвистую систему центрического типа.

Благодаря общегосударственным преобразованиям во второй половине XVIII в. архитектурно-планировочное развитие г. Слободского выходит на новый уровень архитектурного воплощения. Так, в 1781 г. наряду с другими двенадцатью проектными планами «Новоучрежденного Вятского наместничества» за подписью архитектора Ивана Лема был разработан и план г. Слободского, а 13 августа 1784 г. он был Высочайше конфирмован [1, с. 353]. План Лема закрепил меридиональную направленность развития планировки города и «утвердил» традиционно доминирующее положение торга, усилив его значение общественно-административными функциями. Воплощение же регулярного плана г. Слободского связано с именем первого вятского губернского архитектора Ф. М. Рослякова. За девять лет (1796–1804 гг.) в городе было построено по «образцовым» проектам 174 обывательские дома.

Первые упоминания о найденных археологических находках на территории г. Слободского находим в описаниях А. А. Спицына и И. А. Талицкой [25, с. 186; 30, с. 47]. Так, в 1886 г. при устройстве земляной насыпи в д. Родионовской (современная южная окраина г. Слободского) рабочими были найдены три человеческих черепа, железный обоюдоострый меч, железное копье и несколько медных украшений.

В 1961 г. И. И. Стефанова обследовала Слободское городище (кремль г. Слободского), при этом было обнаружено 60 фрагментов гончарной керамики XIV–XV вв. и 5 обломков поздней поливной посуды [28, с. 4–6]. В 1977 г. осмотр этого же памятника производился разведгруппой КВАЭ под руководством Н. А. Ярославцевой (Лещинской). Находок при этом не выявлено [33, с. 3–4].

В 1984 г. Л. Д. Макаров провел предварительные раскопки Слободского городища общей площадью 12,5 кв. м. Им был предпринят разрез части вала и рва, который позволил проследить восемь строительных периодов. Два более ранних периода связаны с остатками сгоревших срубных укреплений, сопровождаемых находками древнерусской керамики XIII–XV вв. Остальные периоды относятся к XV–XVII вв. и связаны с возведением дерево-земляных укреплений кремля г. Слободского [16, с. 199].

В одном из двух заложенных шурфов было обнаружено позднее христианское захоронение с остатками гробовища. Эта находка позволила выделить на территории Слободского городища Слободской-I могильник XVII–XVIII вв., представляющий собой кладбище при Екатерининской церкви [14, с. 9–28].

В 1987 г. разведгруппой КВАЭ под руководством Л. Д. Макарова был обнаружен Слободской-II могильник (XIV–XV, XVII–XVIII вв.). Его площадь составила около 2000 кв. м. В ходе шурфовки на стрелке мыса в 1987 г. была выявлена часть погребения, совершенного по пра-

вославному обряду, сопровождающего инвентаря не зафиксировано [15, с. 40–41]. В том же году Л. Д. Макаровым проведены раскопки на вновь обнаруженном Родионовском селище на южной окраине г. Слободского. В ходе работ исследовано 39 кв. м, при этом обнаружено несколько хозяйственных ям, остатки подпольной ямы и находки XIV–XVIII вв. [16, с. 201, 227].

В 1993 г. сотрудниками сектора археологии Кировского краеведческого музея Л. А. Сенниковой и Т. А. Медведевой проводились археологические наблюдения за прокладкой траншеи по ул. Володарского в г. Слободском, которая прошла в том числе и по территории Слободского кремля. Одним из наиболее интересных результатов исследования траншеи 1993 г. является обнаружение остатков шестиугольной башни в 110-120 м к юго-западу от сохранившегося участка вала Слободского городища. Башня прослежена на высоту около 1 м, от нее частично сохранились три бревенчатых стенки, рубленых «в обло». Ее дно также было выложено бревнами [24, с. 64].

В 1995 г. Л. А. Сенниковой проводился надзор за земляными работами по прокладке коммуникационной траншеи, проходившей через Слободской-II могильник. При этом было выявлено 18 разновременных погребений. Погребения северной части могильника Л. А. Сенникова отнесла к XIV–XV вв., связав их с особенностями погребального обряда. Захоронения южной части памятника датированы исследователем XVII–XVIII вв. и соотносятся с приходским кладбищем при Преображенской церкви, заложенной в 1699 г. Сопровождающего инвентаря при этом не обнаружено [23, с. 146–149].

Обсуждение результатов. В **2009 г.** были обследованы ранее известные памятники – Слободское городище (кремль г. Слободского) и Слободские I и II могильники. Работы проводились экспедицией Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области под руководством А. Л. Кряжевских. В качестве подъемного материала на городище были собраны фрагменты позднесредневековой гончарной керамики с примесью песка в тесте [9, с. 55].

На Слободском-I могильнике был также произведен осмотр хозяйственной траншеи в восточной части церковной территории около ограды. В качестве основного культурного слоя Слободского городища, на территории которого и расположен могильник, здесь зафиксирована серая супесь с включениями золы, угля и древесного тлена мощностью до 0,46 м. При этом в восточной стенке зафиксированы очертания могильной ямы, в которой, по словам церковнослужителей, были найдены человеческие кости, однако никаких вещей не обнаружено. Зафиксированная глубина могильной ямы составила 0,5 м, ширина – 0,55 м. Заполнение верхней части могильной ямы представлено пепельно-серой супесью мощностью до 0,21 м, а заполнение ее основной части – темно-серой пестроцветной супесью мощностью до 0,42 м. При этом четко фиксируется выброс из могилы в виде коричневой переотложенной супеси с редкими включениями угля мощностью до 0,13 м. В отвалах и при зачистке стенок траншеи собрана большая коллекция фрагментов керамической посуды [9, с. 56].

Кроме того, в центральной части г. Слободского, в 100 м западнее Слободского городища по ул. Советской, 66а, был заложен разведочный шурф размером 4х4 м. Данный шурф был прокопан на глубину 195-205 см от условного 0 и приостановлен из-за грунтовых вод. На основании обнаруженного материала (фрагменты гончарной керамики, бутылка с клеймом и т. п.) можно сделать вывод о том, что при прокопке был достигнут лишь уровень XIX в. [9, с. 96–100].

В **2012 г.** в рамках археологического надзора за ходом проведения берегоукрепительных работ на территории кремля г. Слободского сотрудниками Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области под руководством А. Л. Кряжевских была произведена зачистка стенок котлована и фиксация его стратиграфии, а также осуществлен сбор подъемного материала. В результате изучения котлована были зафиксированы поздние напластования, представляющие собой в основном различные виды строительного мусора. В нижней части южной стенки выявлен слой темно-серой супеси с включениями угля мощностью до 0,15 м до дна котлована, представляющий собой культурный слой Слободского городища. В западной стенке котлована выявлены культурные напластования на глубину более 2 м, но они, вероятно, относятся к посаду, примыкавшему к Слободскому кремлю [10, с. 223]. По итогам данных работ была собрана коллекция фрагментов глиняных сосудов XVII–XIX вв., кованых гвоздей, фрагментов оконного и бутылочного стекла с патиной.

В **2015 г.** на территории Слободского Христорождественского женского монастыря, в районе предполагаемого размещения ранее разрушенной Спасской церкви, были проведены

археологические работы под руководством Р. В. Матвеева. На обследуемой территории было заложено два шурфа размером 2х2 м, в результате прокопки которых в восточной части монастыря был зафиксирован культурный слой в виде темно-серой супеси с включениями органики мощностью от 0,03 до 0,27 м, темно-коричневой супеси с включениями органики мощностью до 0,1 м, темно-серой супеси с редкими включениями песка и глины мощностью от 0,04 до 0,36 м, желто-коричневой пестроцветной супеси с включениями песка мощностью до 0,27 м. В шурфах обнаружено большое количество мореной, красноглиняной плотной и поздней поливной керамики, комплекс которой можно датировать XVII–XX вв. В результате проведения археологических работ был выявлен сильно разрушенный участок фундамента Спасской церкви 1740 г. постройки (северо-восточный край фундамента алтарной части) и остатки бревенчатой и кирпичной стен, в разное время отделявших собственно монастырскую территорию от части монастыря, в которую был открыт доступ мирским людям [17, с. 62].

В этом же году были проведены археологические работы под руководством А. В. Егорова на участке по ул. Советской, 24. Там было заложено 3 шурфа 1х1 м. Выявленные в ходе прокопки слои светло-коричневой супеси в шурфах № 1 и 3 и коричневой супеси с редкими включениями мелко битого кирпича в шурфе № 2 были соотнесены с пахотным слоем огородов монастырской слободы Богоявленского монастыря, дополнительно перемешанным в результате строительства на рассматриваемом участке в начале XX в. В качестве подъемного материала на участке были собраны фрагменты гончарной керамики, кованые гвозди и монета 1843 г. номиналом 2 коп. [7, с. 51–53].

В **2016 г.** в ходе проведения археологической разведки Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области под руководством К. Н. Глушкова на территории г. Слободского в двух заложенных шурфах на перекрестке ул. Большевиков и Дерышева было обнаружено большое количество фрагментов глиняной посуды XVIII–XIX вв., фрагмент курительной трубки (рис. 2), фрагмент помадной банки (рис. 2), кости животных. Культурный слой представлен темно-коричневой гумусированной супесью мощностью 0,15-0,2 м. Данные работы позволили выявить новый объект археологического наследия «Культурный слой западной части г. Слободского XVIII–XIX вв.», площадь которого составила 470 кв. м. Участок, на котором он был обнаружен, отражен лишь на плане г. Слободского 1794 г., на котором обозначен как перекресток улиц Полевой и Никольской. Очевидно, застраиваться он начал примерно в то же время. На плане 1831 и 1893 гг. данный район также обозначен как перекресток улиц Полевой и Никольской [6, с. 132].

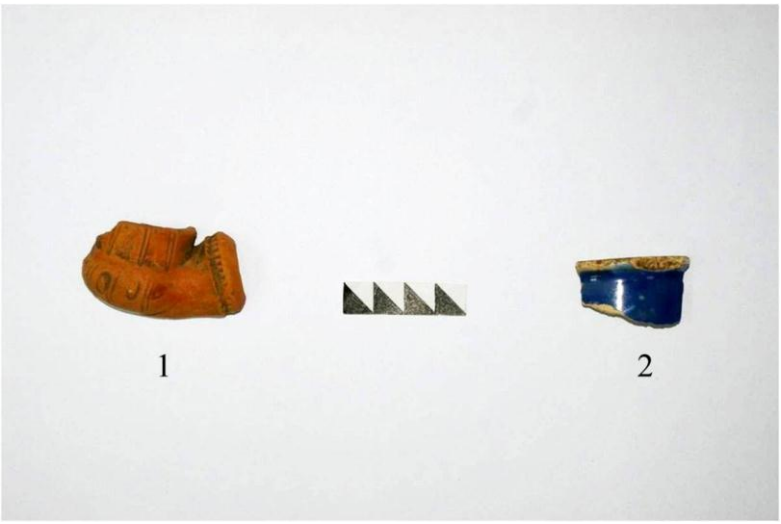

Рис. 2. Археологическая разведка 2016 г.
1 – фрагмент курительной трубки; 2 – фрагмент помадной банки

В ходе работ Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области **2017 г.** под руководством А. И. Фахретдинова в трех шурфах и одной зачистке на участке в восточной части г. Слободского к северу от проезжей части ул. Стучки между ул. Советской и проездом к дому № 1 по ул. Стучки обнаружено большое ко-

личество фрагментов глиняной посуды XVII–XIX вв., кости животных, кованые гвозди, фрагмент глиняного грузила, фрагмент изразца. В качестве культурного слоя можно выделить темно-коричневую супесь мощностью 0,35-0,6 м, темно-коричневую гумусированную супесь с включениями песка мощностью 0,15-0,3 м, темно-коричневую гумусированную супесь с включениями глины мощностью 0,3-0,85 м. Эти сведения позволили выявить на данном участке новый памятник археологии «Участок культурного слоя восточной части г. Слободского XVII–XIX вв.». Данный участок, вероятно, начал заселяться еще в XVII в., чему способствовало его расположение вблизи Большой Сибирской дороги [32, с. 164–165].

В ходе работ в центральной части г. Слободского, восточнее дома № 9б по ул. Большевиков (территория Слободского Христорождественского женского монастыря), в заложенном шурфе и в качестве подъемного материала было найдено большое количество фрагментов глиняной посуды XVII–XIX вв. и костей животных. В качестве культурного слоя здесь можно выделить темно-коричневую гумусированную супесь мощностью 0,2-0,25 м и темно-серую супесь мощностью 0,05-0,1 м. На данном участке был выявлен новый археологический памятник «Участок культурного слоя Слободского Христорождественского монастыря XVII–XIX вв.» [17, с. 165–167].

Кроме того, в центральной части г. Слободского, к западу от проезжей части ул. Гоголя, между домами № 11 по ул. Большевиков и № 91 по ул. Гоголя, в результате обследования стенок котлована и произведенной зачистки было обнаружено большое количество фрагментов глиняной посуды XVIII–XIX вв., а также кости животных. В качестве культурного слоя была выделена темно-коричневая супесь мощностью 0,4-0,45 м. На данном участке был выявлен новый памятник археологии «Участок культурного слоя центральной части г. Слободского XVIII–XIX вв.». Начало застройки данного участка по данным письменных источников можно отнести ко времени не позднее XVIII в. [17, с. 167–168].

В ходе работ 2009–2017 гг. был собран керамический материал, представленный стенками, днищами и венчиками гончарных сосудов. Материал в значительной степени фрагментирован, большая его часть собрана в качестве подъемного материала из различных строительных котлованов. Типология позднесредневековой керамики для г. Слободского, как и в целом для Кировской области, не разработана. Однако имеющиеся в коллекции красноглиняные, серые, мореные и коричневые фрагменты сосудов с примесью песка в тесте можно датировать по сопутствующим находкам и письменным источникам, касающимся времени застройки той или иной части города. В целом, выявленный керамический материал можно отнести к периоду XVII–XIX вв.

Из индивидуальных находок стоит отметить фрагмент помадной банки, курительную трубку, рыболовное грузило и фрагмент изразца. Помадные (косметические) банки (рис. 2) хронологически относятся к XVIII–XIX вв. Они использовались для хранения различных косметических средств – помады, белил, румян и т. п. Широко распространены на территории России (особенно в городах): в Москве [21, с. 301–303; 22, с. 13], Санкт-Петербурге [19, с. 74–75], городах Прикамья [27, с. 126–127] и т. д.

Курительная трубка (рис. 2) (т. н. «турецкого» типа) относится к одному из самых распространенных в Причерноморье фасонов. Находки таких трубок известны в Болгарии, Румынии, Греции, Турции, на всех причерноморских памятниках, где есть слои второй половины XVIII – начала XIX вв., в Москве [4], Шуе [18, с. 17–18] и т. д. Суммарное время их бытования – XVIII – начало XIX в.

Фрагмент глиняного рыболовного грузила округлой формы. Подобные грузила распространены довольно широко по всей территории России – в Костромском Поволжье [8, с. 12–13], Пермской области [12, с. 181], Подмосковье [13, с. 130–132] и др. Грузило имеет широкий диапазон бытования и могло использоваться в период XVII–XIX вв.

Изразец имеет крайне плачевное состояние – большая часть его лицевой стороны стерта. Вместе с тем по остаткам глазури данный изразец можно соотнести с образцами из Великого Устюга и датировать второй половиной XVIII – началом XIX вв.

Заключение. В ходе работ 2009–2017 гг. в г. Слободском была довольно подробно исследована его историческая часть и прослежены напластования культурных слоев эпохи позднего Средневековья. Следует отметить, что г. Слободской в советский и современный периоды активно подвергался новой застройке, прокладке коммуникаций и прочему хозяйственному освоению. В связи с чем до проведения работ 2009–2017 гг. не было выявлено ни одного участка неповрежденного культурного слоя отражающего историческую застройку XVII–

XIX вв. Разведочные работы указанного периода сделали возможным выявление и постановку на государственную охрану четырех новых археологических объектов, представляющих собой участки культурного слоя той или иной части г. Слободского. Кроме того, при соотнесении археологических данных с письменными источниками была уточнена позднесредневековая историческая топография города. Были получены новые данные относительно культурных напластований Слободского Христорождественского женского монастыря (найдена алтарная часть, остатки стен и т. п.). Эти данные позволили дополнить сведения письменных источников по истории монастыря и поставить на охрану неповрежденный культурный слой данного объекта. Все работы, проведенные в 2009–2017 гг., расширили и дополнили сведения об истории г. Слободского в период XVII–XIX вв. и показали перспективность его дальнейшего археологического изучения.

Список литературы

1. *Безверхова Л. Б.* Архитектурно-планировочное развитие города Слободского до середины XIX века // Город Слободской. Пять столетий истории : историко-статистический сборник. Киров, 2005. С. 349–360.

2. *Верещагин А. С.* Отданные в кормление в XVI в. вятские города // ТВУАК. 1905. Вып. 3. Отд. III. С. 79–89.

3. *Верещагин А. С.* По поводу предыдущей статьи «Слобожанина» // ТВУАК. 1907. Вып. 1. Отд. III. С. 1–19.

4. *Волков И. В*. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М., 1999. С. 226–252.

5. Вятская епархия: Историко-географическое и статистическое описание. Вятка, 1912. 669 с.

6. *Глушков К. Н*. Отчет об археологической разведке на территории Кировской области: городов Киров, Слободской, Кирово-Чепецк, Яранского, Малмыжского районов за 2016 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2016.

7. *Егоров А. В*. Отчет об археологической разведке по территории Слободского, Малмыжского, Оричевского, Советского, Афанасьевского, Яранского районов Кировской области и г. Кирова за 2015 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2016.

8. *Кабатов С. А., Курочкина С. А.* Рыболовный инвентарь сельского населения Костромского Поволжья (по материалам археологических исследований селища Вежи) // Вестник КГУ. 2017. № 2. С. 12–19.

9. *Кряжевских А. Л.* Отчет об археологической разведке по территории Слободского района Кировской области и Первомайского района г. Кирова в 2009 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2010.

10. *Кряжевских А. Л.* Характеристика культурного слоя Слободского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. материалов регион. науч.-практ. конференции, посвященной Году российской истории. Киров, 2012. С. 220–224.

11. *Луппов П. Н.* История вятских сел // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. История. С. 138–182.

12. *Лычагина Е. Л., Сарапулов А. Н.* Орудия рыболовного промысла на археологических памятниках Чашкинского микрорегиона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4. С. 177–182.

13. *Мазуров А. Б., Цепкин Е. А.* Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // Российская археология. 2003. № 4. С. 129–138.

14. *Макаров Л. Д.* Отчет о разведочных работах в Котельничском, Оричевском и Слободском районах Кировской области, проведенных летом 1984 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ижевск, 1984.

15. *Макаров Л. Д.* Отчет об археологических исследованиях 1987 года в Кировской области // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ижевск, 1987.

16. *Макаров Л. Д.* Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск, 2002. С. 128–228.

17. *Матвеев Р. В.* Отчет об археологических разведках на территории г. Кирова и г. Слободского Слободского района Кировской области, а также об археологических раскопках на территории Хлыновского кремля г. Кирова за 2015 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2016.

18. *Метелкина К. М.* Курительные трубки конца XVIII–XIX вв. из Шуйского раскопа // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 17–18.

19. *Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л., Соболев В. Ю., Глыбин В. А.* Петербург: исторические ландшафты и археологическое наследие : труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Т. 1. СПб, 2005. С. 69–87.

20. *Низов В. В.* Древнейшие известия о вятском городе Слободском : материалы I научно-практической конференции. Слободской, 1995. С. 3–16.

21. *Полюлях А. А.* Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фартальных // Археология Подмосковья : материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 299–312.

22. *Рабинович М. Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы : материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. № 12. М.-Л., 1949. С. 5–43.

23. *Сенникова Л. А.* Захоронения позднего средневековья на Вятской земле // Музеи-хранители культурного наследия : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Киров, 2009. С. 145–154.

24. *Сенникова Л. А.* Топография археологических памятников // Слободской и слобожане : материалы IV науч.-практ. конф. Слободской, 2001. С. 63–68.

25. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии : материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М, 1893. 191 с.

26. *Слобожанин* О времени основания г. Слободского // ТВУАК. 1907. Вып. 1. Отд. III. С. 1–3.

27. *Соколова Н. Е.* Керамические технологии городов Прикамья XV – середина XIX вв.: проблемы формирования и модернизации // Вестник чувашского университета. № 4. 2008. С. 123–131.

28. *Стефанова И. И*. Отчет об археологической разведке 1961 г. // Архив Института археологии РАН. Ижевск, 1961.

29. Столетие Вятской губернии. 1780–1880 : сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1880. Т. 1. 505 с.

30. *Талицкая И. А*. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 27. 228 с.

31. *Тинский А. Г.* Деревянные клетские и шатровые церкви. // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1996. Т. 5. Архитектура. С. 35–42.

32. *Фахретдинов А. И*. Отчет об археологических разведках на территории Слободского, Юрьянского и Сунского районов Кировской области в 2017 г. // Архив КОГАУ «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Киров, 2018.

33. *Ярославцева Н. А.* Отчет о разведке на территории Кировского горсовета и в Слободском районе Кировской области, проведенных летом 1977 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ.

The study of the cultural layer of the XVII-XIX centuries during the archaeological work in 2009–2017

N. V. Vladimirov[1], A. V. Egorov[2]
[1]junior researcher of Kirov Regional State Autonomous Institution
"Research and production center for the protection of cultural heritage of the Kirov region".
Russia, Kirov. E-mail: nikolay.vladimirov.90@mail.ru
[2]scientific employee of Kirov Regional State Autonomous Institution
"Research and production center for the protection of cultural heritage of the Kirov region".
Russia, Kirov. E-mail: general882007@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the cultural layers of XVII–XIX centuries of the town Slobodskoy in 2009–2017. In the course of the work there were studied the late medieval layers of the town identified and four new archaeological monuments: "Cultural layer of the Western part of the town Slobodskoy, XVIII–XIX centuries", "The site of the cultural layer of the Eastern part of the town Slobodskoy, XVII–XIX centuries", "The site of the cultural layer of the Slobodsky Nativity of Christ convent of the XVII–XIX centuries" and "The site of the cultural layer of the Central part of Slobodskoy, XVIII–XIX centuries" were put under the protection. The carried out works allowed to exclude possible destruction of objects of archaeological heritage in the future and to develop actions for their preservation.

The research was also carried out by the Slobodskoy Nativity of Christ convent, on the territory of which the altar part of the Church of the Savior and the remains of the walls were revealed. The obtained information significantly supplements the information of written sources about the development of Slobodskoy during the XVII-XIX centuries and confirms the need for its further study.

Keywords: archaeological exploration, excavations, urban archaeology, Slobodskoy, late middle ages, monastery, altar part, cultural layer.

References

1. *Bezverhova L. B. Arhitekturno-planirovochnoe razvitie goroda Slobodskogo do serediny XIX veka* [Architectural and planning development of the city of Slobodskoy to the middle of the XIX century] // *Gorod Slobodskoj. Pyat' stoletij istorii: istoriko-statisticheskij sbornik* – Five centuries of history: a historical and statistical compendium]. Kirov. 2005. Pp. 349–360.

2. *Vereshchagin A. S. Otdannye v kormlenie v XVI v. vyatskie goroda* [Vyatka city given in feeding in the XVI century] // *TVUAK* – Proceedings of the Vyatka scientific archival commission. 1905. Issue 3. Dep. III. Pp. 79–89.

3. *Vereshchagin A. S. Po povodu predydushchej stat'i "Slobozhanina"* [About the previous article of "Slobozhanin" // *TVUAK* – Proceedings of the Vyatka scientific archival commission. 1907. Issue 1. Dep. III. Pp. 1–19.

4. *Volkov I. V. Chastnaya kollekciya "tureckih" kuritel'nyh trubok iz Moskvy* [Private collection of "Turkish" Smoking pipes from Moscow] // *Material'naya kul'tura Vostoka* – Material culture of the East. M. 1999. Pp. 226–252.

5. *Vyatskaya eparhiya: Istoriko-geograficheskoe i statisticheskoe opisanie* – Vyatka diocese: Historical, geographical and statistical description. Vyatka. 1912. 669 p.

6. *Glushkov K. N. Otchet ob arheologicheskoj razvedke na territorii Kirovskoj oblasti: gorodov Kirov, Slobodskoj, Kirovo-Chepeck, Yaranskogo, Malmyzhskogo rajonov za 2016 g.* [Report on archaeological exploration in the Kirov region: the cities of Kirov, Slobodskoy, Kirovo-Chepetsk, Yaransk, Malmyzh districts for 2016] // *Arhiv KOGAU "NPC po ohrane OKN Kirovskoj oblasti"* – Archive of Kirov regional state autonomous institution "SPC for the protection of objects of cultural heritage of the Kirov region." Kirov. 2016.

7. *Egorov A. V. Otchet ob arheologicheskoj razvedke po territorii Slobodskogo, Malmyzhskogo, Orichevskogo, Sovetskogo, Afanas'evskogo, Yaranskogo rajonov Kirovskoj oblasti i g. Kirova za 2015 g.* [Report on archaeological exploration on the territory of Slobodskoy, Malmyzh, Orichy, Sovetsk, Afanasyevo, Yaransk districts of Kirov region and Kirov for 2015] // *Arhiv KOGAU "NPC po ohrane OKN Kirovskoj oblasti"* – Archive of Kirov regional state autonomous institution "SPC for protection of objects of cultural heritage of Kirov region". Kirov. 2016.

8. *Kabatov S. A., Kurochkina S. A. Rybolovnyj inventar' sel'skogo naseleniya Kostromskogo Povolzh'ya (po materialam arheologicheskih issledovanij selishcha Vezhi)* [Fishing inventory of the rural population of the Kostroma Volga region (based on archaeological research of the village of Vezhi)]. Herald of KSU. 2017. No. 2. Pp. 12–19.

9. *Kryazhevskih A. L. Otchet ob arheologicheskoj razvedke po territorii Slobodskogo rajona Kirovskoj oblasti i Pervomajskogo rajona g. Kirova v 2009 g.* [Report on archaeological exploration on the territory of Slobodskoy district of Kirov region and Pervomaisky district of Kirov in 2009] // *Arhiv KOGAU "NPC po ohrane OKN Kirovskoj oblasti"* – Archive of Kirov regional state autonomous institution "SPC for protection of objects of cultural heritage of Kirov region". Kirov. 2010.

10. *Kryazhevskih A. L. Harakteristika kul'turnogo sloya Slobodskogo kremlya* [Characteristics of the cultural layer of the Slobodskoy Kremlin] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem : sb. materialov region. nauch.-prakt. konferencii, posvyashchennoj Godu rossijskoj istorii* – Vyatka land in the past and present: collection of materials of region. scient.- pract. conference dedicated to the Year of Russian history. Kirov. 2012. Pp. 220–224.

11. *Luppov P. N. Istoriya vyatskih sel* [The history of Vyatka villages] // *Enciklopediya zemli Vyatskoj* – The encyclopedia of Vyatka land. Kirov. 1995. Vol. 4. History. Pp. 138–182.

12. *Lychagina E. L., Sarapulov A. N. Orudiya rybolovnogo promysla na arheologicheskih pamyatnikah Chashkinskogo mikroregiona* [Tools of fishing on archaeological monuments of Chashka microregion] // *Samarskij nauchnyj vestnik* – Samara scientific herald. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 177–182.

13. *Mazurov A. B., Cepkin E. A. Rybolovnyj promysel v XII–XVIII vv. (po dannym raskopok v Kolomne)* [Fishing in the XII–XVIII centuries] (according to excavations in Kolomna) // *Rossijskaya arheologiya* – Russian archaeology. 2003. No. 4. Pp. 129–138.

14. *Makarov L. D. Otchet o razvedochnyh rabotah v Kotel'nichskom, Orichevskom i Slobodskom rajonah Kirovskoj oblasti, provedennyh letom 1984 g.* [Report on exploration works in Kotelnich, Orichy and Slobodskoy districts of the Kirov region, conducted in the summer of 1984] // *Fondy Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya pri UdGU* – Funds of the Institute of history and culture of the peoples of the Urals at UdSU. Izhevsk. 1984.

15. *Makarov L. D. Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah 1987 goda v Kirovskoj oblasti* [Report on archaeological research in 1987 in the Kirov region] // *Fondy Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya pri UdGU* – Funds of the Institute of history and culture of the peoples of the Urals at UdSU. Izhevsk. 1987.

16. *Makarov L. D. Russkie arheologicheskie pamyatniki v materialah Kamsko-Vyatskoj ekspedicii Udmurtskogo universiteta : hronika issledovanij* [Russian archaeological monuments in the materials of the Kama-Vyatka expedition of Udmurt University : chronicle of research] // *Issledovatel'skie tradicii v arheologii Prikam'ya* – Research traditions in the archaeology of the Kama region. Izhevsk. 2002. Pp. 128–228.

17. *Matveev R. V. Otchet ob arheologicheskih razvedkah na territorii g. Kirova i g. Slobodskogo Slobodskogo rajona Kirovskoj oblasti, a takzhe ob arheologicheskih raskopkah na territorii Hlynovskogo kremlya g. Kirova za 2015 g.* [Report on archaeological exploration in the territory of Kirov and town of Slobodskoy of Slobodskoy district of the Kirov region, as well as on archaeological excavations in the territory of the Khlynovsky Kremlin of Kirov in 2015] // *Arhiv KOGAU "NPC po ohrane OKN Kirovskoj oblasti"* – Archive Kirov regional state autonomous institution "SPC for the protection of the objects of cultural heritage of Kirov region". Kirov. 2016.

18. *Metelkina K. M. Kuritel'nye trubki konca XVIII–XIX vv. iz Shujskogo raskopa* [Smoking pipes of the late XVIII–XIX centuries from the Shuisky excavation] // *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* – Successes of modern natural science. 2012. No. 5. Pp. 17–18.

19. *Mihajlova E. R., Kuz'min S. L., Sobolev V. Yu., Glybin V. A. Peterburg: istoricheskie landshafty i arheologicheskoe nasledie : trudy Sankt-Peterburgskoj arheologicheskoj ekspedicii SPbGU* [Petersburg: historical land-

scapes and archaeological heritage : proceedings of the St. Petersburg archaeological expedition of St. Petersburg State University]. Vol. 1. SPb. 2005. Pp. 69–87.

20. *Nizov V. V. Drevnejshie izvestiya o vyatskom gorode Slobodskom : materialy I nauchno-prakticheskoj konferencii* [The oldest news about the town of Slobodskoy in Vyatka : materials of the first scientific-practical conference]. Slobodskoy. 1995. Pp. 3–16.

21. *Polyulyah A. A. Fayansovye izdeliya zavodov Ya. T. i S. T. Fartal'nyh* [Faience products of factories of J. T. and S. T. Fartalnye] // Archaeology of the Moscow region : materials of scientific seminar. Issue 3. M. 2007. Pp. 299–312.

22. *Rabinovich M. G. Raskopki 1946–1947 gg. v Moskve na ust'e Yauzy : materialy i issledovaniya po arheologii Moskvy* [Excavations 1946–1947 in Moscow at the mouth of the Yauza : materials and research on the archaeology of Moscow]. Vol. II. No. 12. M.-L. 1949. Pp. 5–43.

23. *Sennikova L. A. Zahoroneniya pozdnego srednevekov'ya na Vyatskoj zemle* [Burials of the late middle ages on Vyatka land] // *Muzei-hraniteli kul'turnogo naslediya : materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf.* – Museums-keepers of cultural heritage: materials of Inter-region. scient.- pract. conf. Kirov. 2009. Pp. 145–154.

24. *Sennikova L. A. Topografiya arheologicheskih pamyatnikov* [Topography of archaeological monuments] // *Slobodskoj i slobozhane : materialy IV nauch.-prakt. konf.* – Town of Slobodskoy and Slobodskoy citizens : proceedings of the IV scientific- pract. conf. Slobodskoy. 2001. Pp. 63–68.

25. *Spicyn A. A. Priural'skij kraj. Arheologicheskie razyskaniya o drevnejshih obitatelyah Vyatskoj gubernii : materialy po arheologii Vostochnyh gubernij Rossii* [Ural region. Archaeological research on the ancient inhabitants of Vyatka province : materials on the archaeology of the Eastern provinces of Russia]. Issue 1. M. 1893. 191 p.

26. *Slobozhanin O vremeni osnovaniya g. Slobodskogo* [About the time of the foundation of the town of Slobodskoy] // Proceedings of Vyatka scientific academic committee. 1907. Issue 1. Dep. III. Pp. 1–3.

27. *Sokolova N. E. Keramicheskie tekhnologii gorodov Prikam'ya XV – seredina XIX vv.: problemy formirovaniya i modernizacii* [Ceramic technologies of the cities of the Kama region XV–mid XIX centuries: problems of formation and modernization] // *Vestnik chuvashskogo universiteta* – Herald of Chuvash University. No. 4. 2008. Pp. 123–131.

28. *Stefanova I. I. Otchet ob arheologicheskoj razvedke 1961 g.* [Report on archaeological exploration in 1961] // *Arhiv Instituta arheologii RAN* – Archive of the Institute of archaeology of RAS. Izhevsk. 1961.

29. *Stoletie Vyatskoj gubernii. 1780–1880 : sbornik materialov k istorii Vyatskogo kraya* – Centenary of Vyatka province. 1780–1880 : collection of materials to the history of Vyatka region. Vyatka. 1880. Vol. 1. 505 p.

30. *Talickaya I. A. Materialy k arheologicheskoj karte bassejna r. Kamy* [Materials to the archaeological map of the Kama river basin] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* – Materials and research on archaeology of the USSR. M. 1952. No. 27. 228 p.

31. *Tinskij A. G. Derevyannye kletskie i shatrovye cerkvi* [Wood kletsk and steepled churches] // *Enciklopediya zemli Vyatskoj* – The encyclopedia of Vyatka land. Kirov. 1996. Vol. 5. Architecture. Pp. 35–42.

32. *Fahretdinov A. I. Otchet ob arheologicheskih razvedkah na territorii Slobodskogo, Yur'yanskogo i Sunskogo rajonov Kirovskoj oblasti v 2017 g.* [Report on archaeological exploration on the territory of Slobodskoy, Yaryansk and Suna districts of the Kirov region in 2017] // *Arhiv KOGAU "NPC po ohrane OKN Kirovskoj oblasti"* – Archive of Kirov regional state autonomous organization "SPC for protection of objects of cultural heritage of the Kirov region". Kirov. 2018.

33. *Yaroslavceva N. A. Otchet o razvedke na territorii Kirovskogo gorsoveta i v Slobodskom rajone Kirovskoj oblasti, provedennyh letom 1977 g.* [Report on exploration on the territory of the Kirov city Council and in the Slobodskoy district of the Kirov region, held in the summer of 1977] // *Fondy Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya pri UdGU* – Funds of the Institute of history and culture of the peoples of the Urals at UdSU.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.006.35(2) DOI 10.25730/VSU.2070.19.010

Эволюция лингвокультурных маркеров немецкой языковой идентичности на полуострове Крым*

В. М. Бухаров[1], О. В. Байкова[2], О. Н. Обухова[3]
[1]доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: vbuharov@hse.ru
[2]доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-4859-8553. E-mail: olga-baykova@yandex.ru
[3]кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: Obuchova.75@mail.ru

Аннотация. В современных лингвистических исследованиях особое внимание уделяется не только вопросам функционирования языков больших лингвосоциумов, но и наблюдается обращение к языкам и диалектам малых народностей, что связано с озабоченностью их возможной утраты в результате усиления давления глобальных языков, обслуживающих надрегиональную коммуникацию.

В настоящей работе впервые описывается языковое сообщество немцев Крыма, которое также подвергалось языковой ассимиляции. Изучение языковой ситуации в Крыму свидетельствует о том, что уцелевшие потомки крымских немцев ради самосохранения фактически утратили свою немецкую идентичность и практически ассимилировались в южнороссийский этнос. Попытки поддержания немецких этнических традиций и обычаев еще не являются свидетельством существования языка как функционирующего средства коммуникации. Для доказательства этого обстоятельства требуется более широкое документирование истории и сведений о немецком языке этого региона, пока для этого еще существуют возможности. Таким образом, целью данной работы является анализ немецкой языковой идентичности с точки зрения исследования лингвокультурных маркеров, а именно истории этноса, вопросов вероисповедания, культуры и сферы использования родного языка.

Необходимо отметить, что детальное исследование немецких колоний Крыма началось по инициативе профессора В. М. Жирмунского в 1920-х годах XX века. Все процессы развития немецкого языка как средства общения немецкого населения в СССР и изучение этих процессов прервались в конце 30-х годов прошлого века в связи с принудительным переселением крымских немцев в спецпоселения трудармии. Все это разрывало межличностные, семейные, хозяйственные, культурные связи. В результате образование и культура были разрушены. На их место пришла религия как компенсация культурно-образовательных ценностей. Все это имело следствием сохранение старшим поколением единственного культурного наследия – фольклора в виде народных песен, сказок, стихов.

Однако после потрясений XX-го века систематизация культурного наследия немцев Крыма является важной, но трудно выполнимой задачей. До 90-х годов прошлого столетия культура немецких переселенцев не была даже представлена в этнографическом музее народов Крыма. Для восполнения этого пробела требуется не только сбор сохранившихся артефактов, но и их реконструкция на основе имеющихся лингвистических данных, прежде всего, с помощью результатов диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского.

Данная статья может быть интересна исследователям в области социолингвистики, немецкой островной диалектологии.

Ключевые слова: немецкие колонии в Крыму, вероисповедание, школа, культура, язык.

Островные диалекты в полицентрических языках

В современных лингвистических исследованиях пристальное внимание уделяется не только вопросам функционирования языков больших лингвосоциумов. Наряду с этим наблюдается обращение к языкам и диалектам малых народностей, что связано с озабоченностью

* Статья печатается при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00015а «Система этнокультурных маркеров в традиционных культурах малых народов Крыма»
© Бухаров В. М., Байкова О. В., Обухова О. Н., 2019

их возможной утратой в результате усиления давления глобальных языков, обслуживающих надрегиональную коммуникацию. Следствием этого давления является уход местных языков из многих сфер общения, прежде всего официальных, таких как политика, образование, наука, СМИ и др. Функциональная ограниченность языков может привести к их полному вытеснению и отмиранию. Умирающие языки начинают все меньше использоваться внутри языкового сообщества, а их функции переходят к другим, доминирующим в регионе языкам. Сфера употребления умирающего языка может сократиться до одной единственной, как, например, *Геэз* (ge'ez) – древний семитский язык, употреблявшийся в Эфиопии, сохранился там только как литургический язык эфиопских христиан [5].

Отмирание языков малых народов может иметь не только лингвистические, но и геополитические последствия и привлекает поэтому внимание и лингвистов, и политиков. В качестве примера можно привести исследовательский проект ЮНЕСКО, посвященный критериям, определяющим статус малых языков и перспективы их выживания [4; 21]. Функционирование языков малых народов или *малых языков* ограничено узкими рамками исторически закрепленной за ними территории распространения, как в случае, например, с языками народов Северного Кавказа, Полинезии и т. п. Для таких языков характерно сужение функциональной сферы, поскольку они не могут обслуживать потребности коммуникации, выходящие за пределы ограниченного региона. Общую тенденцию их развития можно обозначить одним словом – угасание, о чем свидетельствуют данные статистики ЮНЕСКО.

Немецкий язык тем не менее остается общепризнанным примером полицентрического языка, центры которого сформировались, однако, в том виде, как они существуют сейчас не вследствие его перенесения в другие регионы, а на основе сближения многочисленных системно гетерогенных диалектов. Структурирование диалектных центров шло параллельно с государственным строительством и в силу большой раздробленности не завершилось созданием единого языка как языка единой нации. Неслучайно это отражается и в названии языка *Deutsch*, т. е. народный язык (diutisca zunga) без указания на название народа или территории распространения (*русский, японский, новозеландский* и т. п.). Формирование языковых центров шло как вокруг столиц княжеств, так и в торгово-промышленных регионах, таких как, например, Лейпциг. Создание национальных государств (Германии, Австрии, Швейцарии), а также вхождение отдельных территорий в другие государства, например, Люксембург, привело к формированию вариантов немецкого языка, получивших название национальных [см., например, 8]. Основным свойством полицентрических языков является то обстоятельство, что они выполняют все коммуникативные функции во всех сферах общения в местах своего распространения.

Традиционно описываемые национальные варианты немецкого языка не являются, однако, структурно однородными, имеющими одинаковую значимость на соответствующей территории распространения. Их можно рассматривать как субстандарты с региональным дроблением. Региональный характер таких языковых форм связан с тем, что в национальных государствах сохраняются как фактические наблюдаемые языковые различия, образующие «региональные языки» (regionale Sprachen), так и ментальные представления об их границах в сознании населения (mentale Dialekte) [19]. В основе региональных языков лежат исторические диалектные области нижне-, средне- и верхненемецких диалектов, и поэтому границы региональных языков, особенно в пограничных частях Баварии, Австрии и Швейцарии, могут не совпадать с государственными.

Важной особенностью немецкого языка являются формы языка за пределами европейского ареала, как их называют языковые или чаще – диалектные острова. Их появление не связано с развитием государственности титульной нации какой-либо территории. Они появились либо в связи с военными действиями, либо по причине экономических переселений различных групп населения. Наиболее ярким примером таких диалектных островов являются немецкие диалекты в восточной Европе и Азии. Германия периода начала массовой волны переселения в Россию во время царствования Екатерины II была в лингвистическом отношении невероятно раздробленной, и поэтому носители далеких друг от друга в языковом отношении диалектов могли оказаться рядом на одной или смежных территориях. Переселенцы руководствовались при выборе места поселения не диалектом соседей, а хозяйственными интересами. В результате на территориях, заселяемых немецкими переселенцами, начинался сложный процесс установления контактов языков и культур: во-первых, это интернемецкие междиалектные контакты, во-вторых, контакты немецкого и русского населения – основного

населения России в большинстве мест расселения немецких колонистов и, наконец, в ряде регионов контакты с малыми народами, проживающими там вместе с русскими. Контакты народов – это, прежде всего, контакты культур, самобытность которых, как известно, отражается в языке, а это свидетельствует о важной значимости этнокультурных фактов для изучения языков в условиях полиязычного сообщества, включающего в себя диалектные и/или языковые острова.

Изучение немецких островных диалектов имеет давнюю традицию. Объектом изучения являлись исторические места поселений немцев, прежде всего на юго-западе Украины, в Крыму и в Поволжье. Итогом этого можно считать становление российской (советской) школы диалектологии, заслуга создания которой принадлежит, прежде всего, В. М. Жирмунскому. Следующая волна научного интереса к судьбе немецких диалектных островов связана с изучением их состояния и функционирования после депортации во время Второй мировой войны в Сибирь и Казахстан и некоторые другие регионы на востоке страны. Особое место в этом ряду занимают диалекты немецких поселенцев в Кировской области, которые пережили двойное переселение: депортацию из мест постоянного проживания, а затем вторичное переселение для работы в так называемой «трудармии» на лесоповале в Вятке [подробнее см. 4].

Меньше описано стоящее особняком языковое сообщество немцев Крыма. Оно также подвергалось ассимиляции, пережило репрессии, депортации во время Второй мировой войны, изменения государственной принадлежности и социального строя. На сегодняшний день неясен сам факт существования языкового сообщества немцев Крыма, а следовательно, и их языка, согласно критериям ЮНЕСКО.

Рассмотрение языковой ситуации в Крыму свидетельствует о том, что уцелевшие потомки крымских немцев ради самосохранения фактически утратили свою немецкую идентичность и практически ассимилировались в южнороссийский этнос. Попытки поддержания немецких этнических традиций и обычаев еще не являются свидетельством существования языка как функционирующего средства коммуникации. Для доказательства этого обстоятельства требуется более широкое документирование истории и сведений о немецком языке этого региона, пока для этого еще существуют возможности. В основе решения статуса языка или диалекта должны находиться факты его функционирования и связанные с этим обстоятельства, другими словами – этнокультурные маркеры языковой общности. К ним можно отнести историю этноса или его части, вопросы вероисповедания, культуры и сферы использования языка.

История распространения немецкого языка в Крыму

Свою историю немецкие поселенцы в России ведут с середины X века н. э., когда княгиня Ольга (945–964) пыталась наладить дипломатические отношения с Оттоном Великим (912–973). В 957 году княгиня посетила Константинополь, где приняла христианство, а позднее, через два года, попросила германского короля Оттона Великого о направлении в Киев христианских миссионеров. По указанию короля монах Адальберт из монастыря святого Максимилиана в Трире был возведен в сан «епископа русских» [7, с. 13]. Впоследствии князь Ярослав Мудрый (1010–1034) налаживал тесные связи с немецкими высокопоставленными домами для того, чтобы найти своим сыновьям богатых немецких невест [20, с. 27]. В годы правления Ивана III (1462–1505) число немцев, переселившихся в Россию, значительно увеличилось. Многие из них благодаря знанию военного искусства, секретов личных ремесел помогали русскому народу в подготовке и избавлению от татаро-монгольского ига.

По свидетельству Н. М. Карамзина, агенты Петра I (1689–1725) разъезжали по всей Европе и приглашали на российскую службу военных и моряков, корабелов и гидротехников, инженеров, строителей, архитекторов. Чтобы сделать эти приглашения более привлекательными, Петр I своим манифестом от 16 апреля 1702 года среди прочего гарантировал иностранцам свободу совести и вероисповедания. Им давалось право публично проводить богослужения со всеми таинствами и обрядами и строить собственные церкви [7, с. 24].

Первыми представителями германских племен в Крыму были готы, переселившиеся сюда еще в III веке. Однако они смешались с крымскими народами и потеряли свои национальные особенности [20, с. 35–39]. Лишь спустя полторы тысячи лет началась волна переселения немцев в Крым.

Основной приток иностранцев в Россию, в том числе и в Крым, начался во время правления Екатерины II. 8 апреля 1783 года Европа была уведомлена о подписании Императрицей Екатериной II манифеста «О принятии полуострова Крымского, полуострова Тамани и всей

кубанской стороны под свою державу». 20 февраля 1804 года правительство издало манифест, который предусматривал переселение «…исключительно хороших земледельцев, скотоводов, садоводов, а равно мастеровых, полезных и сельскому быту, если каждый из них имеет в наличном капитале или в товарах не менее 300 гульденов» [7, с. 24].

После победы над Турцией, а также присоединения Северного Причерноморья и Крыма России нужны были новые колонисты для освоения этих обширных, малозаселенных территорий. Большое значение немецкой колонизации этих территорий, получивших название Новороссии, имела деятельность князя Г. А. Потемкина. В 1786 году он направил в германские государства специального уполномоченного российского правительства Георга Траппе как агента по вербовке колонистов в Новороссийский край. Колонизация конца XVIII – начала XIX века стимулировала приток на эти территории немецких и меннонитских переселенцев и появление там их земледельческих колоний. Обустроившись на новых землях, приняв гражданство Российской империи, переселенцы становились составной частью местного населения. С 1787 года начинается переселение в эти места меннонитов из окрестностей Данцига и других регионов Германии, непрерывно продолжавшееся в течение 30 лет. Документально переселение меннонитов в Россию было оформлено губернатором Новороссии князем Г. А. Потемкиным в 1787 году. Он руководил быстрым и успешным заселением Новороссии и Крыма, где возникло много важных городов и портов: Херсон, Екатеринослав, Николаев, Симферополь, Севастополь и др., а также множество селений, куда приглашались колонисты. Всем колониям был отведен в «вечное пользование» надел земли, величина которого составляла от 30 до 65 десятин на каждое семейство [7].

Переселившись в Крым, немцы внесли большой вклад в развитие сельского хозяйства края. За основу хозяйствования ими была взята система, распространенная в Германии, а затем приспособленная к местным условиям. Существенная роль в ней отводилась животноводству, виноградарству и виноделию, а также развитию перерабатывающей промышленности. Наряду с мукомольной, кожевенной, деревообрабатывающей, пищевой и другими видами промышленности важное место заняло производство сельскохозяйственной техники (завод «Лепп и Вальман»). Таким образом, надежды правительства России на немцев в области «улучшения экономики края» были оправданы.

Первые семь немецких колоний были официально зарегистрированы в 1805 г., три из них располагались в Симферопольском и четыре – в Феодосийском уездах. Предки крымских немцев были выходцами из разных земель Германии: Вюртемберга, Бадена, Нассау, Пфальца, Швабии, Эльзаса, Баварии, а также из Швейцарии и Австрии. Это были в основном люди, достигшие высокого положения: инженеры и математики, торговцы и гувернеры, миссионеры и офицеры, сыровары и часовщики. Во времена царствования императора Александра I по его приглашению в Крым прибыли 50 семей из немецкой Швейцарии (кантона Цюрих). Это были уже в основном обедневшие крестьяне и ремесленники, пострадавшие от экономического кризиса в Европе, а также не желавшие сражаться в армии Наполеона. В 1804–1805 годах переселенцы из Цюрихского кантона Швейцарии, Вюртемберга и Бадена образовали колонии в Судаке, Отузах (ныне поселок Щебетовка Феодосийского района), Цюрихталь (ныне село Золотое поле Кировского района), Гейльбрун (ныне село Приветное Кировского района), Герценберг (ныне село Пионерское Феодосийского района), Фриденталь (ныне село Курортное Белогорского района), Нейзац (ныне село Красногорское Белогорского района), Розенталь (ныне село Ароматное Белогорского района). В 1811 году была основана колония Кроненталь (ныне село Кольчугино Симферопольского района). По данным 1824 года в этих колониях проживали 1630 человек. Это были так называемые «материнские колонии», выходцы из которых впоследствии стали переселяться в другие населенные пункты или основывать новые «дочерние колонии». Немецкие поселенцы селились также в крупных городах Крыма, где занимались ремесленным производством и торговлей. В 1865 г. этнические немцы проживали уже в 45 населенных пунктах. По данным переписи населения 1897 г. их численность составляла 31 950 человек [см. материалы 16, с. 333–335].

По наблюдениям путешественников той поры, селения немцев один в один напоминали деревни, расположенные по берегам Рейна, и очень сильно отличались от других крымских деревень зажиточностью, благоустроенностью и аккуратностью. В домах – чистота, опрятность, типичное для немецких сельских жилищ разнообразие мебели и нередко наличие музыкальных инструментов.

XX-е столетие – это, прежде всего, Первая и Вторая мировые войны, революция и гражданская война. Все это принесло с собой большие проблемы в жизнь немецкой общины в

Крыму. Войны были связаны с исторической родиной крымских немцев, и поэтому политиками им отводилась роль форпоста или пятой колонны Германии. Российская Государственная дума призывала в 1914 году смотреть на немецкое население как на верноподданных государства, что они и подтверждали как на полях сражений, так и в тылу, оказывая помощь русской армии. Однако в то же время готовился Закон о землепользовании и, в частности, о «Ликвидации немецкого землепользования в России». Закон вступил в действие в 1915 году, и это положило начало процессу ликвидации немецкого этноса в Крыму.

Революция 1917 года, гражданская война и особенно принудительная коллективизация, которая приравняла зажиточных крестьян – большинство немецкого населения – к классу эксплуататоров, то есть фактически приговорила их к уничтожению. Этот процесс принял катастрофические размеры в сороковые годы вместе с началом Второй мировой войны.

Роль церкви в объединении переселенцев и их диалектов

Вопрос вероисповедания является исключительно важным для развития многонациональных сообществ, особенно если они формируются на территории с исторической религиозной доминантой. В случае Крыма исторические местные религии – это православие русского населения и ислам крымских татар. Основные религиозные контакты немецких колонистов были с христианским православным населением, религиозно-культурные модели которых во многом совпадали и были им близки. Небольшая часть немецких переселенцев была католической, но в большинстве случаев они были протестантами. Это обстоятельство имеет, кроме всего прочего, важное лингвистическое значение, поскольку протестантская церковь практиковала богослужение на немецком языке и дополняла тем самым деятельность школы по распространению наддиалектных форм языка.

Несмотря на существенные этнические различия, особенно с крымскотатарским населением, каких-либо проблем национального характера в Крыму не наблюдалось, потому что отсутствовала главная причина таких проблем – экспансия культуры переселенцев. Свидетельством этому является то обстоятельство, что история контактов немецких колоний и соседствовавших с ними поселений других народов не знает конфликтов на этнической почве. Длительное соседство русских и немецких переселенцев обусловило становление межкультурной общности, целью которой было сохранение этнического самосознания на фоне интенсивного хозяйственного и бытового сосуществования.

Не следует, однако, преувеличивать роль вероисповедания в формировании немецкой общины в Крыму как части единого этноса. Довольно большую группу немецких колонистов в Новороссии, в том числе и в Таврической губернии составляли меннониты, переехавшие сюда с первыми переселенцами. Они не поддерживали отношений с другими поселенцами именно из религиозных убеждений.

Не было единства и в среде самих меннонитов, секта которых возникла в Нидерландах. У истоков ее стоял Менно Симон. Меннониты отрицали необходимость государства. Обряд крещения они совершали только над взрослыми, истинно, с их точки зрения, верующими. Культовые обряды меннонитов носили упрощенный характер. Храмы у них заменяли молитвенные дома с обширными помещениями без всякого убранства. Духовные старшины и проповедники исполняли свои обязанности безвозмездно. Вскоре после своего возникновения секта меннонитов разделилась на два толка: фрисландский и фламандский. Отличия между ними были незначительными. После переселения на юг России и в Крым среди меннонитов возникло еще несколько толков. Наиболее значительными из них были вюстизм и гюпферство.

Основателем первого толка был бывший лютеранский пастор Эдуард Вюст, который создал сепаратистскую общину. На основе вюстизма возникло гюпферство. Его представители считали проповедь своего учения святым душеспасительным делом. Гюпферы отвергали духовное общение не только с неверующими, но и с теми, кого считали согрешившими и нераскаявшимися. В отличие от других течений гюпферы проводили ночные моления, заканчивавшиеся шумным весельем, плясками, пением. Они пропагандировали свое учение среди окрестного населения, старались приобщить к нему православных.

Иногда гюпферов безосновательно обвиняли в крайнем фанатизме, доходящем до наказания смертью за малейшие прегрешения. Приписывали им и стремление к общественной собственности на имущество и к многоженству. Сами гюпферы против подобных обвинений возражали. Важной чертой их учения была обязательная помощь бедным и неимущим.

От секты меннонитов в Крыму в 1882 г. отделились лица, которые называли себя последователями истинной христианской веры – апостольские христиане. Основоположником

этого толка был Герман Петерс. Последователи этой секты, по утверждению ее основателя, подчинялись только «святой воле спасителя». Однако было это не совсем так: Герман Петерс предписал им также повиноваться начальству, якобы установленному самим богом, и всем его распоряжениям. Тем не менее крымские апостольские христиане в 1894 г. отказались присягнуть новому царю – Николаю II, нарушив тем самым заповедь Германа Петерса. В связи с этим местными властями было проведено расследование.

Апостольским христианам запрещалось занимать любые административные должности, предписывалось вести безукоризненный в нравственном отношении образ жизни. Последователи Германа Петерса безропотно, как наказание от бога, воспринимали и прощали все нанесенные им обиды. Доходило до того, что они даже не защищали свою жизнь от разбойников, а свое имущество от грабителей.

Апостольских христиан среди крымских немцев было сравнительно немного. В 1894 г. в Перекопском уезде, в селении Темир-Булат, их насчитывалось всего 17 семей. 12 последователей Германа Петерса жили в Евпаторийском уезде. Они гордились тем, что им удалось приобщить к своему учению крестьянку-украинку.

В России меннониты получили освобождение от воинской службы, поскольку это противоречило их вере, и после того, как в 1874 году они были лишены этого права, почти все эмигрировали в Америку. Из одной только Таврической губернии выехали свыше 900 семей меннонитов. В августе 1911 г. состоялся съезд меннонитов Таврической губернии, в работе которого участвовало 147 делегатов от 41 крымской общины. На съезде были рассмотрены вопросы о меннонитских общинах, о немецких училищах, о препятствиях к вступлению в брак, о направлении меннонитов за границу для получения церковного образования, о содействии британскому обществу меннонитов [12]. То есть это были те же проблемы, что и в раннем периоде заселения Крыма немцами: разобщенность общин на почве раскола верования, препятствие бракам с «иноверцами», стремление к установлению связей с единомышленниками за рубежом, а не с окружающим населением. Таким образом, церковь и разобщенность вероисповедания немецких переселенцев вряд ли имели особое значение для сплочения немецкой этнической общности в Крыму, как это было с православием в России.

Школа как условие сохранения языка

Из истории немецкого языка известно, что школа и образование наряду с другими социально-экономическими факторами явились импульсом для запуска процессов сближения диалектов и становления норм немецкого языка как языка надрегионального общения. Основная часть немецких переселенцев приехала в Россию в XVIII – начале XIX века, т. е. в период активного формирования национальных вариантов немецкого языка у себя на родине. Однако жизнь крестьян, которые составляли основную массу переселенцев, проходила в регионах с их диалектами, в которых наддиалектные формы языка еще только начинали проникать в деревни, тем более что церковь не была единой и не везде способствовала этому процессу. Переселение в Россию происходило группами крестьян из разных диалектных регионов, что само по себе воздвигало те или иные барьеры для общения, к которым прибавлялись сложности коммуникации в иноязычном окружении. В Крыму это был не только русский, но и крымскотатарский язык. Переселенцы ощущали потребность в сохранении родного языка, что стимулировало развитие школьного образования.

Уже в начале XIX-го века в немецких колониях существовали национальные немецкие школы и училища, которые были хорошо материально обеспечены. Преподаватели стремились сохранить национальный язык и культуру. Среди колонистов почти не было неграмотных. Практически каждый поселок имел собственную общественную школу, которая содержалась на средства сельского общества. Школы имели церковно-религиозный характер и часто совмещались с молитвенными домами, что соответствовало немецкой традиции создания школ в XVIII веке при церквях и монастырях. Учились не только мальчики, но и девочки, которые в конце XIX века составляли почти половину всех учащихся. Обязательными для изучения были русский язык, русская литература и история. Это обстоятельство определялось необходимостью установления контакта и адаптации с русскоязычным окружением как в быту, так и в сфере официального общения.

Преобразования, произошедшие в конце XIX – начале XX в. в школах немецких поселений, не изменили их религиозной направленности. Преобладали начальные школы, в которых дети получали элементарное образование. Были также училища, где готовились преподаватели для начальных школ и писари. Так, например, в 1877 году в Крыму, в Симферополь-

ском уезде, открылось Нейзацкое центральное училище по подготовке учителей начальных классов для немецких колоний и сельских писарей, знающих русский язык [12]. В этих школах и училищах обучались только немцы, поскольку немецкий язык был одним из языков обучения, а не иностранным языком как учебным предметом. Известный статистик К. А. Вернер отмечал, что наибольший процент учащихся Крыма приходился на волости с немецким поселением. Они составляли от 20% до трети всех обучающихся [6, с. 66–67]. Половина немецких мужчин и треть женщин умели писать и читать по-русски, что было обусловлено спецификой жизни в рамках языковых островов и системой образования. Немецкое население выписывало до Первой мировой войны немало различных газет и журналов, преимущественно из Германии. Таким образом, в Крыму до начала XX-го века были все условия для сохранения немецкого языка как средства коммуникации и передачи его новому поколению.

Современная ситуация с немецким языком в школах Крыма и других немецких диалектных островах существенно отличается от той, что была до сороковых годов прошлого столетия. В соответствии с Федеральным законом «О языках народов российской федерации» ФЗ N 1807-1 государство обязано создавать условия «для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами» [17, ст. 6; см. также 18]. Однако действие этой статьи распространяется фактически только на коренное население с распространенными языками, которое проживает достаточно плотно на определенных административных территориях. В ряде случаев преподавание организуется на родном языке за пределами административного образования, например, татарском или башкирском, мордовском и некоторых других языках. Около 50 языков изучаются в РФ в качестве учебных предметов, но редко в выпускных классах.

Немецкий язык больше не является языком обучения в бывших и настоящих регионах распространения немецкого языка (диалектов), там, где они еще сохранились. Как учебный предмет он остался в России лишь в небольшом количестве школ с углубленным преподаванием ряда дисциплин, чаще всего не во всех классах, а лишь в дополнение к английскому языку или как второй иностранный. Видимо, организаторы образования и учителя немецкого языка уже не ожидают изменения в системе преподавания иностранных языков и выдвинули обращение к родителям учеников: выбирайте немецкий – первый второй язык! Дополнительной возможностью изучения немецкого языка являются различные платные школы и курсы. Естественно, сложившаяся ситуация не способствует сохранению немецкого языка этнических немцев в России и передаче его от поколения к поколению. В лучшем случае это возможность для желающих соприкоснуться с немецким языком. Возможность использования немецкоязычных сайтов интернета не меняет ситуацию. Чтобы пользоваться этими сайтами, необходимо знание и владение немецким языком – получается замкнутый круг. Немецкоязычным интернетом пользуются те, кто профессионально владеет немецким языком, а это не обязательно этнические немцы. Даже сайт общественной организации Региональной немецкой национально-культурной автономии Республики Крым «Видергебурт» оформляется на русском языке за исключением отдельных редких перепечаток из немецкой прессы. Мы специально сохранили оригинальный вариант транслитерации названия сайта «Возрождение» на немецкий язык – http://deutsche-krim.ru.

Культурные традиции в условиях языкового острова

Культура, вне всякого сомнения, является одним из важнейших параметров этнической идентичности. Сохранение культурных традиций предполагает сохранение языка, пусть даже в ограниченных функциональных рамках. Однако сужение сфер использования языка, особенно в условиях смешения различных народов, как это наблюдается в языковых или диалектных островах, приводит к тому, что культура во многих случаях сводится к фольклору, предназначенному по большей части к презентации факта существования народа. Литература и СМИ на родном языке как главные трансляторы культуры при этом не развиваются, а сами языки становятся «символической ценностью». Это говорит о том, что языки и культуры это две стороны одной лингвокультурной сущности. Нарушение любой из них ведет к угасанию другой. Такой вывод напрашивается при рассмотрении работ, посвященных возникновению языка этноса. Это положение заложено и в основу так называемой кросс- или межкультурной коммуникации: без понимания культуры, традиций, обычаев другого народа полноценное общение невозможно, равно как и понимание иной культуры невозможно без знания языка. Это хорошо просматривается в функционировании языка переселенцев в рамках языкового острова. При этом пе-

ред жителями такого острова стоят как минимум две задачи: овладеть языком и принять культуру окружения, с одной стороны, и с другой – не потерять себя.

История приводит массу примеров растворения языков и культур под влиянием завоевателей, а иногда и наоборот, как это было, например, с германцами в конце V – начале VI вв. в северной Галлии, от языка которых сохранилось лишь название нового образования Frankenrihi (Frankreich) – королевство франков. Жители немецких языковых островов, попав в иноязыковое и инокультурное окружение, были вынуждены уделять особое внимание образованию на родном языке, своей религии и культуре, чтобы не раствориться в окружении, особенно на этапе первичного переселения из-за отсутствия связи с исторической родиной. Это им успешно удавалось до 30-х годов прошлого столетия.

Советская власть в первые годы своего существования не препятствовала культурной и, отчасти, административной автономии. В Республике немцев Поволжья издавались на немецком языке газеты, было радио, работал немецкий театр, но все это осложнилось и прекратилось в связи с началом процесса так называемой интернационализации. Из библиотек, собиравшихся многие десятилетия, была изъята художественная, сельскохозяйственная, религиозная и другая литература на немецком языке, уничтожалась письменная память народа. В 1937 г. были закрыты немецкие школы в Крыму. Борьба с религией привела к тому, что приходы Нейзацкий, Цюрихтальский, Нейманский, Бютенский и Джемелский были национализированы. Молитвенные дома закрывались, запрещалось проводить богослужения. В них разместились ревкомы, избы-читальни и клубы. Оставшиеся передавались немецким общинам в аренду, хотя были построены на средства колонистов. Значительная часть колонистов лишилась избирательного права. В 1929–1930 гг. Крымиздатом было издано на немецком языке 4 наименования книг, на крымскотатарском – 168, на крымчакском – 4, греческом – 1.

Язык как связующее звено этноса

Этническое самосознание обеспечивается, прежде всего, широким функциональным спектром использования родного языка, сохранение которого является одной из важнейших задач полинационального общества, возникшего в результате смешения коренного населения – русского и крымско-татарского – и переселенцев из Германии и других стран немецкоязычного ареала.

Термин «язык» применительно к речи крымско-немецких колонистов употребляется скорее в бытовом, чем в лингвистическом значении. С точки зрения истории немецкого языка начало массового переселения – вторая половина XVIII-го века – приходится на период становления грамматических норм, имеющих общенациональную значимость. Однако этот процесс идет неравномерно в разных регионах немецкого ареала и касается, прежде всего, сферы литературы, науки и культуры. Он не затрагивает широких масс населения, особенно сельского, общение которых осуществляется на основе диалектов. Нормализация и стандартизация произношения еще больше века будет отсутствовать. С учетом этого под языком немецких колонистов Крыма следует понимать диалекты в устной форме, которые были средством общения на исторической родине.

Диалектами колонисты пользовались в ежедневном общении с семьей и односельчанами. Каждая колония говорила преимущественно на диалекте, вывезенном из Германии, однако в зависимости от условий расселения обнаруживалась большая пестрота в распространении диалектов: в одном селе, например, мог быть представлен южнонемецкий швабский, а в соседнем – нижненемецкий или какой-либо другой диалект. Учитывая то обстоятельство, что большинство переселенцев первой волны не владели нормами национального языка, у них не было наддиалектного языка посредника. В результате происходило смешение двух-трех и даже более диалектов, не обязательно близких по своим системным характеристикам. Таким образом формировалась новая форма наддиалектного немецкого языка, не имевшая ни кодификации, ни описания своей специфики. Становление этой формы языка следует отличать от процесса развития диалектов на фоне формирования национальных немецких языков в основном ареале. Там появлялись из нескольких рядом расположенных узколокальных диалектов практически каждого села или поселка так называемые новые диалекты, отвечающие новым потребностям общества, связанным с ростом городов и промышленности.

Наддиалектные формы немецкого языка колонистов нельзя считать ни классическими диалектами, ни новыми диалектами или региональными наречиями, скорее всего, их можно определить как говоры, или «mundarten». Все колониальные диалекты или говоры являлись в различной степени смешанными, поскольку в каждой колонии были переселенцы из различ-

ных мест. При этом в некоторых колониях произошло почти полное поглощение одного диалекта другим, за исключением каких-либо незначительных реликтов. В других, напротив, продукт смешения не совпадал полностью ни с одним из известных на исторической родине диалектов.

Второй особенностью немецкого языка крымских колонистов было то, что немецкие говоры вступали в активные контакты с русским языком, проникавшим через постоянное непосредственное общение с русскими соседями, что не идет ни в какое сравнение с заимствованиями, принимавшими в истории немецкого языка иногда чрезвычайно интенсивный характер.

Нередко в литературе можно встретить утверждения о влиянии литературного (национального, единого и т. п.) немецкого языка на островные диалекты. Скорее всего это делается по аналогии с процессом становления национального немецкого языка, в результате которого произошло разрушение многих диалектов. В Германии и Австрии этому способствовали канцелярии, литература, развитие городов и городской культуры и промышленности, торговля между регионами, частично церковь, там, где она перешла на немецкий язык. Почти всего этого были лишены немецкие колонии – диалектные острова в Российской империи, состоящие преимущественно из сельского населения. Общение с оставшимися на родине родственниками и друзьями сводилось в XVIII-м и начале XIX-го столетий к эпизодической переписке. Лишь с развитием прессы такая возможность появилась, однако потребность в общении на стандартном немецком языке уже исчезла [см. транскрипты аудиозаписей в работах: 1; 2; 3; 4].

Процессы, происходящие в островных диалектах, не могли не заинтересовать лингвистов, поскольку их изучение позволяло не только познакомиться с «археологическими артефактами» в виде народного творчества, передававшегося в искусственной языковой среде, но и лучше понять механизмы языкового развития современных полицентрических языков. В 1920-х годах XX века известный литературовед, профессор Петербургского университета В. М. Жирмунский на основе организованного им семинара создал Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России. Официально данный семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского института языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете [15, с. 4–5].

В течение 1926–1930 гг. вместе со своими коллегами и учениками В. М. Жирмунский провел ряд экспедиций в немецкие колонии Крыма, Ленинградской области, Украины и Закавказья. Эти экспедиции стали основой для становления и развития в России лингвистических полевых исследований и диалектографии, отработки методики и технологии аудиозаписей, получившие дальнейшее развитие в трудах его учеников [см. 11]. Еще одним поводом для организации экспедиций в немецкие поселения был интерес В. М. Жирмунского к песенному фольклору, в частности к старинным народным балладам, которые в это время еще можно было услышать из уст немцев-колонистов [15, с. 4–5]. За короткое время в немецких колониях Ленинградской и Новгородской областей, Украины, Крыма и Закавказья было собрано огромное количество ценнейших записей диалектов российских немцев и образцов их письменного и устного фольклора. В этот период В. М. Жирмунский опубликовал целый ряд работ, посвященных немецким колониям [9, 10, 22, 23, 24, 2, 26].

Детальное исследование немецких колоний Крыма началось в 1920-х годах XX века. Необходимость данных исследований была вызвана предложением известного немецкого фольклориста, профессора И. Мейера издать сборник немецких народных песен в серии издаваемых им сборников народных песен Германии. По инициативе профессора В. М. Жирмунского его ученица Эллинор Иогансон начала сбор песен немецких южнорусских колонистов. Э. Иогансон собирала материал по истории, диалектологии, этнографии и фольклору жителей обследованных 14 колоний в Крыму, старейших колоний под Симферополем и Феодосией. Экспедиции имели комплексный характер, поскольку задачу Ленинградского центра по изучению немецких поселений в России В. М. Жирмунский видел в исследовании немецких колоний «...с точки зрения их истории, диалектологии, фольклора и этнографии в связи с возможностями культурного самоопределения национальных меньшинств» [14].

Все процессы развития немецкого языка как средства общения немецкого населения в СССР и изучение этих процессов прервались в конце 30-х годов прошлого века. Принудительное переселение крымских немцев проходило в несколько этапов. Сначала в Орджоникидзевский (Ставропольский) край и Ростовскую область, а затем в Казахстан и в спецпоселения трудармии. Все это разрывало межличностные, семейные, хозяйственные, культурные связи.

Школы и культурные заведения больше не существовали. В результате образование и культура были разрушены. На их место пришла религия как компенсация культурно-образовательных ценностей. Больше 10% детей немецких спецпоселенцев школьного возраста в Казахстане вообще не учились, и по итогам переписи населения 1989 года немцы занимали одно из последних мест по уровню грамотности. Лишь единицы немецких детей, получивших среднее образование, могли поступить в университеты и институты после возвращения из депортации, поскольку существовали квоты для их приема. Учителям-немцам запрещалось преподавать гуманитарные предметы. Все это, вместе взятое, имело следствием сохранение старшим поколением единственного культурного наследия – фольклора – в виде народных песен, сказок, стихов. В памяти переселенцев сохранились представления о национальных костюмах и танцах. Однако после потрясений XX-го века систематизация культурного наследия немцев Крыма является важной, но трудно выполнимой задачей. До 90-х годов прошлого столетия культура немецких переселенцев и некоторых других народов, всегда населявших Крым, не была даже представлена в этнографическом музее народов Крыма. Для восполнения этого пробела требуется не только сбор сохранившихся артефактов, но и их реконструкция на основе имеющихся лингвистических данных прежде всего с помощью результатов диалектологических экспедиций В. М. Жирмунского.

Список литературы

1. *Байкова О. В.* Немецкие островные диалекты в условиях языковой интерференции : монография. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. 234 с.
2. *Байкова О. В.* Русские заимствования в языке этнических немцев Кировской области как результат лингвокультурного контактирования // Russian Linguistics. 2017. Vol. 41. Us. 1. Pp. 43–60.
3. *Байкова О. В., Оношко В. Н.* Речь российских немцев Кировской области // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Verlag Otto Sagner. Munchen, Berlin, Washington, D. C., 2013. 90 p.
4. Бухаров В. М., Байкова О. В. Язык немецкого национального меньшинства Вятского региона: статус и перспективы развития // Вопросы языкознания. М. : Наука, 2016. С. 75–89.
5. БЭС: Большой энциклопедический словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/101826
6. *Вернер К. А.* Памятная книжка Таврической губернии. Отдел П. Симферополь, 1889. С. 66–67.
7. *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плеве И. Р.* История немцев России. М. : МСНК-пресс, 2005. 544 с.
8. *Домашнев А. И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. М. : Наука, 1983. 232 с.
9. *Жирмунский В. М.* Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Л. : Изд-во АН СССР, 1929. Т. 3. С. 179–220.
10. *Жирмунский В. М.* Процессы языкового смешения в франкско-швабских говорах южной Украины // Язык и литература. Л. : Изд-во АН СССР, 1931. Т. VII. С. 93–109.
11. *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978. С. 57–162.
12. *Кащенко С. Г.* Система образования и религиозные верования немецкого населения Крыма (к. XIX – н. XX в.) // Известия Крымского республиканского краеведческого музея (ИКРКМ). Симферополь, 1994. № 5.
13. *Кизилов М.* Крымская готия. Симферополь : Наследие тысячелетий, 2015. 352 с.
14. Отчет В. М. Жирмунского за 1926 г. : Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1001. Оп. 2. Д. 112.
15. *Светозарова Н. Д.* Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб. : Нестор-История, 2015. 142 с.
16. Топонимика Крыма 2010 : сб. статей памяти И. Л. Белянского. Симферополь : Универсум, 2010. 376 с.
17. О языках народов российской федерации. ФЗ N 1807-1.
18. Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы. Аппарат Государственной думы. Аналитическое управление // Аналитический вестник. № 24. Серия «Государственное строительство и конституционные права граждан». Москва, 2010.
19. *Anders A. Ch.* Wahrnehmungsdialektologie: Das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin ; New York: Walter de Gruyter GmBH & Co, 2010. 465 p.
20. *Bruhl V.* Die deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Aussiedlung bis zur Auswanderung. Band 1. Großburgwedel: HDFG, 2003. 554 p.
21. *Moseley C.* (ed.) Atlas of the world's languages in danger. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing 2010. Available at: http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas
22. *Schirmunski V.* Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien // Zur neuen Schule. 1926. H. 7/8. Pp. 45–57.
23. *Schirmunski V.* Deutsche Mundarten an der Newa. (1 K.). Vol. 2. Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiete // Teuthonista. 1926/27. Jg. 3, H. 2/3 (vom Apr. 1927). Pp. 153–165.

24. *Schirmunski V.* Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine // Teuthonista. 1928. Jg.5, H. 1. Pp. 38–60.

25. *Schirmunski V. M.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde) / Viktor Schirmunski. Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München : Südostdt. Kulturwerk, 1992. Pp. 16–109. (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59).

26. *Ström A., Schirmunski V*. Deutsche Mundarten an der Newa // Teuthonista, Jg. 3. 1926/1927, Bd. 3, H. 1–2, S. 39–62, 153–165.

Evolution of linguistic and cultural markers of German language identity on the Crimean Peninsula

V. M. Bukharov[1], O. V. Baykova[2], O. N. Obukhova[3]

[1]Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of applied linguistics and foreign languages, National Research University of the Higher School of Economics in Nizhny Novgorod. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: vbuharov@hse.ru

[2]Doctor of Philological sciences, associate professor, head of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-4859-8553. E-mail: olga-baykova@yandex.ru

[3]PhD of Philological Sciences, associate professor of linguistics and translation, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: Obuchova.75@mail.ru

Abstract. In modern linguistic studies, special attention is paid not only to the functioning of the languages of large linguistic communities, but also there is an appeal to the languages and dialects of small nationalities, which is associated with concern about their possible loss as a result of increasing pressure of global languages serving supra-regional communication.

This paper for the first time describes the language community of the Crimean Germans, which was also subjected to language assimilation. The study of the language situation in Crimea shows that the surviving descendants of the Crimean Germans for the sake of self-preservation actually lost their German identity and practically assimilated into the South Russian ethnic group. Attempts to maintain German ethnic traditions and customs are not yet evidence of the existence of language as a functioning means of communication. To prove this, greater documentation of the history and knowledge of the German language of the region is required while opportunities still exist. Thus, the aim of this work is to analyze the German language identity from the point of view of the study of linguistic and cultural markers, namely the history of the ethnos, issues of religion, culture and the sphere of use of the native language.

It should be noted that a detailed study of the German colonies of the Crimea began on the initiative of professor V. M. Zhirmunsky in the 1920s of the XX century. All the processes of development of the German language as a means of communication of the German population in the USSR and the study of these processes were interrupted in the late 30s of the last century in connection with the forced resettlement of Crimean Germans in special settlements of the labor army. All this severed interpersonal, family, economic, cultural ties. As a result, education and culture were destroyed. In their place came religion as a compensation for cultural and educational values. All this resulted in the preservation of the older generation of the only cultural heritage-folklore in the form of folk songs, fairy tales, poems.

However, after the upheavals of the twentieth century, the systematization of the cultural heritage of the Germans of the Crimea is an important but difficult task. Until the 90s of the last century, the culture of German immigrants was not even represented in the ethnographic Museum of the peoples of the Crimea. To fill this gap it is required not only the collection of preserved artifacts, but also their reconstruction on the basis of available linguistic data, primarily through the results of dialectological expeditions V. M. Zhirmunsky.

This article may be of interest to researchers in the field of sociolinguistics, German island dialectology.

Keywords: German colonies in Crimea, religion, school, culture, language.

References

1. *Bajkova O. V. Nemeckie ostrovnye dialekty v usloviyah yazykovoj interferencii : monografiya* [German island dialects in terms of language interference : monograph]. Kirov. VyatSHU. 2009. 234 p.

2. *Bajkova O. V. Russkie zaimstvovaniya v yazyke etnicheskih nemcev Kirovskoj oblasti kak rezul'tat lingvokul'turnogo kontaktirovaniya* [Russian borrowings in the language of ethnic Germans of the Kirov region as a result of linguistic and cultural contact] // RussianLinguistics. 2017. Vol. 41. No. 1. Pp. 43–60.

3. *Bajkova O. V., Onoshko V. N. Rech' rossijskih nemcev Kirovskoj oblasti* [Speech of Russian Germans of the Kirov region] // *Byulleten' foneticheskogo fonda russkogo yazyka* – Bulletin of the phonetic fund of the Russian language. VerlagOttoSagner. Munchen, Berlin, Washington, D.C., 2013. 90 p.

4. *Buharov V. M., Bajkova O. V. Yazyk nemeckogo nacional'nogo men'shinstva Vyatskogo regiona: status i perspektivy razvitiya* [Language of the German national minority of the Vyatka region: status and prospects of development]. M. Nauka. 2016. Pp. 75–89.

5. *BES: Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* – LED: Large encyclopedic dictionary. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/101826.

6. *Werner K. A. Pamyatnaya knizhka Tavricheskoj gubernii* [Memorable book of Taurian province]. Department P. Simferopol. 1889. Pp. 66–67.

7. *Herman A. A., Ilarionova T. S., Pleve I. R. Istoriya nemcev Rossii* [History of the Germans of Russia]. M. MSNK-press. 2005. 544 p.

8. *Domashnev A. I. Sovremennyj nemeckij yazyk v ego nacional'nyh variantah* [Modern German language in all its national variants]. M. Nauka. 1983. 232 p.

9. *Zhirmunskij V. M. Problemy kolonial'noj dialektologii* [Problems of colonial dialectology] // *Yazyk i literatura* – Language and literature. L. AS USSR. 1929. Vol. 3. Pp. 179–220.

10. *Zhirmunskij V. M. Processy yazykovogo smesheniya v franksko-shvabskih govorah yuzhnoj Ukrainy* [Processes of language mixing in Frankish-Swabian dialects of southern Ukraine]. L. AS USSR. 1931. Vol. VII. Pp. 93–109.

11. *Zinder L. R., Stroeva T. V. V. M. Zhirmunskij kak polevoj dialektolog* [V. M. Zhirmunsky as a field dialectologist] // *Problemy areal'nyh kontaktov i sociolingvistiki* – Problems of areal contacts and sociolinguistics. L. 1978. Pp. 57–162.

12. *Kashchenko S. G. Sistema obrazovaniya i religioznye verovaniya nemeckogo naseleniya Kryma (k. XIX – n. XX v.)* [The system of education and religious beliefs of the German population of Crimea (end of XIX–beg. XX century)] // *Izvestiya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya (IKRKM)* – News of Crimea Republican Museum of local lore. Simferopol. 1994, No. 5.

13. *Kizilov M. Krymskaya gotiya* [The Crimean Gothia]. Simferopol. Heritage of millennia. 2015. 352 p.

14. *Otchet V. M. Zhirmunskogo za 1926 g.: Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN* – Report of V. M. Zhirmunsky for 1926: St. Petersburg branch of the Archive of RAS. F. 1001. Inv. 2. File 112.

15. *Svetozarova N. D. German Bahman i ego kniga "Poezdka v nemeckie kolonii Berezanskogo rajona"* [Herman Bachmann and his book "Trip to the German colonies of the Berezansk district"]. SPb. Nestor-History. 2015. 142 p.

16. *Toponimika Kryma 2010 : sb. statej pamyati I. L. Belyanskogo* – Toponymy of Crimea 2010 : collection of articles in memory of I. L. Belyansky. Simferopol. Universum. 2010. 376 p.

17. *O yazykah narodov rossijskoj federacii. FZ N 1807-1* – About languages of the peoples of the Russian Federation. Federal law № 1807-1.

18. *Yazykovoe mnogoobrazie Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy. Apparat Gosudarstvennoj dumy. Analiticheskoe upravlenie* – Linguistic diversity of the Russian Federation: problems and prospects. Apparatus of the state Duma. Analytical management // *Analiticheskij vestnik, № 24. Seriya "Gosudarstvennoe stroitel'stvo i konstitucionnye prava grazhdan"* – Analytical herald, No. 24. A series "State-building and constitutional rights of citizens". M. 2010.

19. *Anders A. Ch.* Wahrnehmungsdialektologie: Das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin; New York: Walter de Gruyter GmBH & Co, 2010. 465 p.

20. *Bruhl V.* Die deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Aussiedlung bis zur Auswanderung. Band 1. Großburgwedel: HDFG, 2003. 554 p.

21. *Moseley C.* (ed.) Atlas of the world's languages in danger. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing 2010. Available at: http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas.

22. *Schirmunski V.* Studien zur Volkskunde der deutschen Kolonien // Zur neuen Schule. 1926. H. 7/8. Pp. 45–57.

23. *Schirmunski V.* Deutsche Mundarten an der Newa. (1 K.). Vol. 2. Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Newa-Gebiete // Teuthonista. 1926/27. Jg. 3, No. 2/3 (vom Apr. 1927). Pp. 153–165.

24. *Schirmunski V.* Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine // Teuthonista. 1928. Jg.5, No. 1. Pp. 38–60.

25. *Schirmunski V. M.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde) / Viktor Schirmunski. Hrsg. von Claus Jürgen Hutterer. München: Südostdt. Kulturwerk, 1992. Pp. 16–109. (Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B, Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59).

26. *Ström A., Schirmunski V*. Deutsche Mundarten an der Newa // Teuthonista, Jg. 3. 1926/1927, Bd. 3, No. 1–2, Pp. 39–62, 153–165.

УДК 271.2:882 DOI 10.25730/VSU.2070.19.011

Православная книга в аспекте ее влияния на русскую литературу*

Л. А. Мосунова
доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики
и интегрированных коммуникаций, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-2130-6872. E-mail: lmosunova@hotmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена возрождением в последние десятилетия интереса к традициям православной культуры, неразрывно связанной с бытием православной книги. Статья посвящена феномену православной книги и ее влиянию на русскую классику. Цель статьи – показать взаимосвязи книжного духовного наследия России, включая старообрядческое, с русской классической литературой. В результате анализа устанавливается принципиальное отличие понятий «православная книга» и «духовная книга». Дается определение православной книги как «содержащей постулаты православного мировоззрения, исторически сложившегося в восточной Византийской традиции, в качестве ценностей пропагандирующей евангельские добродетели». Отмечается, что сегодня она «функционирует преимущественно в среде священнослужителей, верующих людей, в системе духовного образования», а к широкой читательской аудитории приходит через образы и идеи русской классики. Анализ завершенных исследований православной книги в литературоведении и книговедении приводит к ее пониманию не только как одного из источников идеалов русской литературы, определившем ее своеобразие и мировое значение, но и как предпосылки ее духовной миссии. Вслед за многими авторами постулируется очевидность связи русской литературы с православием, которое трактуется как духовное ядро всей русской культуры. Выделяются новые ракурсы в анализе творчества Н. В. Гоголя как самого церковного писателя из классиков русской литературы. Делается вывод о том, что русская классическая литература глубоко «запечатлела в слове и образе духовный опыт русского человека», изначально воплощенный в православной книге, а православная книга и сегодня способна заполнить духовный вакуум на фоне массового падения интереса к чтению.

Ключевые слова: православная книга, духовная литература, Н. В. Гоголь как церковный писатель, типы культуры.

Воззвание к авторитету слова во все времена было столпом миссионерской деятельности Русской православной церкви. Православная книга зародилась из потребности служить проповеди Святого Евангелия – Благой вести Христа Спасителя. Именно духовная книга стала не только неисчерпаемым источником русского православного сознания, но и основой нравственных идеалов русской классики XIX – первой половины XX столетия – от Пушкина и Достоевского до Пришвина и Паустовского. Своеобразие русской классической литературы, которая, в отличие от западноевропейской, всегда имела par excellence философский характер, во многом определялось традициями православной книги.

Особый интерес к православной книге возник в связи с празднованием в 1988 г. тысячелетия Крещения Руси. Восстанавливались утраченные в советский период связи с православной традицией, что сопровождалось заметным развитием православных издательств и возобновлением массового выпуска церковных книг. О значимости духовного литературного наследия говорят многочисленные переиздания духовных авторов, которые вновь стали востребованы, настолько оказались глубоки и актуальны их труды, словно написанные совсем недавно. В настоящее время, например, переиздаются переводы «золотого века» произведений святых отцов (IV век н. э.), сочинения русских святых, а Издательский совет Русской православной церкви готовит издание полного собрания сочинений святителя Феофана Затворника. Сегодня православное книгоиздательство стремительно развивается, ежегодно выходит более трех тысяч наименований.

Возрождение интереса к традициям православной культуры стимулировало интерес исследователей к взаимосвязям книжного духовного наследия России и русской классиче-

* Работа подготовлена в рамках проекта 18-2-020131 по Гранту Президента РФ «Сохранение, популяризация и исследование старообрядческой книжной культуры».
© Мосунова Л. А., 2019

ской литературы. Не случайно всплеск интереса к православию в русской литературе пришелся на 90-е годы прошлого века. В литературоведении появились содержательные работы, непосредственно касающиеся данной темы. Это сборники «Христианство и русская культура» (СПб., 1994, 1996, 1999, 2001), «Христианская культура и Пушкинская эпоха» (22 выпуска), статьи из которых собраны в книгу «Духовный труженик» (СПБ., 1999); сборники «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков» (Петрозаводск, 1995, 1999, 2001), «Русская литература XIX века и христианство» (М., 1997). Защищены докторские диссертации В. А. Котельникова «Православие в творчестве русских писателей XIX века» (1994), М. М. Дунаева «Православные основы русской литературы XIX века» (1999), С. А. Гончарова «Творчество Н. В. Гоголя и традиции религиозно-учительной культуры» (1998), И. А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе XIX–XX веков» (1996) и др. Существенным подспорьем в разработке темы стало появление сборников, включавших статьи философов, богословов и культурологов XX века: «Толстой и православие», «Пушкин: Путь к православию», «Достоевский и православие» и др. Сегодня невозможно изучать русскую классическую литературу без понимания того, как в ней сквозь призму художественных образов высвечиваются смыслы Священного Писания. Не менее важно понимать место и роль православной книги в становлении идеалов русской классической литературы.

Вместе с тем сама православная книга до сих пор остается за пределами внимания книговедов. Расплывчато ее определение, не раскрыто жанровое многообразие, не описаны видо-типологические особенности и не выявлены отношения русских писателей к духовным произведениям и их авторам, тогда как обращение именно к православной книге дает во многом понимание культурно-философского синтеза в русской классической литературе, обусловившего ее особое место в мировой культуре. Данная статья представляет собой попытку приблизиться к решению этих задач.

Говоря о православной книге как об источнике идеалов русской классической литературы, определившем ее своеобразие и мировое значение, важно решить ряд вопросов, устанавливающих достоверность последующих теоретических и эмпирических обобщений. В первую очередь необходимо иметь четкое представление о предмете суждений – православной книге, имеющей давнюю традицию своего изучения, но до сих пор не имеющей однозначного и общепринятого определения. Границы понятия весьма размыты и лишены терминологической четкости, поэтому целесообразно начать с их определения.

Следует заметить, что в науке существуют различные взгляды на взаимосвязь понятий «рукопись» и «книга», «издание» и «книга». В данной статье речь идет о книге в широком смысле как «важнейшей исторически сложившейся форме закрепления и передачи во времени и пространстве многообразной информации в виде текстового и (или) иллюстрационного материала» [11, с. 299].

Определяя сущность православной книги, важно выявить принципиальное отличие понятий «православная книга» и «духовная книга». Очевидно, что эти понятия близки, однако по своей семантике синонимами не являются; вместе с тем в книговедении пока нет их устоявшихся определений. Возникает закономерный вопрос: можно ли говорить о православной книге как составляющей более широкого понятия «духовная книга»? Показателен такой факт: в советском «Словаре книговедческих терминов» Е. И. Шамурина (1958 год) термины «духовная книга» и «православная книга» отсутствуют принципиально [23]. В изученных нами более поздних справочных изданиях (толковые и энциклопедические словари), авторы-составители которых – филологи, философы, культурологи и религиоведы, такие понятия, как «православная книга», «православная литература» и, соответственно, «духовная книга», «духовная литература», тоже не рассматриваются. Поэтому возникает необходимость в анализе семантики однокоренных слов: православие/православный и, сообразно, дух/духовность/духовный.

Примечательно, что в культурологических концепциях понятия «православие» и «русский культурный архетип» неразрывно связаны: «Большое влияние на формирование русского культурного архетипа оказало принятие в X веке христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме. Принятие той или иной религии в качестве государственной и национальной влечет за собой далеко идущие последствия не только в сфере веры, но и всей духовной жизни» [22, с. 132–134]. Россия исторически впитала в себя православную культуру как наследие Византии; в этом ключе логично говорить и о православной книге.

В религиоведении выделен термин «Православие русское»; феномен рассматривается как часть мирового («вселенского») православия*:* «Оно хранит верность его догматической

системе, зафиксированной в Никео-Константинопольском символе веры, соблюдает основные моменты богослужебно-обрядовой практики, канонические нормы церковного устройства. Вместе с тем Православие русское обладает определенным своеобразием, предпосылки которого коренятся, с одной стороны, в присущем восточному христианству принципе культурной (прежде всего языковой) автономии национальных церквей, а с другой – в специфике национально-культурной и политической истории России» [24, с. 984]. Данный ракурс дает основание не только говорить о русской литературе как преимущественно православной, но отчетливо видеть обусловленность ее своеобразия историей и национально-культурными традициями.

В отношении понятий «духовная книга» и «духовная литература» уместно привести суждение епископа Покровского и Николаевского Пахомия: «Это целый ряд книг на различную тематику. Часто к духовной литературе относят труды святых подвижников, которые излагают в них опыт своей духовной жизни. Главный критерий духовности литературы – ее соответствие евангельскому духу. Эти книги помогают понять Евангелие, познать Божественный мир, духовно совершенствоваться, учиться молитве, а самое главное – научиться сверять свои поступки с заповедями Христа» [17].

Следовательно, если под духовной литературой можно понимать любые религиозные книги (что не противоречит ГОСТ 7.60-2003, где духовно-просветительное издание выделено в отдельный вид и определяется как издание религиозного содержания, разъясняющее постулаты мировоззрения, основанного на вере в существование высших божественных сил) [6], то под православными следует подразумевать книги, содержащие постулаты исключительно православного мировоззрения, исторически сложившегося в восточной Византийской традиции. В качестве ценностей православная книга пропагандирует евангельские добродетели, заповеди Христа. Как правило, она функционирует в среде священнослужителей, верующих людей, в системе духовного образования РПЦ.

Таким образом, в определении православной книги можно выделить два аспекта, один из которых включает содержательные признаки (происхождение и сущность), а другой – функционирование. Отметим, что наличие всех трех признаков свидетельствует о полноценном отношении литературного произведения к понятию «православная книга», но даже если произведение отвечает только одному из перечисленных признаков, мы также вправе соотнести его с понятием «православная книга» [3, с. 42–43].

Подчеркнем еще раз, что православная книга стала предметом пристального внимания ученых в конце XX – первом десятилетии XXI в. Ее природа интересовала широкий круг гуманитарных наук: историю, философию, филологию, культурологию, религиоведение, книговедение и др., каждая из которых внесла свое знание в представление о православной книге. Появился целый спектр интересных и эвристичных трудов, раскрывающих различные стороны православной книги, в том числе ее связи с русской литературой.

Закономерно, что фундаментальные исследования были проведены в области исторических наук. Так, история печати Русской православной церкви в первые годы советской власти, издательская деятельность РПЦ за границей освещены в диссертации А. Н. Кашеварова [10]. Заслуживает внимания также его монография «Печать Русской Православной Церкви в XX веке: очерки истории» – первая в отечественной и зарубежной историографии книга обобщающего характера [9]. Вопросы распространения православной книги и ее влияния на культуру русского общества, в том числе на русскую литературу, раскрыты в работах М. В. Курмаева, в частности в его диссертации [13]. Среди исторических исследований особый пласт принадлежит региональной историографии, изучению тем, сопряженных с книжностью регионов. Например, А. Г. Мосин в работе «Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края XVII – сер. XIX в.» [14] рассматривает функционирование монастырских библиотек и церковной литературы, составлявшей в XVII в. основу крестьянской книжности, а также рукописные традиции старообрядчества на Вятке. Особенности духовной культуры старообрядчества в Вятском крае, включая книжность и литературное творчество, отражены в диссертации В. К. Семибратова [19]. Особую историографическую группу составляют труды, посвященные вопросам становления и развития православной книги в регионах, в Вятском крае в том числе [2] и др. Ценным является то, что в данных работах рассматриваются комплексы новых архивных материалов.

Что касается литературоведения, то к области филологии по преимуществу принадлежат исследования православной периодики. Сюда можно отнести интересные работы К. Е. Нетужи-

лова о церковной периодической печати в России XIX – начала XX века [16]; М. И. Пискуновой о православии в журналистике и православной журналистике конца 80-х – начала 90-х годов XX века [18]; О. В. Бакиной об опыте региональных СМИ в сфере православной журналистики [4] и др. Стоит отметить работу А. В. Актемировой [1], где книги по русскому православию рассмотрены во взаимосвязи светской и религиозной литератур, отражающей трансформацию проблематики духовных ценностей. В книговедении же традиционно поднимаются проблемы типологии православных изданий. Показательна в этом отношении диссертация М. Н. Злыгостевой, посвященная православной книге Западной Сибири и обращенная к анализу видо-типологических особенностей православных книг [8].

Теоретико-методологическим фундаментом для понимания православной книги как особого феномена, для построения ее типологии и для решения многих других вопросов могут служить работы известных отечественных ученых: И. Е. Баренбаума, А. А. Беловицкой, А. А. Гречихина, А. А. Говорова, Э. В. Гольцевой, П. Н. Луппова, И. Г. Моргенштерна, А. А. Турилова, С. П. Фунтиковой, Г. Н. Швецовой-Водки и др. Их анализ не является задачей данной статьи, так как он уже был выполнен в других работах (см. ссылку 3); здесь мы опираемся на факты и выводы завершенных исследований. Но нам необходимо также выйти на новый уровень обобщений. Анализ специальных трудов помогает более глубоко раскрыть понятие «православная книга», разобраться в вопросах ее типологии – исторически сложившихся видах и типах православных книг, а также убедительно ответить на вопросы: почему русская литература занимает особое место в мировой культуре, каковы исторические предпосылки этого и в чем здесь заслуга православной книги?

Таким образом, теоретический фундамент изучения православной книги в контексте русской литературы строится как на традиционных трудах, так и на появившихся сравнительно недавно работах с новыми темами и направлениями в сфере православной книжности. Данные исследования дают возможность представить православную книжную культуру России как целостную и эволюционирующую систему, функционирующую в различные периоды жизни государства и создающую предпосылки для возникновения явления мирового масштаба – русской классической литературы.

Признанная во всем мире духовность русской литературы, ее нравственная глубина не могут быть поняты без выяснения ее корней в русской православной традиции. В науке основательно и четко представлена теснейшая связь классической русской литературы XIX и XX века от А. С. Пушкина и до В. А. Жуковского, В. Г. Распутина и А. И. Солженицына с не жившей в народной душе даже в самые тяжелые времена православной верой. Если следовать определенному выше понятию «православная книга», оно включает в себя произведения печати не только церковные, но и все иные, где утверждаются христианские ценности. В этом смысле православными писателями (в ряде своих произведений) являются А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. П. Чехов и др.

Среди новейших исследований значительный интерес в отношении взаимосвязи православной книги и русской классики представляют работы М. М. Дунаева. По М. М. Дунаеву, «наша отечественная словесность неотделима от православного миропонимания, сам характер реальности, запечатленной ею, религиозен. Причем религиозность русской литературы проявляется не в прямой связи с церковной жизнью, не в исключительном внимании к сюжетам, почерпнутым из Священного Писания, но в особом типе воззрения на мир. Трудно не согласиться с автором, что литература Нового времени принадлежит секулярной культуре и в принципе не может быть сугубо церковной. Однако православие на протяжении веков так воспитывало русского человека, так учило его осмыслять свое бытие, что, даже внешне порывая с верою, он не мог совсем отрешиться от укорененного в народной душе миросозерцания. Именно православие способствовало пристальному вниманию русского человека к своей духовной сущности, к внутреннему самоуглублению, запечатленному литературой. Православие стало основой русского миропонимания и русского образа бытия в мире» [7].

«Православие, – утверждает М. М. Дунаев, – дает единственно истинную отправную точку зрения на жизнь – и это-то усвоила (к сожалению, не всегда в полноте) русская литература в качестве основной идеи, становясь таким образом по самому духу своему православною. Русская литература учит православному же воззрению на человека, устанавливает правильный взгляд на внутренний мир человека, определяет важнейшую особенность, характеризующую доброкачественность внутреннего бытия человека, – смирение. Вот почему новая русская литература (вслед за древнерусскою) свою задачу и смысл существования видела в воз-

жигании и поддерживании духовного огня в сердцах человеческих. Вот откуда идет и признание ею совести мерилом всех жизненных ценностей. Свое творчество русские писатели сознавали как служение пророческое (чего остальная Европа, католическая и протестантская, в такой степени не знала). Отношение к деятелям литературы как к пророкам и мудрецам, постигшим суть мироздания, присутствует в русском сознании и до сих пор» [7].

Выделяя главное в классической литературе, пытаясь понять ее сущностное содержание, мы должны, как и авторы православных книг, обратиться к Евангелию. Это осознавали и сами русские писатели, например, Н. В. Гоголь однозначно утверждал: «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии».

Заслуживает внимания тот факт, что священнослужители именно Гоголя особо выделяют среди русских писателей. Так, автор диссертации о Н. В. Гоголе иеромонах Симеон (Томачинский), директор издательства Сретенского монастыря, полагает, что «Гоголь – самый церковный писатель из классиков русской литературы, наиболее близкий к Церкви не только по идеям и мировоззрению, но и по своей жизни». Гоголь не только «принимал активное участие в службах, исповедовался, причащался, но и глубоко изучал церковное богослужение. Об этом свидетельствуют его произведения, огромные тетради его выписок из святоотеческих произведений, из Миней, из Кормчей книги и, наконец, его работа “Размышления о Божественной Литургии”, ради которой он специально изучал греческий язык» [20].

Интересен взгляд В. В. Томачинского на эволюцию мировосприятия Гоголя. По Томачинскому, «концепция двух Гоголей», которую выдвинул В. Г. Белинский и согласно которой «ранний» Гоголь – это замечательный художник, подававший большие надежды, а потом изменивший своему призванию, несостоятельна. Эта концепция в советское время была общепринятой. Ссылаясь на исследования, появившиеся в последние десятилетия, в частности, на В. А. Воропаева [5], Томачинский утверждает: письма Гоголя, его отношение к своим произведениям показывают, что в его мировоззрении никакой резкой ломки не было. Он всегда был православным, церковным человеком, что отразилось в его творчестве. Христианские идеи присутствуют и в «Тарасе Бульбе», и в «Ревизоре», который не был для Гоголя только сатирой, обличающей нравы. Гоголь многократно пояснял, что вкладывал в комедию более глубокий смысл. Он хотел, чтобы каждый заглянул в свою душу; говорил, что персонажи комедии олицетворяют собой страсти, господствующие в человеке, а настоящий ревизор – это совесть. Тот духовный смысл, те идеи, которые в ранних произведениях были не столь явно выражены, впоследствии более ярко проявились в других творениях. Говорить о противоречии между «ранним» и «поздним» Гоголем, считает В. В. Томачинский, неправомерно. Писатель признавал, что некоторые ранние его произведения не заслуживают столь большого внимания, что «Выбранные места из переписки с друзьями» для него гораздо важнее, но он нигде не отрекается от своего раннего творчества [21].

Гений Н. В. Гоголя особенно ярко высветил две проблемы, которые неизменно связывают православную книгу с русской классикой и являются непреходящей константой их содержания. Во-первых, это проблема вечного конфликта материального и духовного, неотделимая от вопроса о смысле жизни, а во-вторых, это проблема различного понимания добра и зла. Эти проблемы неразрывно взаимосвязаны: ориентацию человека в мире определяют две разные системы жизненных ценностей, тем самым обусловливая принципиальное различие в понимании добра и зла. Каждый понимает под добром то, что способствует достижению осознаваемой им цели бытия, а под злом – то, что препятствует такому достижению. Следовательно, если человек ставит перед собою исключительно материальные цели (собирание сокровищ на земле), то все духовное будет только мешать ему и восприниматься как зло, и наоборот. Так проявляются в характерах и судьбах героев эти две коренные проблемы русской классики.

В связи с этим подчеркнем, что в культурологии по традиции выделяют два типа культуры – сотериологический (от греч. *σοτηρία* – спасение) и эвдемонический (от греч. *ευδαιμονία* – процветание, блаженство, счастье). В европейской истории переходом от первого типа культуры ко второму стала эпоха Возрождения, обратившая пристальное внимание именно на земные сокровища и утвердившая их предпочтение. На Руси этот переход совершился значительно позднее. Приверженцы земных сокровищ объявили тяготение к духовному, возвышение небесного над земным отсталостью и косностью. Выбор того или иного пути – дело совести и свободы каждого. Важно лишь четко сознавать, что западная цивилизация несет стремление к полноте наслаждения сокровищами на земле, а то, что называют прогрессом, есть поиск все более

совершенных средств к овладению такими сокровищами. Тяга к сокровищам земным, так или иначе, наблюдается на всех уровнях нашего земного существования. Естественно, что она становится предметом философского и художественного осмысления.

Возникает закономерный вопрос: каков критерий собирания сокровищ, как определить, что именно собирает человек? Без материальных вещей, земных связей и мыслей не может обходиться существование в земном мире. Христос обозначил такой критерий ясно и просто: «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). Поэтому главная проблема русской классической литературы – противоборство двух стремлений: к сокровищам небесным и сокровищам земным – прямо восходит к тематике православной книги. Проблема эта – принадлежность не только литературы, но проблема жизни, творческих поисков самих писателей, путь которых был отнюдь не прямым и направленным лишь к духовным высотам, но отмеченным и ошибками, и падениями, и отступлениями от истины.

Проблемы русской классической литературы – конфликт материального и духовного, вопросы смысла жизни, различное понимание добра и зла и др. – отличаются от проблематики православной книги тем, что секулярное искусство погружено в сферу конфликтов и противоречий. В христианской трихотомии: тело, душа, дух – область художественного творчества ограничена сферой души. Православная же книга обращена прежде всего к духовному в человеке, а не только к человеческой душе и тем более не к человеческому естеству. Это вовсе не принижает искусство, но обусловливает границы его возможностей. Пространство душевное столь обширно и необозримо, что искусство и в ограниченных пределах не сможет когда-либо исчерпать его.

Так, по удачной метафоре М. М. Дунаева, «корабль может плавать лишь внутри пространства, очерченного береговой линией, да океан-то слишком необозрим». Более того, «искусство, и литература в частности, могут в необозримом пространстве души замкнуться в тех областях, где душа соприкасается с телесным естеством, но способны подчас возвыситься и до сфер, пограничных с пребыванием духа. Такова в высших своих достижениях русская классическая литература» [7]. Отметим, что именно эта способность неизбежно связывает ее с православной книгой.

Изучая православную книгу в аспекте ее связей с русской классикой, мы видим первую не только как один из источников неповторимого своеобразия второй, но прежде всего как предпосылку, как прообраз ее духовной миссии.

Исследование показало, что бытие православной книги в современном обществе вызывает дискуссии. До сих пор дискуссионным остается вопрос о понятии «православная книга»: что есть православная книга сегодня, где границы ее определения, каковы ее существенные признаки? Но что бы ни относили авторы к православной книге, при этом всегда подчеркивается ее особая роль и неразрывная связь с русской классической литературой [12].

Постулируя очевидность связи русской литературы с православием, многие авторы считают православие духовным ядром всей русской культуры. Широкий спектр высказываний на данную тему можно свести к двум главным идеям. Во-первых, подчеркивается, что на протяжении многих веков русское православие реализует функцию сохранения абсолютных духовных идеалов. Эти идеалы могут быть приняты современной цивилизацией, могут интегрироваться в общую духовную культуру, в систему формирования нравственности для новой эпохи. Во-вторых, признается, что именно неразрывная связь православия со всей русской культурой определила активизацию исследований данной проблематики, разнообразных ее аспектов в науке [15]. Все это позволяет вписать православную книгу в самый широкий культурный и научный контекст.

На фоне проблемы чтения, остро стоящей во всем мире, падения интереса массового читателя к русской классической литературе православная книга и сегодня способна заполнить духовный вакуум, от которого страдает современный человек. Даже если ветви русской классики порой засыхают от жажды невостребованности, корни православной литературы не дают ей умереть.

Завершая статью, выделим главное: православная книга находилась у истоков развития литературного творчества в России. И хотя в XVIII в. она уступила бурному расцвету светской литературы, в XIX в. она вновь заняла достойное место в литературном процессе и в жизни русских людей, существуя рядом с великой классикой и питая ее своими корнями. Наша классическая литература «глубоко запечатлела в слове и образе духовный опыт русского человека, изначально воплощенный в православной книге: и светлый, и темный, и спасительный, и

опасный для души» [15]. Изучение православной книги в контексте русской классики показывает: православная книга имеет прочные корни; они не только позволили ей прорасти в русскую классическую литературу и определить на века ее идеалы, но и обеспечили ей долгую жизнь. Православная книга продолжает жить в идеях и образах русской классической литературы и как самодостаточный артефакт Русского мира.

Список литературы

1. *Актемирова А. В.* Книгопоток по русскому православию: трансформация проблематики духовных ценностей: конец XX – начало XXI века : дис. … канд. пед. наук. Краснодар, 2008. URL: http://www.dissercat.com/content/knigopotok-po-russkomu-pravoslaviyu-transformatsiya-problematiki-dukhovnykh-tsennostei-konet (дата обращения 12.11.2017).
2. *Баева Л. В*. Православное книгоиздание Вятского края в XIX – начале XX века: историко-книговедческая характеристика : дис. … канд. ист. наук. Киров, 2016.
3. *Баева Л. В., Мосунова Л. А*. Православная книга Вятки. Киров : Научное изд-во ВятГУ, 2016. 341 с.
4. *Бакина О. В*. Современная православная журналистика: Опыт региональных СМИ : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.
5. *Воропаев В. А*. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. URL: https://azbyka.ru/fiction/nikolaj gogol-opyt-dukhovnoj-biografii (дата обращения 10.11.2017).
6. ГОСТ 7.60-2003 Издания. Основные виды. Термины и определения. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200034382 (дата обращения 07.11.17).
7. *Дунаев М. М.* Православие и русская литература. М., 2008. URL: http://mdunaev.ru/index.php/stati/85-pravoslavie-i-russkaya-literatura-vstuplenie-k-uchebnomu-posobiyu-mda (дата обращения 12.11.2017).
8. *Злыгостева М. Н.* Православная книга Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011.
9. *Кашеваров А. Н*. Печать Русской Православной Церкви в XX веке : очерки истории / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. : Роза мира, 2004.
10. *Кашеваров А. Н.* Советское государство и Русская православная Церковь в 1917–1922 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1998.
11. Книга: Энциклопедия / редкол.: И. Е. Баренбаум, А. А. Беловицкая, А. А. Говоров и др. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 799 с.
12. Книжное обозрение. Что такое православная книга? 2007. URL: http://gm-dar.livejournal.com/6993.html (дата обращения 12.11.2017).
13. *Курмаев М. В*. Книжная культура Среднего Поволжья конца XVIII – начала XX вв. (на материалах Пензенской, Симбирской и Самарской губерний) : дис. … д-ра ист. наук. Самара, 2010.
14. *Мосин А. Г*. Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVII – сер. XIX в.) : дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1986.
15. *Мосунова Л. А.* К вопросу о понимании текстов классической литературы // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 6. С. 69–76.
16. *Нетужилов К. Е*. Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX века: историко-типологический анализ : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.
17. Пахомий, епископ Покровский и Николаевский. Пища для нашей души. 2012. URL: http://www.pravoslavie.ru/smi/52689.htm (дата обращения 07.11.17).
18. *Пискунова М. И.* Православие в журналистике и православная журналистика (конец 80-х – начало 90-х годов XX века) : дис. … канд. филол. наук. М., 1993.
19. *Семибратов В. К*. Духовная культура старообрядчества в конце XIX – первой трети XX в. : дис. … канд. культурологии. Киров, 2005.
20. *Томачинский В. В*. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: своеобразие поэтики : дис. … канд. филол. наук. М., 1999. URL: http://www.dissercat.com/content/vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya-svoeobrazie-poetiki (дата обращения 10.11.2017).
21. *Томачинский В. В.* Гоголь – самый церковный писатель в русской литературе. 2009. URL: http://archive.taday.ru/text/189134.html (дата обращения 19.11.2017).
22. Человек и общество. Культурология : словарь-справочник. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 544 с.
23. *Шамурин Е. И.* Словарь книговедческих терминов. М. : Советская Россия, 1958. 340 с.
24. Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М. : Академический проект «Гаудеамус», 2010. 1520 с.

The Orthodox book in the aspect of its influence on Russian literature

L. A. Mosunova
Doctor of Psychological Sciences, associate professor,
professor of the Department of journalism and integrated communications, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-2130-6872. E-mail: lmosunova@hotmail.com

Abstract. The relevance of the study is due to the revival in recent decades of interest in the traditions of Orthodox culture, inextricably linked with the existence of the Orthodox book. The article is devoted to the phenomenon of the Orthodox book and its influence on the Russian classics. The purpose of the article is to show the relationship of the book spiritual heritage of Russia, including the old believers, with Russian classical literature. As a result of the analysis, the fundamental difference between the concepts of "Orthodox book" and "spiritual book" is established. The definition of the Orthodox book is given as "containing the postulates of the Orthodox worldview, historically developed in the Eastern Byzantine tradition, as values promoting Evangelical virtues". It is noted that today it "functions mainly among priests, believers, in the system of spiritual education", and to a wide readership comes through the images and ideas of Russian classics. The analysis of the completed studies of the Orthodox book in literary and book studies leads to its understanding not only as one of the sources of the ideals of Russian literature, which determined its originality and world significance, but also as a prerequisite for its spiritual mission. Russian literature is clearly connected with Orthodoxy, which is interpreted as the spiritual core of the entire Russian culture. New perspectives in the analysis of N. V. Gogol's creativity are distinguished as the most Church writer from classics of the Russian literature. There is the conclusion that Russian classical literature deeply "imprinted in word and image the spiritual experience of the Russian person", originally embodied in the Orthodox book, and the Orthodox book is still able to fill the spiritual vacuum against the background of a massive drop in interest in reading.

Keywords: Orthodox book, spiritual literature, N. V. Gogol as a Church writer, types of culture.

References

1. *Aktemirova A. V. Knigopotok po russkomu pravoslaviyu: transformaciya problematiki duhovnyh cennostej: konec XX – nachalo XXI veka : dis. … kand. ped. nauk* [Book flow on Russian Orthodoxy: transformation of the problems of spiritual values: the end of XX-beginning of XXI century : dis. ... PhD of Ped. Sciences]. Krasnodar. 2008. Available at: http://www.dissercat.com/content/knigopotok-po-russkomu-pravoslaviyu-transformatsiya-problematiki-dukhovnykh-tsennostei-konet (date accessed: 12.11.2017).

2. *Baeva L. V. Pravoslavnoe knigoizdanie Vyatskogo kraya v XIX – nachale XX veka: istoriko-knigovedcheskaya harakteristika : dis. … kand. ist. nauk* [Orthodox book publishing of Vyatka region in the XIX-early XX century: historical and book characteristics : dis. ... PhD of Hist. Sciences]. Kirov. 2016.

3. *Baeva L. V., Mosunova L. A. Pravoslavnaya kniga Vyatki* [Orthodox book of Vyatka]. Kirov. VyatSU. 2016. 341 p.

4. *Bakina O. V. Sovremennaya pravoslavnaya zhurnalictika: Opvyt regional'nyh SMI : dis. .. kand. filol. nauk* [Modern Orthodox journalism: Experience of regional mass media : dis. … PhD of Philol. Sciences]. SPb. 2001.

5. *Voropaev V. A. Nikolaj Gogol'. Opvyt duhovnoj biografii* [Nikolai Gogol. The experience of spiritual biography]. Available at: https://azbyka.ru/fiction/nikolaj gogol-opyt-dukhovnoj-biografii (date accessed: 10.11.2017).

6. GOST 7.60-2003 Pulications. Basic type. Terms and definitions. Available at: http://docs.cntd.ru/document/1200034382 (date accessed: 07.11.17). (in Russ.)

7. *Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian literature]. M. 2008. Available at: http://mdunaev.ru/index.php/stati/85-pravoslavie-i-russkaya-literatura-vstuplenie-k-uchebnomu-posobiyu-mda (date accessed: 12.11.2017).

8. *Zlygosteva M. N. Pravoslavnaya kniga Zapadnoj Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) : dis. … kand. filol. nauk* [Orthodox book of Western Siberia (second half of XIX-beginning of XX centuries) : dis. ... PhD of Philol. Sciences'. SPb. 2011.

9. *Kashevarov A. N. Pechat' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v XX veke: ocherki istorii* [Printing of the Russian Orthodox Church in the twentieth century: essays of history] / St. Petersburg State University. SPb. Rose of the world. 2004.

10. *Kashevarov A. N. Sovetskoe gosudarstvo i Russkaya pravoslavnaya Cerkov' v 1917–1922 gg. : dis. .. d-ra ist. nauk* [The Soviet state and the Russian Orthodox Church in 1917–1922 : dis. ... Dr. of Hist. Sciences]. SPb. 1998.

11. *Kniga: Enciklopediya* – Book: encyclopedia / editorial board: I. E. Barenbaum, A. A. Belovitskaya, A. A. Govorov et al. M. Bolshaya Rossiyskaya enciklopediya. 1998. 799 p.

12. *Knizhnoe obozrenie. Chto takoe pravoslavnaya kniga?* – Book review. What is an Orthodox book? 2007. Available at: http://gm-dar.livejournal.com/6993.html (date accessed: 12.11.2017).

13. *Kurmaev M. V. Knizhnaya kul'tura Srednego Povolzh'ya konca XVIII– nachala XX vv. (na materialah Penzenskoj, Simbirskoj i Samarskoj gubernij) : dis. … d-ra ist. nauk* [Book culture of the Middle Volga region of the

late XVIII-early XX centuries (on the materials of Penza, Simbirsk and Samara provinces) : dis. ... Dr. of Hist. Sciences]. Samara. 2010.

14. *Mosin A. G. Knizhnaya kul'tura i rukopisnaya tradiciya russkogo naseleniya Vyatskogo kraya (XVII – ser. XIX v. : dis. … kand. ist. nauk* [Book culture and manuscript tradition of the Russian population of Vyatka Krai (XVII–mid. XIX century) : dis. ... PhD of Hist. Sciences]. Sverdlovsk. 1986.

15. *Mosunova L. A. K voprosu o ponimanii tekstov klassicheskoj literatury* [To the question about the understanding of texts of classical literature] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2015. No. 6. Pp. 69–76.

16. *Netuzhilov K. E. Formirovanie sistemy cerkovnoj periodicheskoj pechati v Rossii XIX – nachala XX veka: istoriko-tipologicheskij analiz : dis. ... d-ra filol. nauk* [Formation of the system of Church periodicals in Russia of the XIX-early XX century: historical and typological analysis : dis. … Dr. of Philol. Sciences]. SPb. 2010.

17. *Pahomij, episkop Pokrovskij i Nikolaevskij. Pishcha dlya nashej dushi* – Pachomius, Bishop of Pokrov and Nicholas. Food for our souls. 2012. Available at: http://www.pravoslavie.ru/smi/52689.html (date accessed: 07.11.17).

18. *Piskunova M. I. Pravoslavie v zhurnalistike i pravoslavnaya zhurnalistika (konec 80-h – nachalo 90-h godov XX veka) : dis. … kand. filol. nauk* [Orthodoxy in journalism and Orthodox journalism (late 80s–early 90s of XX century) : dis. ... PhD of Philol. Sciences]. M. 1993.

19. *Semibratov V. K. Duhovnaya kul'tura staroobryadchestva v konce XIX – pervoj treti XX v. : dis. … kand. kul'turologii* [Spiritual culture of old believers at the end of XIX – first third of XX century : dis. ... PhD of Cultural Studies]. Kirov. 2005.

20. *Tomachinskij V. V. "Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami" N. V. Gogolya: svoeobrazie poetiki : dis. … kand. filol. nauk* ["Selected places from correspondence with friends" of N. V. Gogol: originality of poetics : dis. ... PhD of Philol. Sciences]. M. 1999. Available at: http://www.dissercat.com/content/vybrannye-mesta-iz-perepiski-s-druzyami-n-v-gogolya-svoeobrazie-poetiki (date accessed: 10.11.2017).

21. *Tomachinskij V. V. Gogol' – samyj cerkovnyj pisatel' v russkoj literature* [Gogol – the most ecclesiastical writer in Russian literature]. 2009. Available at: http://archive.taday.ru/text/189134.html (date accessed: 19.11.2017).

22. *Chelovek i obshchestvo. Kul'turologiya : slovar'-spravochnik* – The individual and society. Cultural studies : dictionary-reference. Rostov-on-Don. Phoenix. 1996. 544 p.

23. *Shamurin E. I. Slovar' knigovedcheskih terminov* [Dictionary of book terms]. M. Soviet Russia. 1958. 340 p.

24. *Enciklopediya religij* – Encyclopedia of religions / ed. by A. P. Zabiyako, A. N. Krasnikov, E. S. Elbakyan. M. Academic project "Gaudeamus". 2010. 1520 p.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930.1 DOI 10.25730/VSU.2070.19.012

Историки на фоне смены эпох: «железный век» как предмет историографии

Т. А. Воробьева
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук.
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: listak@mail.ru

Аннотация. В рецензии представлен анализ книги А. В. Гордона «Историки железного века», посвященной жизни и творчеству тех, кто стоял у истоков формирования советской историографии Великой французской революции, а также их продолжателей. Автор книги делится с читателем своими воспоминаниями об известных историках, кого знал непосредственно или через их родственников. Основная идея книги – показать, насколько сложен, а подчас трагичен был путь ученых, искренне веривших в идеалы Русской революции, в ее справедливость, но жил и творил в условиях «жесткого» идеологического режима, так называемой «культуры партийности». Без учета этой коллизии трудно понять специфику советского общества, успехи и победы «железного века». Автор показал собственный путь в науку в то время.

Ключевые слова: Французская революция, «культура партийности», дискуссии, якобинская диктатура, «движение бешеных», русская дореволюционная школа.

В преддверии 230-й годовщины Великой французской революции вышла новая книга доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук Александра Владимировича Гордона «Историки железного века». Это не продолжение его предыдущих работ о советской историографии Французской революции[1]. Как пишет сам автор, «исследование носит личностный характер», а «история историков заслуживает не меньшего внимания, чем история событий, которые они описывали, и тех, что они переживали» [1, с. 6]. Жизнь и деятельность больших ученых – тема неисчерпаемая, особенно таких, которые стояли у истоков формирования советской историографии Великой французской революции. Тем более интересно, что их путь в науку был связан с Русской революцией 1917 г., а научная деятельность осложнялась преследованиями, арестами, ограничениями связей с зарубежными учеными. В центре внимания автора – мир этих людей, их чувства, разочарования и вера, их судьбы.

Для А. В. Гордона важно было показать современному читателю, что ученый – это человек конкретной социально-политической эпохи, со своим мировоззрением, представлениями о ценностях окружающего мира, уровнем культуры.

К какому жанру принадлежит книга А. В. Гордона? С одной стороны, это историко-биографический труд. С другой стороны, накопленные сведения, личное знакомство почти со всеми персонажами книги или с их родственниками позволило Александру Владимировичу обратиться к мемуарному жанру – это увлекательный рассказ о пути в науку самого автора, которому повезло в студенческие годы стать учеником Я. М. Захера.

Историки «железного века», какими они были? Что стимулировало их к постоянному поиску, каков их вклад в отечественную науку? Негативное восприятие современным поколением советской эпохи распространяется и на тех, кто жил, творил, отстаивал свои принципы и веру, причем жизнь многих из них складывалась трагически. Заслугой А. В. Гордона, на наш взгляд, является попытка обратить внимание читателя на «обстоятельства жизни», без учета которых трудно понять то время. В обществе, в том числе и в науке, были люди, ис-

© Воробьева Т. А., 2019

[1] См., например, *Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М. : Наука, 2009. 381 с.

кренне веровавшие в свои идеалы, «в революционный марксизм», у них было «особое состояние духа, Вера – Solo fide». Революция стала для них источником творческого вдохновения. Параллельно с этим формировался другой принцип – «партийности в науке»[2], несоблюдение которого сопровождалось политическими обвинениями вплоть до уголовного преследования. Но даже в самые трагические 1930-е годы появлялись «еретические» мысли. В период репрессий (автор приводит слова известного индолога К. Антоновой), «защита чести и достоинства человека» была для ряда ученых «не простым звуком» [1, с. 119]. Книга А. В. Гордона в определенной степени опровергает утверждения тех, кто считает, что в советский период наука, утрачивая личностное начало, становилась на путь вырождения.

Внимание автора сконцентрировано на наиболее ярких и творческих профессионалах, формировавших среду, в которой развивалось историческое знание. Они жили в разное время – поколение 20–30-х годов, эпоха оттепели и последовавшего развитого социализма. Условия становления их как будущих ученых, естественно, были различными. Широко используя разнообразные источники: документы личного характера (воспоминания самого автора об общении с большинством персонажей книги, с их родственниками, материалы из личного архива), воспоминания ряда зарубежных историков, документы Архива РАН и многие др., А. В. Гордон смог создать живые и очень интересные, непохожие друг на друга образы. Это сохранивший «романтическую веру в идеалы революции» В. Далин, сдержанный Я. М. Захер, ученик Н. Кареева, связь с которым сопровождала его всю жизнь. Я. М. Захер оказался и наиболее близким по духу самому автору книги. «Из горнила Русской революции» пришли к исследованию Французской революции Я. В. Старосельский и расстрелянный в 1937 г. Г. С. Фридлянд. Не боявшийся проявлять свою позицию в период утверждения «культуры партийности», «уникальный исследователь-мыслитель» Б. Ф. Поршнев представлен как интересная и неоднозначная личность. Он, как и Старосельский, был склонен «к озорству, эпатажу», что, по замечанию автора, было проявлением «сопротивления насаждаемой казенщине в общественной и научной жизни» [1, с. 174]. Достойное место в составленной А. В. Гордоном галерее заняли «историк-концептуалист» А. В. Адо, «философствующий историк» из Одессы В. Алексеев-Попов и почетный гражданин Ульяновска С. Л. Сытин. Тщательно прописанные запоминающиеся портреты Е. В. Тарле и А. З. Манфреда выполнены на фоне их работы над книгами о Наполеоне Бонапарте. Все герои книги (а каждому из них посвящена отдельная глава), представлены уважительно, выделяются, прежде всего, те их качества, которые симпатичны автору книги. Стоит заметить, что наиболее объемные главы (без учета примечаний) посвящены Поршневу, Тарле, Манфреду и Адо. Но первенство принадлежит материалам об учителе А. В. Гордона Я. М. Захере.

Все герои книги не были свободны от происходивших в стране внутриполитических процессов. Если рассматривать советскую историографию Французской революции в динамике, то видно, что условия для научного творчества в 20-е годы существенно отличались от 30-х, не говоря уже об эпохе «оттепели». Автор отдельно выделяет рубеж 20–30-х годов, который, по его мнению, «незаслуженно “выпал” в отечественных исторических исследованиях» [1, с. 33]. Именно в это время началась «великая перековка» историков «старой школы» и формирование первого поколения историков-марксистов.

Именно в эти годы происходило становление основ советского историознания. Личная причастность к революционным событиям 1917 г. и строительству нового общества в России обусловила интерес к истории Великой Французской революции. В тот период тема аналогии Октябрьской и Французской революций широко обсуждалась в том числе и во французской научной среде. Вместе с тем, по словам автора, предпосылкой этого интереса стали достижения русской дореволюционной школы («ecole russe»), представленной именами В. Герье, Н. Кареева, И. Лучицкого и др., занимавшей уже тогда достойное место в европейской исторической науке[3]. Не случайно понятие «ecole russe» ввели в научный оборот французские историки А. Олар, Ж. Жорес, А. Матьез. Вместе с тем советская наука о Французской революции, по словам А. В. Адо, имела «свою судьбу» и задавала «свои вопросы» [1, с. 19].

---

[2] Этот принцип А. В. Гордон раскрывает в монографии: *Гордон А. В.* Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов : Научная книга, 2005. 252 с.

[3] О традиционном интересе русского общества к Французской революции см.: *Гордон А. В.* Великая французская революция как явление русской культуры // Исторические этюды о французской революции. Памяти В. М. Далина. М. : ИВИ РАН, 1998.

Основная проблематика в советской историографии Великой французской революции закладывалась в 1920-е годы – Г. С. Фридляндом, Я. М. Захером, Я. В. Старосельским, В. М. Далиным, С. М. Моносовым. Творческие судьбы этих людей были разными. Так, Виктор Моисеевич Далин «пришел в науку» из «Русской революции», был выпускником Института красной профессуры, своими учителями называл Н. М. Лукина, В. П. Волгина и А. Матьеза. Это был человек, который, по словам А. В. Гордона, оставался «до конца верным однажды пропетой "Гренаде"» [1, с. 283]. Похожий путь прошли Фридлянд (юридический факультет Петроградского психоневрологического института, с 1925 г. имени его основателя В. М. Бехтерева) и Старосельский (Институт государства и права Комакадемии). Я. М. Захер, хотя и принадлежал к «революционному поколению», к тем, кто пришел в историческую науку вместе с революцией 1917 г. [1, с. 99], не был участником революционных событий. Первые профессиональные шаги в науке были им сделаны в семинаре Н. И. Кареева. Он окончил юридический и историко-филологический факультеты Петроградского университета. Привлекает внимание ремарка автора о том, что марксизм для Захера «оставался скорее идейно-политической, чем методологической позицией» [1, с. 100].

На этапе становления советской историографии французской революции ключевой стала многоаспектная тема якобинской диктатуры. На примере творчества историков, о которых идет речь в книге, автор показывает, что расхождения в оценках характера якобинской диктатуры, роли народных масс, якобинского террора, термидора и других событий обозначились буквально с первых шагов. Полемика, прежде всего, развернулась между теми, кто «недавно пришел к марксизму», и «историками-марксистами». К первой группе, естественно, относили Я. М. Захера. Актуализируя этот период, Гордон обращает внимание читателя на то, что дебаты, начатые тогда Захером и Фридляндом, были продолжены уже в 70-е гг. А. Манфредом и В. М. Далиным с одной стороны и В. Г. Ревуненковым с другой [1, с. 128].

Идейно-политический плюрализм первой половины 20-х годов допускал расхождения в оценках, научные споры между учеными. Например, Я. М. Захер акцентировал внимание на «внутриполитических и социальных противоречиях в якобинском блоке», что привело, по его мнению, «к внутреннему перерождению монтаньярской партии», к поражению Робеспьера. По его мнению, якобинская диктатура была, скорее всего, «революционной организацией буржуазии», он не признавал в полной мере демократический характер диктатуры [1, с. 287].

В связи с этим магистральной в его творчестве стала тема «движения бешеных», которое он рассматривал в качестве самостоятельной силы. В свою очередь Фридлянд и Старосельский исходили из революционно-демократической природы якобинской диктатуры, считая ее широкой коалицией, состоящей преимущественно из мелкой буржуазии и плебейства [1, с. 107–108]. Однако к концу 20-х годов на фоне кампании борьбы против оппозиции плюрализм мнений начал оборачиваться политическими обвинениями. Предложенная в рамках «культуры партийности» классово-формационная схема ограничивала возможности сосуществования различных научных гипотез. Так, версия Захера о «перерождении монтаньярской партии» вызвала возражения Фридлянда и Старосельского, упрекавших своего коллегу в «недостаточном классовом подходе». Выступая с критикой книги Захера «Термидор», Фридлянд утверждал, что переворот носил классовый характер и не был конфликтом личных интересов монтаньяров. Тем не менее, считает Гордон, и Фридлянд не был апологетом официальной линии об исторической роли якобинской диктатуры, так как признавал «противоречивость» якобинской диктатуры и, таким образом, «как бы проговаривал прогрессивность термидорианского переворота» [1, с. 27–28]. Однако ему вскоре пришлось скорректировать свои взгляды в соответствии с каноном. «Идейные метания Фридлянда в оценках Термидора» Гордон объясняет «нагнетанием идеологической борьбы». Мы не знаем, какую позицию в этом вопросе он бы занял во времена «оттепели», если бы не был репрессирован в сталинскую эпоху.

Концепция якобинской диктатуры как революционно-демократической по своим движущим силам и характеру, выдвинутая Фридляндом и Старосельским, была воспринята Далиным и Манфредом. Сторонники этой линии в советской исторической науке преобладали. Я. М. Захер по существу оказался в меньшинстве. Однако позже, в конце 60-х годов, его подход сделался своеобразным отправным пунктом для В. Г. Ревуненкова в его ревизии «школы Лукина-Манфреда» [1, с. 128].

Дебаты по поводу характера якобинской диктатуры привели к рассмотрению вопроса о роли народных движений, так называемой «плебейской революции». Эта тема нашла отражение в работах Фридлянда о Марате, Далина о Бабефе, в монографии Захера «Движение бешеных»

(1931 г.). Позиция последнего сводилась к тому, что «движение бешеных», при всей идеологической близости к якобинцам, все же было самостоятельным, оно составляло «крайне левое крыло революционной демократии» в эпоху Французской революции. С этим утверждением не согласны были Фридлянд и Старосельский. Они считали, что «бешеные» – это левое, революционное крыло якобинской диктатуры. Захер отнюдь, противопоставляя «движение бешеных» якобинцам, оценивал его как объективно реакционную силу, что не соответствовало официальной установке на авангардность роли народных масс. В результате ему пришлось пойти «на уступку» – говоря о Жаке Ру и его сторонниках, Захер должен был признать, что «бешеные» частично выражали настроения формирующегося промышленного пролетариата». В 1938 г. Я. М. Захер пополнил ряды жертв сталинских репрессий, но после реабилитации он вернулся к теме «бешеных», которая вплоть до 1956 г. в советской историографии фактически не разрабатывалась. В 1961 г. была опубликована вторая редакция книги «Движение бешеных». Завершается она выводом об историческом значении этого движения, которое, по мнению ученого, состояло в том, что они требовали «смелого государственного вмешательства в свободную игру экономических сил, вступали в решительное столкновение с интересами и политикой жирондистов и якобинцев». Пересмотрев некоторые свои прежние оценки, Захер остался верен тезисам о самостоятельности этого движения, существовании противоречий между «бешеными» и якобинцами, что по-прежнему не соответствовало позиции большинства советских франковедов.

Гордон отмечает, что и в условиях «оттепели» «роль плебейских масс во Французской революции оказалась многострадальной темой», демонстрируя это историей публикации монографии Я. М. Захера в начале 60-х гг. [1, с. 130–132]. Напомнив читателю, что тема «бешеных» в истории Французской революции восходит к Кропоткину и через Кареева передалась Захеру, автор подчеркивает верность своего героя традициям «ecole russe», несмотря на отстранение его от научной работы на десятилетия. Причем оценки Захера были поддержаны Б. Ф. Поршневым, в то время как с ними не согласны были Далин и Манфред.

В направлении, заданном Захером, работал ульяновский историк С. Л. Сытин [5], выдвинувший тезис о руководстве «бешеными» движением городских низов Парижа [1, с. 352]. Такая оценка вызвала возражение В. Далина, по мнению которого, Сытин якобы умалял роль Г. Бабефа [1, с. 353]. Отмечая вклад ульяновского историка в разработку проблемы «бешеных», Гордон пишет о его приоритетной роли в определении массового движения парижской бедноты как «секционного движения». Таким образом, Сытин почти на десять лет опередил французского историка А. Собуля [1, с. 353].

В историографии Французской революции на всех этапах ее развития актуальной проблемой был вопрос якобинского террора. Чем это было обусловлено? Гражданской войной или внешним фактором – защитой завоеваний революции от внешних врагов? Можно ли считать террор универсальным средством или это казуальная необходимость? Эта тема, как отмечает автор, «имела откровенно политические детерминанты» [1, с. 27], привела к полемике с французским ученым А. Оларом, а позже – с А. Матьезом.

О восприятии якобинского террора в контексте конкретной политической ситуации в стране интересный материал читатель найдет в главах, посвященных Г. С. Фридлянду и Я. В. Старосельскому. В частности, последнему принадлежит заслуга в концептуализации «революционного террора, его необходимости и плодотворности», в том числе для решения экономических задач [1, с. 72]. Обобщая вклад Старосельского в изучение Французской революции, автор указывает, что одной из первых, опубликованных монографией по Французской революции в советской историографии, была его книга «Проблемы якобинской диктатуры» (1930 г.). Одновременно Гордон обращает внимание на разработку Старосельским такой проблемы, как «народоправство», «политическая самоорганизация масс на низовом уровне». Но «идея народоправства», как замечает автор, противоречила формировавшейся в стране власти «партийной бюрократии». В результате книга Я. Старосельского «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» не была опубликована[4], а ее автора с группой «Союз марксистов-ленинцев» М. Н. Рютина [1, с. 78–79] привела к аресту. Парадоксальность ситуации, как пишет автор, состояла в том, что «ученый, зарекомендовавший себя в профессиональном сообществе историков-марксистов, заявивший о своей глубокой вере в марксизм, был обвинен в немарксистских взглядах» [1, с. 86].

[4] О судьбе рукописи книги Я. В. Старосельского «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» см.: Гордон А. В. Историки железного века. М. ; СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 95–96.

В пятой главе «Наполеон в советской историографии от Тарле к Манфреду» речь идет о восприятии роли личности на разных этапах развития советской историографии, сопоставляется подход к этой теме представителя старой школы Е. В. Тарле и А. З. Манфреда – представителя школы «историков-марксистов». Но не только историческая ментальность нашла отражение в концепции роли личности в революции. Значительное влияние оказывала политическая обстановка в стране. Автор приводит слова Манфреда, который так объяснял причины «собственного табу» на тему о Наполеоне: «Миновало более тридцати пяти лет… Мир во многом стал иным, и поколение 70-х годов XX века… видит и воспринимает многое иначе, чем люди 30-х годов» [1, с. 255]. Манфред писал своего Наполеона, когда в стране была «иная публичная сфера, менее порабощавшая человека» [1, с. 251]. Самому автору книги, А. В. Гордону, в свое время также по идеологическим мотивам пришлось отказаться от разработки темы, которая его интересовала. В 1961 г. в качестве диссертационного исследования он предложил тему падения якобинской диктатуры, которая не была принята, а через 10 лет ею уже можно было заниматься [1, с. 253].

В этой главе дается краткая, но очень емкая картина политической обстановки, в которой Е. В. Тарле пришлось писать свой труд о Наполеоне. Эпоха 1930-х годов сделала востребованным образ Наполеона, прирожденного монарха, императора, государственника. Не случайно в советской историографии Французской революции тех лет наблюдался своеобразный переворот – переход от «культа революции» к «культу власти». В этом плане Наполеон олицетворял универсальный типаж правителя. Как пишет А. В. Гордон, Тарле создал образ гениальной личности, но придал Наполеону черты «объективно прогрессивного “душителя революции”» [1, с. 256]. Для Манфреда, работавшего над монографией о Наполеоне в другое время, интереснее было дать психологический портрет, показать его приверженность революционной традиции. Образ Наполеона у Манфреда получился более многомерным, чем у Тарле. На сравнении двух подходов к образу исторической личности автор продемонстрировал, как «дух эпохи» влиял на историческую науку. Подводя итог, Гордон задается вопросом: «Позволяет ли дистанция времени быть беспристрастными?» Наверно, нет. И автор указывает на существовавшую в российском обществе «традицию почитания Наполеона»: «Культ Наполеона был явлением в русской культуре» [1, с. 257].

Хочется остановиться еще на одной личности, занявшей достойное место в историографии Французской революции, – Анатолии Васильевиче Адо. Во-первых, он автор первой в мире монографии о крестьянских восстаниях 1789–1794 годов. Во-вторых, он автор концепции крестьянства как субъекта Французской революции. И, как пишет Гордон, «Адо создал историографический шедевр… – превзойти это творение едва ли кто может» [1, с. 384]. В отличие от либеральных западных историков, которые фактически «отвернулись» от крестьянской темы во Французской революции, Адо рассматривал крестьянство как важную движущую силу революции. Монография «Крестьянское движение во Франции во время великой буржуазной революции конца XVIII века» была настолько значительной, что была опубликована во Франции, Германии, Италии, Португалии, США. В очерке, посвященном этому историку, автор размышляет по поводу «научных школ», в числе которых была и «школа Адо» в МГУ. Интересен материал о личностном восприятии Анатолия Васильевича Гордоном, контактах с ним в качестве оппонента его диссертантов. А. В. Адо, в свою очередь, был автором официального внешнего отзыва на диссертацию Гордона. Анатолий Васильевич имел «превосходные личные отношения с Манфредом и Далиным», которые «исповедовали “якобиноцентризм”» и в известной мере были приверженцами того «культа власти», который сложился в изучении Французской революции в 30-х годах. По этому поводу автор замечает, что он через Захера, а Адо через Б. Ф. Поршнева унаследовали характерный для 20-х годов «культ революции» как великого народного движения [1, с. 389]. Однако расхождения в научных позициях не мешали всем им сохранять добрые, уважительные отношения, как творческие, так и личные.

Существенным дополнением к образам известных историков-франковедов послужил фактический материал об их связях с зарубежными учеными. Конечно, в какой-то степени советские историки были изолированы от зарубежной творческой среды, существовала система регламентированного «международного научного сотрудничества». Однако тезис об изоляции не следует абсолютизировать. В книге представлен интересный материал о контактах с зарубежными историками, в первую очередь с французскими из школы А. Матьеза, затем Ж. Лефевра. Вместе с тем уровень этих контактов часто зависел не только от внутриполитической обстановки в стране, контроля власти за личными связями, перепиской, но и от

личностных отношений. Возникавшие при этом коллизии автор раскрывает на ряде примеров. Так, В. М. Далин, который считал французского историка А. Матьеза своим учителем, творчество которого он всегда высоко оценивал, принял активное участие в кампании советских историков против Матьеза. А вся вина французского ученого состояла в том, что он осудил гонения против Е. В. Тарле и критически воспринимал советскую политическую систему. Или другой пример. Фридлянд, будучи активным популяризатором творчества Матьеза, опубликовал обличительную статью против этого историка [1, с. 36]. Автор описывает ситуацию, возникшую в конце 60-х годов в связи с выходом книги английского ученого Р. Кобба («Второе самоопределение» [Second identity]). Пересмотр этим ученым некоторых прежних своих позиций по истории Французской революции, в частности были даны негативные оценки Робеспьера и Сен Жюста, вызвал критику со стороны приверженцев «революционной традиции» в историографии – Далина и Манфреда. Попытка Гордона показать, что принципиальных изменений в подходах Кобба не произошло, не была поддержана Адо.

После освобождения Я. М. Захер восстановил интенсивные связи с А. Собулем, Вальтером Марковым, Р. Коббом, Дж. Рюде, работы которых были наиболее заметным явлением того времени. Общение с зарубежными коллегами завязывалось, как правило, «окольными путями». В этом ему помог советский ученый-германист А. Е. Ерусалимский [1, с. 137]. Гордон пишет о том, что в СССР была группа ученых – официальных представителей советской науки за рубежом: Б. Ф. Поршнев, А. З. Манфред. Я. М.Захер и В. М. Далин считались «невыездными».

Достижения советского франковедения были высоко оценены на Западе. В книге приводится ряд фактов. Например, Матьез в 1927 г. призвал французских историков учить русский язык ввиду важности выходящих в СССР работ [1, с. 44]. Или другой факт: чикагский профессор Льюис Готшалк – автор книги о «Друге народа» – признал работу Фридлянда «Марат» «самой серьезной попыткой изучения идейной биографии Марата» [1, с. 44]. Французский историк Ж. Вальтер высоко оценил книги Старосельского о якобинской диктатуре. Много места автор отводит зарубежным оценкам творчества Захера.

Отдельный сюжет книги связан со становлением самого автора как ученого. По существу, можно проследить весь его путь от студенческой скамьи до доктора исторических наук. Автор монографии не только вобрал в себя достижения советской и зарубежной науки, но и смог сформироваться как самостоятельный ученый, общаясь с коллегами, споря с ними, имея собственные оценки и суждения, умея их аргументировать, независимо от авторитетов. И это, между прочим, происходило в советское время, когда независимость суждений в науке особенно не поощрялась. У А. В. Гордона были свои профессиональные пристрастия, однако на протяжении всей книги чувствуется уважительное отношение ко всем коллегам, современникам и предшественникам. Можно согласиться с автором, что в личностном плане все его герои самобытные и яркие личности [1, с. 10], хотя масштаб и место в исторической науке у каждого из них различен.

Книга А. В. Гордона об историках «железного века» – это действительно интересная и содержательная работа, в которой представлен неоднозначный, противоречивый образ советской исторической науки, лучшие представители которой внесли в свои труды «ощущение «личной причастности" и к революции 1917 г. и к революции 1789 г.» [2, с. 359].

Список литературы

1. *Гордон А. В.* Историки «железного века». М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
2. *Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М. : Наука, 2009. 381 с.
3. *Гордон А. В.* Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов : Научная книга, 2005. 252 с.
4. *Гордон А. В.* Великая французская революция как явление русской культуры // Исторические этюды о французской революции. Памяти В. М. Далина. М. : ИВИ РАН, 1998.
5. *Сытин С. Л.* Революционное движение плебейских масс Парижа под руководством Ру и Леклерка в 1793 г. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1952.

Historians against the background of changing eras: "iron age" as a subject of historiography

T. A. Vorobyova
PhD of Historical Sciences, associate professor of History and Political Sciences. Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: listak@mail.ru

Abstract. The review presents the analysis of A. V. Gordon's book "Historians of the iron age", devoted to the life and work of those who stood at the origins of the formation of Soviet historiography of the Great French revolution, as well as their successors. The author of the book shares with the reader his memories of famous historians, whom he knew directly or through their relatives. The main idea of the book is to show how difficult and sometimes tragic was the way of scientists who sincerely believed in the ideals of the Russian revolution, in its justice, but lived and worked in a "hard" ideological regime, the so-called "culture of party." Without this conflict, it is difficult to understand the specifics of Soviet society, the successes and victories of the "iron age". The author showed his own way into science at that time.

Keywords: French revolution, "culture of party", discussions, Jacobin dictatorship, "mad men's movement", Russian pre-revolutionary school.

References

1. *Gordon A. V. Istoriki "zheleznogo veka"* [Historians of the "iron age"]. M. ; SPb. Center for humanitarian initiatives. 2018. 448 p.
2. *Gordon A. V. Velikaya francuzskaya revolyuciya v sovetskoj istoriografii* [The Great French revolution in Soviet historiography]. M. Nauka. 2009. 381 p.
3. *Gordon A. V. Vlast' i revolyuciya: Sovetskaya istoriografiya Velikoj francuzskoj revolyucii. 1918–1941* [Power and revolution: Soviet historiography of the French revolution. 1918–1941]. Saratov. Scientific book. 2005. 252 p.
4. *Gordon A. V. Velikaya francuzskaya revolyuciya kak yavlenie russkoj kul'tury* [The Great French revolution as a phenomenon of Russian culture] // *Istoricheskie etyudy o francuzskoj revolyucii. Pamyati V. M. Dalina* – Historical studies of the French revolution. In Memory of V. M. Dalin. M. Institute of Universal History of RAS. 1998.
5. *Sytin S. L. Revolyucionnoe dvizhenie plebejskih mass Parizha pod rukovodstvom Ru i Leklerka v 1793 g. : avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [Revolutionary movement of plebeian masses of Paris under the leadership of Roux and Leclerc in 1793 : abstr. dis. ... PhD of Hist. Sciences]. M. 1952.

УДК 930.221(470.342) DOI 10.25730/VSU.2070.19.013

Смыслы вятского летописания

А. О. Кайсин
заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: akai_slob@mail.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается вышедшая в издательстве «Кварц» в 2019 г. монография А. Л. Мусихина «Вятка: символы и смыслы». Дается краткий анализ монографии, посвященной вятскому летописанию. Подчеркивается важность первого комплексного исследования на данную тему. В первый том включены опубликованные ранее статьи, посвященные различным темам средневековой вятской истории. Второй том – это монографическое изучение вятского летописания с подробным анализом и публикацией самих летописных текстов. Это первый на сегодняшний день хронологический обзор летописных источников о Вятском крае и летописных источников, непосредственно на Вятке созданных. Автор попытался (достаточно удачно) представить цельную и системную картину истории складывания и бытования вятского летописания.

Ключевые слова: А. Л. Мусихин, «Повесть о стране Вятской», основание города Вятки, вятская медиевистика, вятское летописание.

Алексей Леонидович Мусихин является признанным специалистом в области изучения допетровской Вятки. Потому выход книги на тему вятского летописания – событие значительное.

Монография, как подчеркивает сам автор, – труд последних 20 лет его жизни, своеобразная творческая веха. Книга, вышедшая под одной обложкой, представляет собой два тома[1]. В первый том включены статьи автора за последние годы, посвященные различным темам средневековой вятской истории. Второй том – это монографическое изучение вятского летописания с подробным анализом и публикацией самих летописных текстов.

Первый том достаточно логично разделен на две книги, в каждой из которых есть удачная компоновка статей по группам: «Имя», «Пространство», «Время» и «Человек», «Семья», «Традиция», «Источник». Автор преимущественно опирается на письменные источники. Все работы сильно отличаются по своему научному наполнению, и это имеет свое объяснение: тексты публиковались в разных изданиях – от газет до сборников научно-практических конференций. Статьи, посвященные происхождению общеупотребительных географических наименований, безусловно, интересны. В них Мусихин очень подробно описывает все известные письменные источники о происхождении таких названий, как *страна Вятская, Белая Холуница, Болванский городок, Кокшаров, река Великая* и других (с. 15–81). При этом, переходя от анализа письменных источников к смежной научной области – этимологии, автор выводит сложные, малодоказуемые формулы. Например, доказывая, что название Холуницы происходит от слова «холуй», он связывает его с поселением «холопов-холуев на Вятской земле» (с. 46). Хотя на эту тему есть другое мнение (проигнорированное автором) – о том, что в вятских говорах есть чередование гласных: «Вероятно, именно такому диалектному чередованию обязано существование наряду с речкой *Хлыновицей*, на которой стоит *Хлынов* (Киров), и рек Черной и Белой *Холуницы* (левые притоки Вятки; все эти названия, видимо, связаны с основой *хлынуть*)» [1, с. 6]. Кроме этого, в нескольких статьях – «“В просторечии именуется Вяткою” (к вопросу о первоначальном названии города Кирова)» (с. 15–21); «Еще раз к вопросу о времени основания города Вятки (Кирова)» (с. 141–146) – автор уходит от научного описания и проявляет склонность к душевным переживаниям, призывая переименовать город из Кирова в Вятку, притом рассуждая: «…Неважно, к чему первоначально относилось это название, к городу или ко всей территории» (с. 21). В другом случае автор, сравнивая основание Хлынова с основанием Рима, предлагает считать датой основания города Хлынова/Вятки/Кирова 1181 г. По его мнению, «дата позволит объединить вятчан и дать им точку опоры в глубине истории, почувствовать гордость за свою древнюю Вятскую землю. Поскольку дата 1374 г. в настоящее время не может быть доказана научно, предлагаю считать датой рождения вятской столицы 1181 г.» (с. 146).

© Кайсин А. О., 2019

[1] *Мусихин А. Л.* Вятка: символы и смыслы. Нижний Новгород : Кварц, 2019. 800 с.

Другие тексты связаны с анализом письменных источников по истории Вятской земли, то есть по той теме, где Мусихин является признанным авторитетом. В этих работах поднимаются вопросы датировок в «Повести о стране Вятской», землевладений вятчан, письменных свидетельств деятельности Анфала Никитина. Анализируется переписка знаменитых вятских людей, источники по генеалогии, оброчные и строительные книги, грамоты арских князей (с. 82–365). Автор практически полностью исследовал все известные источники, сравнил их разновременные списки, опубликовал тексты и сделал множество глубоких обзоров разных групп источников (Вятская оброчная книга 1592/93–1615/16 гг., Вятская строельная книга Федора Супонева 1652 г., синодик Богородицкой церкви с. Порельского Котельничского уезда, синодик Богоявленского собора г. Хлынова). Тем самым подготовил читателя ко второму тому, названному «Летописание. Текст».

Как отмечает в предисловии к книге доктор исторических наук А. А. Кузнецов, «это большая и важная работа, помещенная во второй том, выводит вятское летописеведение на совершенно новый – академический – уровень и открывает новые горизонты в постижении средневековых текстов “земли Вятской”» (с. 5). Данный том – итог работы автора над темой вятского летописания. Это первый на сегодняшний день хронологический обзор летописных источников о Вятском крае и летописных источников, непосредственно на Вятке созданных. Мусихин справедливо отмечает: «Несмотря на некоторые успехи в изучении позднего русского летописания, в том числе и провинциального, все исследователи отмечают ряд проблем, которые все еще сохраняются: недостаточно исследованы места и обстоятельства создания летописей, их происхождение, источники, состав, особенности работы составителей» (с. 379). Попытка решения указанных проблем и приводится в последующем тексте. В результате научного синтеза Мусихин попытался (достаточно удачно) представить цельную и системную картину истории складывания и бытования вятского летописания.

Автор подробно и последовательно анализирует происхождение известий о набеге ушкуйников в 1374 г., привлекая записи всех известных упоминаний о событии и приводя советующие тексты и переводы, причем не только общерусских летописей, но и устюжского летописания. Развивая данную тему, автор проводит эволюцию историографического знания об этой проблеме от А. С. Верещагина до Д. К. Уо, делая вывод о том, что «…в настоящее время не известно ни одного письменного источника, *бытовавшего на Вятке*, в котором содержалось бы сообщение 1374 г. об ушкуйниках» (с. 381). Соответственно, корни данного события нужно искать в общерусском летописании. И автор последовательно проводит разбор данного события по нескольким летописным сводам: Воскресенской, Львовской, Никоновской, Типографской, Троицкой, Симеоновской, Ермолинской летописях и Рогожском летописце. В целом, описывая возможности появления летописания на Вятке до XVII в., Мусихин очень осторожен. Он пишет о том, что «…доказательств этому пока не имеется» (с. 409).

Еще одна тема – собственно вятское летописание, где подробно анализируются не только хорошо известные «Летописец старых лет» и «Вятский временник», но и другие редкие летописные своды и синодики (Слободская летопись, Макарьевский, Подчуршинский, Богоявленский, Пятницкий синодики). Автор полагает, что «…с последней четверти XVII в. на Вятской земле более активно начал проявляться интерес к местной истории, который выразился в написании различных летописных и других исторических произведений. Интенсивность написания этих летописных и других исторических записей в XVIII в. не только не ослабела, но, наоборот, даже усилилась» (с. 462). Связывается такой порыв, прежде всего, с дельностью и личным участием епископов Александра и Ионы, руководившими Вятской епархией во второй половине XVII в.

Отдельно рассматриваются сказания повести, содержащие в себе «…элементы реальных исторических событий» (с. 461). В первую очередь «Повесть о стране Вятской» – «до настоящего времени главный письменный источник для изучения средневековой Вятки» (с. 477) – и «Сказание о вятчанех». Автор проводит подробное исследование текста и справедливо указывает, что «Повесть» относится уже не к летописанию, а зарождающейся историографии (с. 536).

В заключение Мусихин выделяет, пожалуй, главное отличие вятского летописания. «Основным отличием Вятской земли от других регионов России, где отсутствовала ранняя традиция летописания, является достаточно позднее открытие там архиерейской кафедры. Тем не менее история вятского летописания подтверждает “интенсивное и поступательное развитие летописной традиции в России XVII в.” и даже первой половины XVIII в. Причем создавались сочинения не только с местной тематикой, но и общерусского характера» (с. 536–537).

Кроме того, во втором томе дается авторский подробный археографический обзор упомянутых текстов вятского летописания с полным представлением всех списков и публикация этих текстов в разделе Летописные памятники. Кроме этого, публикуются и «Сказания о вятчанех», «Повесть о стране Вятской», «Повесть о начале заведения города Орлова», «Летопись села Покровского (Шалегово)» в различных дошедших до нас редакциях и списках.

Хотелось бы отметить высокую исследовательскую культуру автора (особенно во втором томе), внимание и уважение к деталям. В книге содержится множество ценных уточнений относительно событий, дат и имен.

Это издание опирается на солидную источниковую базу. Автор очень хорошо ориентируется в литературе, связанной с проблематикой исследования, о чем свидетельствует обширный библиографический список. Им было привлечено большое количество общих и специальных трудов – от классических книг по общерусскому летописанию до работ местных историков с XIX века по настоящий день.

Нельзя не сказать об очень хороших указателях, без которых ориентироваться в такой объемной монографии было бы сложно. В указателях содержатся списки имен и географических названий, упомянутых в книге, а также список общепринятых сокращений.

Конечно, можно указать и на то, что тома по своему исследовательскому потенциалу получились разными. Автор в первом томе часто уходит в области научного знания, смежные с его основной темой, благодаря этому получились яркие, но довольно спорные очерки о происхождении понятий и явлений, связанных с ранним периодом вятской истории. Второй том – отдельное законченное монографическое произведение, где Мусихину удалось, используя весь исследовательский талант, создать нужный, необходимый для вятской историографии труд.

Книга, в которой изучены все известные письменные источники по истории средневековой Вятки, будет непременно полезна тем, кто занимается как региональной, так и общероссийской медиевистикой.

Список литературы

1. *Напольских В. В.* Бодун – поминальный праздник на Нижней Вятке // Живая старина. № 2. 2013. С. 3–7.

Meanings of the Vyatka chronicle

A. O. Kaishin
head of research archaeological laboratory, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: akai_slob@mail.ru

Abstract. The review considers A. L. Musikhin's monograph "Vyatka: symbols and meanings" published in the publishing house "Quartz" in 2019. A brief analysis of the monograph devoted to the Vyatka chronicle is given. The importance of the first comprehensive study on this topic is emphasized. The first volume includes previously published articles on various topics of medieval Vyatka history. The second volume is a monographic study of the Vyatka chronicle with a detailed analysis and publication of the chronicle texts themselves. This is the first to date chronological review of chronicle sources about the Vyatka region and chronicle sources that were created directly in Vyatka. The author tried (quite successfully) to present a complete and systematic picture of the history of the formation and existence of the Vyatka chronicle.

Keywords: A. L. Musikhin, "The story of the Vyatka country", foundation of the city of Vyatka, Vyatka medievalism, Vyatka chronicle.

References

1. *Napol'skih V. V. Bodun – pominal'nyj prazdnik na Nizhnej Vyatke* [Bodun (Hangover) is memorial feast on the Lower Vyatka] // *Zhivaya starina* – Living antiquity. No. 2. 2013. Pp. 3–7.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.018.5(470.342)(091) DOI 10.25730/VSU.2070.19.014

Школа Кировской области в предвоенные годы

В. Б. Помелов
доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. В статье на основе фактологического материала и архивных источников показаны основные тенденции развития школьного образования в Кировской области в предвоенные годы. Подробно раскрывается деятельность школьных коллективов по военно-оборонной и спортивной подготовке школьников в конце 1930-х гг. Характеризуется деятельность Кировского областного отдела народного образования и районных отделов народного образования по проведению аттестации учителей, выявлению недостатков в их профессиональной подготовке. В статье показан вклад школьных учителей и преподавателей Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина в решение задачи подготовки учительских кадров.

Ключевые слова: Кировская область, г. Киров, школа, учителя и учащиеся, предвоенные годы, аттестация учителей, КГПИ, А. Н. Тепляшина, С. А. Широкшин, Л. В. Болванович, Д. Б. Марчуков, В. В. Азаров.

История образования СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. была и остается одной из важных тем историко-педагогической науки. Эта проблематика особенно актуализируется в настоящее время в связи с приближающимся 75-летним юбилеем Великой Победы. В то же время далеко не все страницы истории отечественного образования в военные годы, прежде всего в предвоенные годы, становились предметом научного исследования историков педагогики. В значительной степени это относится к истории регионального образования. Данная статья ставит своей целью раскрытие тех страниц истории образования в Кировской области, которые ранее не находили адекватного отражения в научных публикациях. Автор сосредоточил свое внимание на том, как работала система образования в Кировской области – одном из типичных регионов СССР – в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне.

Несмотря на все сложности, обусловленные как объективными причинами (небогатое наследие дореволюционной школы, нехватка педагогических кадров и их, в целом, невысокий профессиональный уровень, недостаточное финансирование и др.), так и субъективными причинами (отказ от наследия дореволюционной прогрессивной российской педагогики, культ личности И. В. Сталина и порождавшиеся им негативные явления), образование в Кировской области в предвоенные (вторая половина 1930-х гг.) годы последовательно развивалось в количественном и качественном отношении. Так, в 1939 г. в регионе функционировала 1921 школа, работали 12 516 учителей, насчитывалось 359 954 учащихся [24, л. 299]. Эти данные значительно превосходили аналогичные показатели начала 1930-х гг.[1]

Работа всех учреждений образования осуществлялась под непосредственным руководством народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – НКП); в каждой союзной республике в то время был свой наркомпрос. (Единое союзное министерство просвещения появилось лишь в 1966 г.) В свою очередь, НКП был в подчинении Совета народных комиссаров (СНК).

Именно СНК постановил в 1940–1941 учебном году провести инвентаризацию всей школьной сети и ввести *паспорт школы,* в котором указывались бы такие важные данные, как профиль школы, год постройки, район обслуживания, состояние школьных помещений, оборудование и комплектация, характеристика педагогического, административного и вспомога-

© Помелов В. Б., 2019

[1] В 2019 г. система образования Кировской области включает в себя более 1300 образовательных организаций всех уровней. В них обучаются и воспитываются более 270 тыс. человек и занято около 25 тыс. педагогических работников. См.: Министерство образования Кировской области : официальный сайт. Киров. URL: https://www.kirovreg.ru/social/education (дата обращения: 8.10.2019).

тельного персонала и другие важные данные. Важнейшим показателем было выполнение закона о всеобуче; иными словами, учителя были обязаны обеспечить 100%-ное обучение всех без исключения детей школьного возраста на территории, которая была закреплена за данной школой. Для учителей Кировской области выполнение этого показателя было особенно сложным в только что присоединенных районах: Опаринском, Лузском и Подосиновском[2].

Вскоре выяснилось, что многие школы, и не только в Кировской области, не обеспечены самым необходимым для нормального протекания учебного процесса. Однако школьная сеть в стране оказалась такой огромной, что на первое время было решено ограничиться самым необходимым. Были определены приоритетные школьные дисциплины (физика, химия, биология, география, иностранные языки). На эти предметы выделялись средства в первую очередь, а именно закупались приборы, наглядные пособия и пр.

Второе важнейшее направление в деле оборудования школы занимало снабжение физкультурным инвентарем и тем, что необходимо для надлежащей постановки допризывной военной подготовки. Здесь также был определен минимум оборудования, который должен был быть в каждой школе; он включал в себя, прежде всего, лыжи в количестве, достаточном для каждого второго ученика, а также учебные винтовки и гранаты. Для приобретения этого инвентаря на каждую школу ассигновывались 1500 р. Значительный вклад в решение этой проблемы вносил кировский завод «Физприбор» № 2 им. А. В. Луначарского, выпускавший, в частности, учебные гранаты, а в годы Великой Отечественной войны переключившийся, естественно, на выпуск боевой продукции.

НКП поставил задачу в течение 1940–1941 учебного года организовать физкультурные площадки при каждой школе. Это потребовало вложений от 1000 до 12 000 р. в расчете на одну школу. Согласно утвержденному единому проекту каждая площадка имела полосу препятствий, турник, секторы для прыжков, толкания ядра и метания гранаты. В городских водоемах, где это было возможно, устраивались купальни.

Все парки культуры и отдыха оборудовались парашютными вышками, некоторые из которых в дальнейшем сохранились вплоть до начала 1970-х гг., как, например, в кировском клубе КОР (клуб Октябрьской революции), ныне дом культуры железнодорожников. К этим вышкам обычно выстраивалась целая очередь желающих испытать свою волю и воспитать в себе смелость. Сначала было необходимо одолеть длинную лестницу. На вершине смельчаку, для придания большего сходства с реальным прыжком, пристраивали на спине макет парашюта; кроме того, он вставлял руки в специальные лямки, и, наконец, делал шаг в пропасть. Некоторое время «парашютист» просто падал, затем лямки «срабатывали». Приземление не всегда было комфортным. Иногда руки выворачивало и они потом болели от растяжения.

В условиях приближавшейся войны, дыхание которой ощущалось все сильнее во второй половине 1930-х гг., особое значение приобретала физкультурно-спортивная и оборонно-массовая работа. Значительный импульс ей придало повсеместное введение комплекса «Готов к труду и обороне» [15, с. 49]. В целом ряде школ все учащиеся 6–10-х классов имели оборонные значки [21]. И такой крен в сторону оборонно-массовой и физкультурно-спортивной работы был характерен для всех школ региона. Став «ворошиловскими стрелками», то есть выполнив нормы по стрельбе из винтовки Мосина, юноши и девушки стремились стать «ворошиловскими пулеметчиками». Это звание – «ворошиловский пулеметчик» – было значительно более редким по сравнению с «ворошиловским стрелком», поскольку для его получения необходимо было овладеть оружием, которое только начало поступать на вооружение Красной армии, а в школьных учебных центрах вообще было редкостью [6].

При домах культуры организовывались комнаты военно-оборонной работы, оборудованные наглядными пособиями. Обычно они имели в своем распоряжении действующее, хотя и учебное, оружие.

В 1940–1941 учебном году в работе только предметных кружков принимали активное участие 68% всех учащихся области; если же принимать во внимание другие формы воспитательной работы (оборонную, спортивную, музыкально-эстетическую и т. д.), охват разными видами кружковой работы почти повсеместно составлял практически 100% [16, с. 88].

---

[2] Указанные районы были включены в состав Кировской области накануне Великой Отечественной войны. См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перечислении Опаринского района Архангельской области в состав Кировской области» от 17 января 1941 г. // Правда. 1941. 18 января. № 16. С. 1; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О перечислении Подосиновского и Лальского районов Архангельской области в состав Кировской области» от 22 марта 1941 г. // Кировская правда. 1941. 23 марта. № 70. С. 1.

В школах города Кирова и Кировской области в предвоенные годы было немало педагогов, которые все свои силы отдавали патриотическому воспитанию подрастающего поколения, готовили молодежь к предстоящим битвам с фашизмом [16, с. 82–83].

Учитель Семен Аполлонович Широкшин в 1932 г. привлек к спортивным занятиям Марию Григорьевну Исакову, ставшую в дальнейшем знаменитой спортсменкой, трехкратной абсолютной чемпионкой мира и многократной чемпионкой мира на отдельных дистанциях. Более того, она была вообще первой советской чемпионкой мира среди представителей всех видов спорта.

В конце 1930-х гг. Семен Аполлонович был директором дома пионеров и школьников в г. Кирове, располагавшемся в бывшем епископском особняке по ул. Коммуны, ныне ул. Московская, рядом с мемориальным комплексом «Вечный огонь» [14, с. 155]. Сейчас в этом историческом особняке – офис фирмы «Глобус».

В этот период осуществляли свою педагогическую деятельность такие видные учителя, как Аполлинария Николаевна Тепляшина (1879–1976), в память о ней в Кировской области учреждена медаль, которой награждаются лучшие учителя начальных классов [2; 4; 19].

В отчете Кировского облоно за 1940–1941 учебный год особенно отмечалась работа учительницы средней школы № 16 г. Кирова Л. М. Болванович (1912–1975). Впоследствии она работала в школе № 29, была награждена орденом Ленина [16, с. 82]. И таких мастеров и энтузиастов педагогического дела, как Лидия Михайловна Болванович, становилось все больше среди вятских педагогов.

Вятский краевед Александр Дмитриевич Фокин руководил кружком юннатов, результаты деятельности которого становились предметом публикаций и были известны в АН СССР [20].

На районных и областных смотрах детского технического и художественно-изобразительного творчества школьные коллективы ежегодно демонстрировали свои достижения [16, с. 86; 25, л. 80]. Все это было следствием значительной по объему, плодотворной работы, которую вели педагоги. В Уржумском районе в конце 1930-х гг. насчитывалось следующее количество кружков: литературных – 20, антирелигиозных – 23, МОПРа – 10, художественных – 7, хоровых – 22, физкультурных – 10, драматических – 3, юннатов – 1. В Нолинском районе антирелигиозными кружками было охвачено 360 детей, хоровыми – 376, художественного чтения – 729, драматическими – 286, «юный друг милиции» – 439, «затейничества» – 452 [22, л. 226]. Как видно из приведенных примеров, в первом случае упор в работе с детьми делался на активизацию политической работы, во втором – на учет реальных интересов детей и задачи их всестороннего развития [16, с. 86].

Среди внешкольных учреждений назовем детскую техническую сельскохозяйственную станцию в г. Халтурине, которая имела следующие кружки: авиамодельный (48 учащихся), фото (38), юннатов (37), радио (10). В течение 1938 г. сотрудниками станции (4 педагога) было проведено 112 экскурсий, организовано 225 просмотров кинокартин и спектаклей, 276 бесед и докладов, осуществлено 3303 часа кружковой работы; значительную часть времени занимали также соревнования, например, авиамоделистов. В Котельничской детской технической станции в дополнение к вышеуказанной были кружки радио, рукодельный, водный.

Хор Кировской детской музыкальной школы под руководством известного энтузиаста Александра Семеновича Еремина участвовал в новогодних радиоконцертах, на различных праздниках и народных гуляниях [16, с. 87].

На совместных учительско-родительских собраниях, прошедших в г. Кирове в поддержку обращения работников московского завода «Серп и молот», выступивших за укрепление связи семьи и школы, учителя обязались повышать уровень своей работы, вести педагогическую пропаганду среди родителей и организовывать плодотворный досуг школьников, а родители – ежедневно контролировать учебу своих детей, поддерживать внеурочную работу школы, оказывать ей помощь и поддержку [16, с. 88]. Среди родителей были такие энтузиастки, как, например, Александра Николаевна Лазуко, организовавшая детскую площадку и взявшая шефство над шестнадцатью «трудными» подростками.

Несмотря на очевидные успехи в народном образовании области в предвоенный период в работе школ было немало противоречий, формализма, слабых мест. Даже на учительских конференциях ответственные работники учреждений просвещения позволяли себе высказывания, которые вызывали, по меньшей мере, недоумение у собравшихся рядовых педагогов. Так, зав. Ждановским РОНО г. Кирова Н. А. Лихачева на совещании в марте 1940 г. заявила: «Я не собираюсь делать глубокого анализа учебно-воспитательной работы» [8]. Зачем же тогда, спрашивается, было выходить на трибуну? И это при том, что успеваемость по району, находившемуся в област-

ном центре, то есть в относительно более благоприятных условиях по сравнению с сельскими районами, была одной из самых низких в области, составляла всего 79%. Не лучшим было положение и в других районах областного центра: в Молотовском районе – 75%, Сталинском – 71,3%. Отсев учащихся по городу составил 350 детей [8]. На этом совещании преобладали взаимные обвинения. Учителя средних школ предъявляли претензии учителям начальных школ в слабой подготовленности контингента учащихся. Учителя начальных классов отвечали тем, что необходимо «правильно подходить» к выпускникам начальных школ.

Не меньше недостатков было выявлено и в сельских районах. Так, в 1939 г. работники Шестаковского РОНО побывали всего в трех школах и посетили... 4 урока. Крайне редко посещались уроки в Богородском, Тужинском, Свечинском районах. В некоторых школах, как, например, в Песковской средней школе Омутнинского района, было допущено почти массовое «ссаживание» детей на класс ниже. В Троицкой школе Поломского района проведение контрольных работ выявило очень низкий уровень знаний. В Вожгальской средней школе уже в середине 1940–1941 учебного года были составлены списки учащихся, которых следовало оставить на второй год [8].

Многочисленные недостатки в развитии просвещения в Кировской области привлекли к себе внимание руководящих органов Народного комиссариата просвещения РСФСР. Принимавший участие в работе областного совещания работников народного образования в феврале 1940 г. заместитель наркома просвещения РСФСР В. В. Азаров заявил: «Кировская область самым неудовлетворительным образом осуществляет закон о всеобщем обязательном обучении. Она стоит на последнем месте в стране» [8]. И неудивительно! Даже на самом совещании заведующий Уржумским РОНО Бахтин начал свое выступление буквально так: «В Уржумском районе не охвачено обучением всего 89 детей. Ничтожная цифра! Она составляет всего 0,7% к контингенту учащихся. Я вот и не знаю, стоит ли занимать ваше внимание такими пустяками» [8].

Естественно, такое пренебрежительное отношение к интересам и нуждам детей со стороны местных чинуш-бюрократов от образования вызвало гневную отповедь со стороны высоких гостей из Москвы. Особое внимание московская комиссия уделила институту усовершенствования учителей, который, по их мнению, проводил неправильную политику, не соответствовавшую задачам этого учреждения [13]. «Они, – заявил В. В. Азаров, – мечтают о кафедрах, хотят превратить его в своего рода учебное заведение. Между тем у ИУУ другие задачи: изучать опыт лучших мастеров педагогического дела и передавать его учительским кадрам». Начальник Главучтехпрома НКП РСФСР Н. А. Еремин занимался рассмотрением деятельности комбината учебно-технического школьного оборудования (КУТШО), работавшего плохо и не выполнявшего производственную программу [8].

9 января 1934 г. вышло в свет постановление СНК РСФСР, которое обязывало учителей повышать свою квалификацию. Для более успешного решения этой задачи в РСФСР были открыты 3 пединститута и 22 учительских института. В Кировской области в дополнение к работавшему Кировскому пединституту в 1930-е гг. были открыты учительские институты в Омутнинске, Яранске и Слободском [1, с. 277], которые приступили к подготовке педагогических кадров. Органам образования предписывалось снимать с работы в школе тех педагогов, которые не имели профессионального образования и не желали повышать свою квалификацию. 10 апреля 1936 г. было издано постановление СНК СССР «О персональных званиях для учителей…», согласно которому учитель начальной школы должен был иметь среднее специальное образование, а учитель средней школы – высшее [5, с. 288]. Предпринимался ряд мер по повышению квалификации учителей. Главным средством стало заочное обучение, которое было учреждено в стране, начиная с 1930 года. Вятский пединститут ввел «заочку» одним из первых в стране. Руководители вузов и многие известные педагоги (ученые и практики) были, разумеется, против этой профанации высшего образования. Но их успокаивали тем, что это временная мера, вызванная крайней нехваткой специалистов и вводимая всего на один год с целью подготовки «красных специалистов». Однако этот «год» длится до сих пор, и конца ему не предвидится в обозримом будущем…

Большую роль в решении вопроса о самообразовании учителей и их активизации учителей на решении актуальных задач образования играла ставшая в конце 1930-х гг. регулярной аттестация педагогических кадров. Работа учителей оценивалась по двум показателям: идеологическая и методическая подготовленность. В итоговых документах тех лет по аттестации учителей встречается немало критических выводов. В частности, отмечалось, что еще есть такие тетради учащихся, «где нет отражений нашей действительно прекрасной жизни,

успехов социалистической Родины». Указывалось, например, что в классе учительницы Огнетовой (Ефремовская школа Тужинского района) в ученических тетрадях можно было встретить такие предложения: «Осенью одна ягода, да и та горькая», «Проголодаешься – хлеба достать догадаешься», «Пуганая ворона и куста боится». Такой подход к отбору содержания урока комиссия считала «нездоровым, незрелым, несоответствующим задачам социалистического строительства» [22, л. 228].

Не всеми учителями, с досадой отмечали работники органов образования и члены разного рода «проверкомов», был правильно понят вопрос о коммунистическом воспитании на школьных уроках. Немалое количество учителей считали, что урок письма менее всех остальных благоприятен для политического воспитания, так как учитель должен подбирать упражнения на проходимое грамматическое правило, а не на «злобу дня». Учителя Пахтаев из Михайловской и Шаромов из Шелеметьевской школ Тужинского района на вопрос, как они проводят на своих уроках коммунистическое воспитание учащихся, ответили одинаково: «Где можно связываю, увязываю с социалистическим строительством...». «А надо везде увязывать, где только можно», – делали свой вывод инспекторы [22, с. 228].

Большое внимание в школах в 1930-е годы уделялось развертыванию социалистического соревнования среди учащихся и среди учителей. В школах Нолинского района соревнование проходило в форме взаимного посещения уроков с их последующим обсуждением и анализом работ детей. Учителя брали обязательства закончить учебный год без отстающих, повышать свой образовательный уровень посредством учебы на заочных отделениях педагогических учебных заведений и т. п. Так, результатом хорошей организации соревнования между Лудяно-Ясошенской и Белоусовской школами стало значительное повышение уровня успеваемости в последней. Соревнование Нолинской средней школы и Чертановской начальной школы ставило перед собой цель оказание педагогической помощи со стороны учителей ведущей школы района. Однако во многих случаях соревнование носило формальный характер [22, л. 230].

Часть сельских учителей отстранялись от работы. Однако даже те, кто был временно допущен, далеко не всегда, по мнению облоновских комиссий, имели надлежащий уровень. Так, в числе временно допущенных была учительница Корякинской начальной школы Видякина, имевшая на момент аттестации опыт педагогической работы более двух лет, но не обладавшая, по мнению комиссии, методической подготовленностью. О политической подготовке учительницы, отмечалось в отчете комиссии, говорят ее утверждения о том, что Испания воюет с Китаем, Московская область – союзная республика; она не слышала о перелете советских летчиков через Северный полюс в Америку. В тетрадях ее учеников много ошибок, которые она пропускает. О художественной литературе имеет самое смутное представление [22, л. 249]. И тем не менее в силу нехватки учительских кадров приходилось оставлять таких учителей.

Учительницу Стешевской начальной школы Новоселову комиссии все-таки пришлось уволить ввиду того, что она «совершенно неграмотная, даже не знает, как правильно писать свое имя; не знает, сколько ей лет; не знает, где находится Абиссиния и т. п.» [22, л. 250].

В ряде случаев беседы членов аттестационных комиссий напоминали экзамен по политграмоте. Это объяснялось тем, что среди проверяющих много было политработников, партийцев и прочих «выдвиженцев». Им, поднаторевшим в политической риторике и навешивании ярлыков, проще было задавать вопросы типа «Кто первым получил Звезду Героя Советского Союза?», «Назовите место рождения Байдукова», «Сколько орденов у Папанина?», «Что главное в учении марксизма-ленинизма?», «Как разрешается вопрос победы социализма в нашей стране?», «Сколько угля поднял за смену Алексей Стаханов?», «Сколько свеклы выращивают Дуся и Муся Виноградовы?», «Кого раньше выявили как врага народа, – Троцкого или Бухарина?» и т. п. [16, с. 84].

Вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения получали отражение в выступлениях руководителей области [22, л. 233]. Так, депутат областного совета, в будущем председатель Кировского облисполкома (1945–1947) и первый секретарь обкома КПСС (1947–1952), Иван Тимофеевич Быков в своем докладе на 1-й сессии заявил о том, что в области имеются школы всего лишь с 60-70%-ной успеваемостью [7]. Ясно, что такого рода выступления если и «нацеливали» педагогов, так исключительно на искусственное завышение отметок. Одним из основных пороков школы И. Т. Быков назвал отрыв преподаваемого в ней учебного материала от современного политического положения. «На уроке географии учитель рассказывает о реках, озерах, полезных ископаемых, но совершенно не говорит о том, как при Советской власти все эти богатства используются. На уроке, посвященном механизации сельского хозяйства, учитель приводит отвлеченные цифры, но ничего не говорит о ра-

боте машинно-тракторной станции» [7]. Несмотря на очевидную политическую подоплеку многих выступлений партийных работников тех лет, следует признать, что в приводимом выше примере докладчик был, в общем, прав, поскольку принцип связи обучения с жизнью, с практикой общественного развития является одним из важнейших в педагогике и мало зависит от политических «перегибов».

Планирование работы учителей из года в год носило формальный характер. Учителя обязывались добиваться исключительно 100%-ной успеваемости [16, с. 83]. Уже тогда получил распространение доживший до наших дней лозунг: «Нет плохих учеников, есть плохие учителя!»

«Важную» причину неудовлетворительного положения школьного дела руководящие областные органы видели в том, что «вся работа бывшего вражеского руководства областного отдела народного образования *(Д. Б. Марчуков и Люсов – заведующие Кировским областным отделом народного образования в 1937–1938 гг. – В. П.*[3]*)* была направлена на развал школы, на срыв коммунистического воспитания учащихся» [22, л. 233]. Надуманность и лживость этих обвинений становится очевидной, особенно в свете общей картины внутреннего общественно-политического положения страны в конце 1930-х гг. В вышеуказанном постановлении перед новым руководством облоно (заведующий Н. Родионов, его заместитель Агалаков) ставились утопические и неразрешимые задачи – добиться в 1938–1939 учебном году коренной перестройки, окончательно ликвидировать второгодничество, достичь отличной успеваемости, до конца разоблачить и окончательно ликвидировать последствия вредительства врагов народа в школах области и т. п. [22, л. 234].

По итогам аттестации немалое количество учителей было снято с работы. Так, учитель истории Мурашинской средней школы Сунцов, направленный на работу в школу «без проверки врагом народа Марчуковым, на протяжении полутора лет вместо курса истории путал сознание учащихся аполитичными, бессвязными, высокопарными фразами – “Будем бороться с троцкизмом, все на борьбу с врагами народа” *(последнее предложение в документе тщательно зачеркнуто. – В. П.),* развращал учениц школы, вел работу по разложению коллектива учителей. Документы поддельные. В день аттестации передан аттестационной комиссией в органы НКВД» [22, л. 244]. Приходится с сожалением признать, что фактически аттестационные комиссии нередко помогали указанным органам выполнять их планы по выявлению «врагов народа».

В рассматриваемый период поиск «врагов народа» велся особенно интенсивно среди интеллигенции, прежде всего, в учительской и преподавательской среде. Громкий резонанс получило так называемое «дело» директора Кировского пединститута в 1932–1936 гг. Михаила Афанасьевича Елсукова, по которому были необоснованно арестованы и понесли незаслуженное наказание десятки студентов и преподавателей. Сам М. А. Елсуков скончался в концлагере на Колыме в 1941 г. [12, с. 150].

Помощник директора института по хозяйственной деятельности Н. Ф. Пережогин был арестован прямо на улице. В беседе с автором данной статьи его вдова Сара Макарьевна Дриго, также в прошлом сотрудница Кировского пединститута, рассказывала, что Никанора Федоровича избивали непрерывно в течение всего срока нахождения в камере предварительного заключения. Он чудом выжил, и то лишь потому, что был инвалидом (у него практически не действовала одна нога) и он не был пригоден для работы на лесоповале или руднике. Инвалидность фактически спасла его от расправы. Осенью 1941 г. именно Пережогин руководил эвакуацией педагогического института в районный город Яранск. В дальнейшем он в течение 40 лет работал в системе профессионально-технического образования Кировской области [11, с. 249].

Всего, по нашим данным, в годы сталинского произвола были репрессированы более сотни преподавателей и студентов очной формы обучения одного только педагогического института [17, с. 41].

---

[3] Д. Б. Марчуков, заведующий Кировским облоно, был арестован 3 дек. 1937 г. и осужден 15 июня 1939 г. Военным трибуналом УралВО по статье 58, п. 8, УК РСФСР. Приговор –10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. 11 янв. 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор, дело было прекращено и обвиняемый освобожден из-под стражи. Более подробно см.: *Мазурицкий А. М.* Неизвестные судьбы (Д. Б. Марчуков, заведующий Кировским областным отделом народного образования) // Герценка: Вятские записки : науч.-попул. альм. / Киров. ордена Почета гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол. : Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. Киров, 2017. Вып. 32. С. 146–152. И. А. Люсов также оказался в списках «врагов народа». *Головизнина Н. Л.* Управление системой образования Кировской области в 1940–1980 годы. См.: Вятские записки : науч.-поп. альм.. Вып. 29 / Киров. гос. универс. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена ; редкол. : Н. П. Гурьянова (сост.) и др. Киров, 2016. С. 104–117.

Как бы то ни было, но, несмотря на все трудности, «перегибы» и необоснованные аресты учительских кадров, образование в Кировской области развивалось достаточно быстрыми темпами. Если в 1926 г. количество неграмотных среди взрослых старше 18 лет составляло около 50%, то в 1930-е гг. неграмотность практически была ликвидирована, как среди взрослых, так и тем более среди детей школьного возраста. Количество студентов за этот период увеличилось в шесть раз, до 3200 человек [3]. Таким было состояние системы образования Кировской области в предвоенные годы.

Список литературы

1. Вятский край с древности до наших дней / отв. ред. В. А. Бердинских. Киров, 2006. 400 с.
2. *Громыко Г.* Заслуженная учительница // По родному краю. Киров, 1952. С. 25–28.
3. *Кирюхина Е. И*. К сокровищам науки и культуры // Кировская правда. 1962. 22 мая. № 118.
4. *Козлачкова Н.* Первая ласточка // Кировская правда. 1990. 13 января. № 11.
5. *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. Учпедгиз, 1948. 472 с.
6. *Никитин И*. Подъем оборонной работы в школе №20 // Кировская правда. 1940. 14 февраля. № 36.
7. 1-я сессия Кировского областного совета депутатов трудящихся // Кировская правда. 1940. 9 января. № 5.
8. Передовица // Кировская правда. 1940. 18 февраля. № 40.
9. *Помелов В. Б*. Видный вятский педагог-историк М. Г. Худяков / Вопросы педагогики. 2017. № 12. С. 55–59.
10. *Помелов В. Б.* Вятские по рождению (к 120-летию со дня рождения удмуртских поэтов Кузебая Герда и Ашальчи Оки) // Вторые Заболоцкие чтения, 16-17 мая 2018 г. : материалы Всерос. конф. / редкол. : С. Н. Будашкина, Н. В. Стрельникова. Киров : Герценка, 2018. С. 71–84.
11. *Помелов В. Б.* В трудный час (о педагоге Н. Ф. Пережогине) // Вятский исторический сборник. Год 2014-й : труды научно-исследовательского центра регионоведения / гл. ред. М. С. Судовиков. Киров: Герценка, 2014. С. 241–249.
12. *Помелов В. Б*. За то, что был самым лучшим!: К 110-летию М. А. Елсукова // Герценка: Вятские записки : науч.-поп. альманах : вып. 25 / ред. кол. : Н. П. Гурьянова (сост.). Киров : Герценка, 2014. С. 135–154.
13. *Помелов В. Б*. Из истории развития системы повышения квалификации учителей на вятской земле // Образование в Кировской области. 2013. № 3. С. 8–11.
14. *Помелов В. Б.* Кировские школы в предвоенные годы и в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. // Вклад поискового движения в патриотическое воспитание современной молодежи : материалы межрегион. науч.-практ. семинара-совещания / отв. ред. Т. В. Яшкова. Киров, 2009. С. 149–165.
15. *Помелов В. Б.* Комплекс ГТО: история и современность // Вопросы педагогики. 2018. № 4. С. 49–53.
16. *Помелов В. Б.* Народное образование в 1917–1999 годах // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / редком. : В. А. Ситников (председатель). Т. 9. Культура. Искусство. Киров, 1999. С. 57–146.
17. *Помелов В. Б.* Педагоги и психологи Вятского края. Киров : Информационный центр, 1993. 84 с.
18. *Помелов В. Б.* Поэты Кузебай Герд и Ашальчи Оки – гордость удмуртской культуры (К 120-летию со дня рождения) // Вопросы педагогики. 2018. № 8. С. 67–72.
19. *Федорова В.* Сеять разумное // Кировская правда. 1990. 13 января. № 11.
20. *Шернин А. И.* Краеведы // Кировская правда. 1940. 15 июня. № 136.
21. *Щелчков М*. Оборонная работа в школе // Кировская правда. 1940. 5 января. № 4.
22. Центральный государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 2342. Оп. 1. Ед. хр. 7.
23. ЦГАКО. Ф. 2342. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 96–118.
24. ЦГАКО. Ф. 2342. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 299.
25. ЦГАКО. Ф. 2342. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 80.

School of the Kirov region in the prewar years

V. B. Pomelov
Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of pedagogy, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article on the basis of factual material and archival sources shows the main trends in the development of school education in the Kirov region in the prewar years. It reveals in detail the activities of the school for military and sports training of students at the end of the 1930s. The work of the Kirov regional Department of national education and district education departments for the certification of teachers, to identify gaps in their professional preparation, is marked. The article shows the contribution of school teachers and teachers of the Kirov State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin in solving the problem of teacher training.

Keywords: Kirov region, Kirov, school, teachers and students, prewar years, certification of teachers, KSPI, A. N. Teplyashina, S. A. Shirokshin, L. V. Bolvanovich, D. B. Marchukov, V. V. Azarov.

References

1. *Vyatskij kraj s drevnosti do nashih dnej* – Vyatka region from antiquity to the present day / resp. editorship of V. A. Berdinskikh. Kirov. 2006. 400 p.

2. *Gromyko G. Zasluzhennaya uchitel'nica* [Honored teacher] // *Po rodnomu krayu* – Across the native land. Kirov. 1952. Pp. 25–28.

3. *Kiryuhina E. I. K sokrovishcham nauki i kul'tury* [To the treasures of science and culture] // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1962, May 22. No. 118.

4. *Kozlachkova N. Pervaya lastochka* [The first swallow] // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1990, January 13. No. 11.

5. *Konstantinov N. A., Medynskij E. N. Ocherki po istorii sovetskoj shkoly RSFSR za 30 let* [Essays on the history of the Soviet school of the RSFSR for 30 years]. Uchpedgiz. 1948. 472 p.

6. *Nikitin I. Pod'em oboronnoj raboty v shkole №20* [Rise of defense work in school No. 20] // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1940, February 14. No. 36.

7. *1-ya sessiya Kirovskogo oblastnogo soveta deputatov trudyashchihsya* – 1st session of the Kirov regional Council of workers' deputies // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1940, January 9. No. 5.

8. *Peredovica* – Leading article // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1940, February 18. No. 40.

9. *Pomelov V. B. Vidnyj vyatskij pedagog-istorik M. G. Hudyakov* [Prominent Vyatka teacher-historian M. G. Hudyakov] / Questions of pedagogy. 2017. No. 12. Pp. 55–59.

10. *Pomelov V. B. Vyatskie po rozhdeniyu (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya udmurtskih poetov Kuzebaya Gerda i Ashal'chi Oki)* [Vyatsk by birth (to the 120th anniversary of the birth of Udmurt poets Kuzebay Gerd and Ashalchi Oka) // *Vtorye Zabolockie chteniya, 16–17 maya 2018 g. : materialy Vseros. konf.* – Second Zabolotsk readings, May 16–17, 2018 : materials of All-Russia conf. / ed. board: S. N. Budashkina, N. V. Strelnikova. Kirov. Gercenka. 2018. Pp. 71–84.

11. *Pomelov V. B.V trudnyj chas (o pedagoge N. F. Perezhogine)* [In a difficult hour (about the teacher N. F. Perezhogin)] // *Vyatskij istoricheskij sbornik. God 2014-j : trudy nauchno-issledovatel'skogo centra regionovedeniya* – Vyatka historical collection. Year 2014 : proceedings of the scientific-research center of regional studies / ed. by M. S. Sudovikov. Kirov. Gercenka. 2014. Pp. 241–249.

12. *Pomelov V. B. Za to, chto byl samym luchshim!: K 110-letiyu M. A. Elsukova* [For being the best!: The 110th anniversary of M. A. Elsukov] // *Gercenka: Vyatskie zapiski : nauch.-pop. al'manah : vyp. 25* – Gercenka: Vyatka notes : scientific-pop. almanac : issue 25 / ed. board: N. P. Guryanova (comp.). Kirov. Gercenka. 2014. Pp. 135–154.

13. *Pomelov V. B. Iz istorii razvitiya sistemy povysheniya kvalufikacii uchiteley na vyatskoy zemle* [From the history of the development of the system of advanced training of teachers in Vyatka land] // Obrazovaniye v Kirovskoy oblasti – Education in the Kirov region. 2013. No. 3. Pp. 8–11.

14. *Pomelov V. B. Kirovskie shkoly v predvoennye gody i v gody Velikoj otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Kirov schools in the prewar years and during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Vklad poiskovogo dvizheniya v patrioticheskoe vospitanie sovremennoj molodezhi : materialy mezhregion. nauch.-prakt. seminara-soveshchaniya* – Contribution of the search movement in the Patriotic education of modern youth : materials of Interregional scient.- pract. seminar-meeting / resp. ed. T.V. Yashkova. Kirov. 2009. Pp. 149–165.

15. *Pomelov V. B. Kompleks GTO: istoriya i sovremennost'* [Complex GTO (Ready for labor and defense): history and modernity] // *Voprosy pedagogiki* – Questions of pedagogy. 2018. No. 4. Pp. 49–53.

16. *Pomelov V. B. Narodnoe obrazovanie v 1917–1999 godah* [Popular education in 1917–1999] // *Enciklopediya Zemli Vyatskoj : v 10 t.* – Encyclopedia of Vyatka Land : in 10 vols. / ed. com. : V. A. Sitnikov (chairman). Vol. 9. Culture. Art. Kirov. 1999. Pp. 57–146.

17. *Pomelov V. B. Pedagogi i psihologi Vyatskogo kraya* [Teachers and psychologists of Vyatka region]. Kirov. Information center. 1993. 84 p.

18. *Pomelov V. B. Poety Kuzebaj Gerd i Ashal'chi Oki – gordost' udmurtskoj kul'tury (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Poets Kuzebay Gerd and Ashalchi Oki – pride of Udmurt culture (To the 120th anniversary of birth)] // *Voprosy pedagogiki* – Questions of pedagogy. 2018. No. 8. Pp. 67–72.

19. *Fedorova V. Seyat' razumnoe* [To sow reasonable] // *Kirovskaya pravda* – Kirov Truth. 1990, 13 January. No. 11.

20. *Shernin A. I. Kraevedy* [Local historians] // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1940, June 15. No. 136.

21. *Shchelchkov M. Oboronnaya rabota v shkole* [Defense work at school] // *Kirovskaya pravda* – Kirov truth. 1940, January 5. No. 4.

22. Central state archive of Kirov region. F. 2342. Inv. 1. Unit 7.

23. Central state archive of Kirov region. F. 2342. Inv. 1. Unit 82. Sh. 96–118.

24. Central state archive of Kirov region. F. 2342. Inv. 1. Unit 107. Sh. 299.

25. Central state archive of Kirov region. F. 2342. Inv. 1. Unit 137. Sh. 80.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (13) (2019)

16+

Редактор *М. О. Корякина*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. И. Чернышова*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 05.12.2019 г.
Дата выхода в свет 20.12.2019 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 100 экз. Заказ № 6082.

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36